

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЗАПИСКИ

Журнал русской литературы

Книга восьмая

(IV - 2006)

Verlag "Partner"

2006

Редколлегия:

Даниил Чкония – *главный редактор*
Лариса Щиголь – *зам. главного редактора*
Ольга Бешенковская
Борис Вайнблат
Сергей Викман

“Zarubežnye zapiski“

ISSN 1862-8419

Все тексты этого и других выпусков журнала
представлены на интернет-порталах:

<http://magazines.russ.ru/> (Журнальный зал)
<http://www.zapiski.de>

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЗАПИСКИ

Журнал русской литературы

КНИГА ВОСЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Марина Палей. Postal a Córdoba. *Стихи*
Ефим Курганов. Шпион Его Величества. *Повесть*
Вера Павлова. Убежит молоко черёмухи... *Стихи*
Юдит Герман. Ураган. *Рассказ*
Александр Медведев. Воля к мысли. *Стихи*
Андрей Кучаев. Любовь слонов. *Рассказ*
Михаил Блехман. *Рассказы.*

Свечки

Феодосия

Главная новость

Анна Павловская. Аквариум. *Стихи*
Ольга Матюшкина-Герке. Мышиная сказка
Хаим Соколин. Серая зона. *Роман*

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИКА В ЗЕРКАЛЕ КЛАССИКИ РУССКОЙ

Rainer Maria Rilke. Der Lesende
Райнер Мария Рильке. За книгой

СВОБОДНЫЙ ЖАНР

Игнатий Ивановский. Фрагменты
Людмила Агеева. Письмо из Баварии

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Кирилл Померанцев. Сквозь смерть. Юрий Павлович Одарченко

ЭССЕИСТИКА, КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Мелихов. Не забудьте прошлый свет
Самсон Мадиевский. «Народное государство» Гитлера
Инна Ростовцева. Возвращённый Блажеевский
Ефим Гофман. О плодотворном «двоемыслии» и экспансии «продавливания»
Евгений Кочанов. Вращая разноцветный глобус (*продолжение*)

ИНЫЕ ЖАНРЫ...

Владимир Берязев. Иронические стихи

Коротко об авторах

Ноябрь, 2006

POSTAL A CORDÓBA¹

Ты вряд ли получишь эту открытку, ведь я точно не знаю, где ты живёшь.
Кроме того, мои ошибки в испанском исключают возможность твоего понимания.
И всё же я шлю тебе слова, причём на кириллице,
что заведомо равна для тебя значкам египетских пирамид.
Сейчас день постепенно выключает все звуки. Пыль от последних машин
делает красным клинок луча, пересекающего пустоту комнаты.
А ты думаешь, только в Кордове так пламенеет пыль на закате?
Пожалуйста, отпусти моё сердце. Пожалуйста, не отпускай.

Я покажу тебе в видеоклипе страну, где меня давно нет,
а потому смотри — летят полустанки —
Тотьма — Княжево — Красный Луг — Семёновка — Никольшино — Броды —
и везде на этом пути бабы прижимают к животам чугунок с варёной картошкой,
пацаны продают семечки, дерутся инвалиды, грохочут встречные поезда,
мелькают свалки, овраги, собачьи свадьбы,
трактора ржавеют посреди цветущих лугов,
плывут себе за окном Большие Опочивалы, —
ох как силен там запах бани, навоза, какой-то кислотной химии,
горячей хвои июльского леса!

Там дети в больницахдохнут, как мухи,
там школьницы нетвёрды в подсчёте своих абортов,
там очень много стреляют — от водки, тоски, от страха, а чаще — ни от чего.
С бычачьим мясом бывали там перебои,
зато человеческого — сроду навалом,
хотя самцы там отравлены водкой,
а краткость жизни трактуется как отрада,
но у меня было там детство с сияющей перспективой мечты,
и пьяный сказал мне там: «Радости вам, барышня!»
Где ещё я услышу такое?
понимаешь, о чём я? понимаешь ты? понимаешь?

Мне не верится,
что и впрямь есть река Гвадалквивир.
Легче представить: плывёшь по Свири, чьи берега утопают в цветах...
Гладь зеркал гипнотизирует. Кажется,
сейчас ўзришь под водами тот придонный сказочный град...
И вдруг, за поворотом, действительно видишь:
тысячи мёртвых
выстроились в затылок
на дне,

¹ Открытка в Кордову (исп.)

по всей длине Беломоро-Балтийского канала...
Вот он, град Китеж, в стране моего детства!
А на поверхности, на бережках-лужках –
резвятся телята...

Там у быков
такая же красная кровь, как в Испании,
когда им, живым, вспарывают ножом аорту,
и кровь быстро входит в сухую землю.
А ты думаешь, только в Кордове земля так яростно иссыхает без крови?
Пожалуйста, отпусти моё сердце. Пожалуйста, не отпускай.

1998

Ефим КУРГАНОВ

ШПИОН ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

(ИСТОРИКО-ПОЛИЦЕЙСКАЯ САГА)

Эпизод второй:

**АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ В ОПАСНОСТИ,
ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОКУШЕНИЯ**

**ИЗ СЕКРЕТНОГО ДНЕВНИКА
ВОЕННОГО СОВЕТНИКА
ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ САНГЛЕНА**

**Публикация профессора Николая Богомольникова
Перевод с французского Сергея Глазкина
Научный консультант Роман Оспоменчик¹**

ОТ ПУБЛИКАТОРА

Предлагаемые ныне вниманию читателя материалы чрезвычайно любопытны в двух различных аспектах – и литературном, и собственно историческом.

Знакомство с этими архивными материалами, до сих пор никогда не вводившимися в оборот, позволит совершенно по-новому понять и оценить русско-французские военно-дипломатические отношения в 1812-м году, непосредственно перед началом войны, и одновременно читатель, наконец, сможет ясно представить то, что, собственно, осталось за кадром «Войны и мира» Льва Толстого.

* * *

Хочу прежде всего напомнить, что третья глава третьего тома эпопеи Л.Н.Толстого «Война и мир» целиком посвящена описанию бала в имении генерала Л.Л.Беннингсена «Закрет» под Вильной.

Начинается глава со слов о том, что русский император Александр I со своим двором переместился весной 1812-го года в Вильну, а затем автор излагает краткую предысторию бала: «В июне месяце одному из польских генерал-адъютантов

¹ Проф. Роман Оспоменчик является автором капитального труда «Ахматова и Тютчев» (Спб., 2005).

государя пришла мысль дать обед и бал государю от лица его генерал-адъютантов. Мысль эта радостно была принята всеми. Государь изъявил согласие. Генерал-адъютанты собрали по подписке деньги. Особа, которая наиболее могла быть приятна государю, – была приглашена быть хозяйкой бала. Граф Бенигсен, помещик Виленской губернии, предложил свой загородный дом для этого праздника, и 13 июня² был назначен бал, обед, катанье на лодках и фейерверк в Закрете, загородном доме графа Бенигсена»³.

Ключевая сцена главы представляет собой описание того, как во время бала к императору подошел министр полиции А.Д.Балашов и сообщил, что войска Наполеона начали переправу через Неман: «Генерал-адъютант Балашев, одно из ближайших лиц к государю, подошел к нему и непритворно остановился близко от государя, говорившего с польскою дамой. Поговорив с дамой, государь взглянул вопросительно и, видно поняв, что Балашев поступил так только потому, что на это были важные причины, слегка кивнул даме и обратился к Балашеву. Только что Балашев начал говорить, как удивление выразилось на лице государя. Он взял под руку Балашева и пошел с ним через залу, бессознательно для себя расчищая с обеих сторон сажени на три широкую дорогу сторонившихся перед ним»⁴.

Между тем, Александр I о том, что началась война с Бонапартом, узнал еще до бала, и узнал не от министра полиции Балашова, а от начальника высшей воинской полиции генерала Я.И. де Санглена – бывшего подчиненного Балашова, ставшего к лету 1812-го года вполне самостоятельной политической фигурой⁵.

Вообще балу предшествовали чрезвычайно острые и даже драматические обстоятельства, которые, видимо, остались неизвестными автору «Войны и мира».

В имение генерала Беннингсена «Закрет» предварительно были посланы французские шпионы, готовилось покушение на Александра I – танцевальный павильон должен был рухнуть прямо во время бала, погребя под собой и императора, и весь российский генералитет, а заодно и дипломатический корпус и врагов Бонапарта, оказавшихся в ту пору в Виленском крае и приглашенных на бал (граф Поццо ди Борго и многие другие).

Достаточно полную информацию о том, как готовилось и как не состоялось это покушение, можно получить, ознакомившись с дневником Якова (Жака) де Санглена – записи за май-июнь 1812-го года, – несколько фрагментов из которого мы сейчас и предлагаем вниманию читателя.

При этом следует помнить, что события излагает их непосредственный участник, и отнюдь не рядовой участник. Это – человек многоопытный, многознающий, но одновременно неспособный отстраниться от этих событий, стать, так сказать, «над схваткой». О неизбежной глубоко субъективной подоснове дневника читатель должен все время помнить.

Рукопись дневника, представляющая собой три огромных фолианта, с 1867-го года хранится в муниципальном архиве города Ош, департамент Жер, Гасконь, Франция.

Как можно с большей долей вероятности предположить, в свое время дети Якова Ивановича де Санглена, видимо опасаясь хранить секретный дневник своего отца в России, передали его своим гасконским родственникам. Во всяком случае, других версий того, как дневник оказался во Франции, у нас к настоящему времени нет.

Может быть, в недалеком будущем загадка эта и прояснится или возникнут какие-то другие версии.

² Классик ошибся: бал состоялся 12-го июня 1812-го года.

³ Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12-ти т. М., 1958, т. 6: 16.

⁴ Там же: 17.

⁵ См.: Записки Якова Ивановича де Санглена // Русская старина, 1883, март: 546.

В любом случае полная публикация дневника де Санглена сулит нам еще не одно открытие. Будет поднята завеса еще не над одной тайной русско-французских отношений эпохи наполеоновских войн.

Завершить же эту краткую вводную заметку, предваряющую настоящую публикацию, я хотел бы словами безвременно ушедшего от нас выдающегося знатока русской истории, культуры, быта александровского времени Вадима Вацура, с полным на то основанием и абсолютно точно написавшего о Якове Ивановиче де Санглене так: «Какая потрясающе интересная литературная фигура!»⁶

**Профессор Николай Богомольников
г. Москва**

18-го мая 2006 года

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА О Я.И. ДЕ САНГЛЕНЕ

Яков Иванович де Санглен, действительный статский советник, лектор немецкой словесности в Московском университете, адъюнкт-профессор военных наук, военный советник, начальник канцелярии министерства полиции, сын de Saint Glin'a, выходца из Франции, родился в Москве в 1776-м году, умер там же в 1864-м году первого апреля.

Получив первоначальное воспитание в московских частных пансионах, де Санглен в 1786-м году поступил в Ревельскую гимназию и, окончив шесть классов, начал в 1793-м году службу переводчиком в штабе вице-адмирала Спиридова.

Воспользовавшись продолжительным заграничным отпуском, Санглен прослушал курс философии у профессора Платнера в Лейпциге и курс астрономии у профессора Боде в Берлине.

Затем по возвращении в Россию, после экзамена, он был назначен в 1804-м году лектором немецкого языка в Московский университет на место профессора Гейма и открыл на русском языке курс публичных лекций по военным наукам и тактике.

В 1806-м году Яков де Санглен был назначен адъюнкт-профессором Московского университета, а в следующем, 1807-м, году он оставил службу в университете и был причислен к штабу генерал-адъютанта князя П.М.Волконского.

В 1812-м году Санглен состоял на службе при министре полиции, генерал-адъютанте Балашове, в должности начальника Особой канцелярии министерства полиции.

Действуя заодно с генерал-адъютантом Балашовым и другими лицами, добивавшимися падения государственного секретаря Сперанского, Санглен играл не последнюю роль в интриге, жертвой которой и сделался государственный секретарь.

Когда на Сперанского возвели обвинение в том, что он в утверждении министерств не следовал плану, данному ему для руководства, составленному на французском языке Лагарпом, император Александр поручил Санглену сравнить учреждение министерств с проектом Лагарпа.

Раньше чем решиться сослать Сперанского, государь неоднократно совещался с начальником тайной полиции Сангленом, не посвящая в тайны своих совещаний даже министра полиции генерала Балашова.

В день ссылки Сперанского Санглен присутствовал при опечатывании бумаг государственного секретаря, по поручению государя сопровождал Балашова при отправлении Сперанского в ссылку в Нижний Новгород и затем докладывал об этом государю.

⁶ Вацура Вадим. Готический роман в России. М., 2002: 523-524.

После упразднения министерства полиции, с образованием департамента полиции при министерстве внутренних дел, Санглен вышел в отставку и, причисленный в 1816-м году по Высочайшему указу к герольдии с жалованьем в 4000 руб., удалился в деревню Клинского уезда, где и дожил свой век в уединении, под конец жизни разбитый параличом и преследуемый теми же страхами, которые он сам наводил некогда на других как начальник тайной полиции.

Близкий к императору Александру I, выполнявший неоднократно весьма важные секретные поручения государя, Санглен умел приобрести доверие и Николая I. В 1831-м году он был вызван в Петербург, и государь поручил ему заняться разбором доноса, поданного князем А.Б.Голицыным, «О иллюминатстве в 1831 г.» – фолианта огромных размеров, в котором объявлялись иллюминатами почти все лица, бывшие при Александре I и оставшиеся в живых при Николае I. Князь Голицын, автор доноса, был признан фанатиком. Николай I остался доволен разбором «доноса на всю Россию», пожаловал Санглену бриллиантовый перстень в 2000 рублей и 3000 рублей ассигнациями, а кн. Голицына выслал в Кексгольм.

Имя Санглена небезызвестно в русской литературе.

В 1804-м году появился его перевод с немецкого «Отрывок из иностранной литературы». Вместе с профессором Рейгартсом он издавал в Москве в 1805-1806 гг. ежемесячный журнал «Аврора» (две части, шесть номеров).

В 1805-м году Санглен вместе с профессором Буле участвовал в издании «Ученых ведомостей».

Затем появились его сочинения: «О военном искусстве древних и новых времен», М., 1808; «Исторические и тактические отрывки», М., 1809; «Краткое обозрение воинской истории XVIII века», М., 1809; «В память графу А.И.Кутайсову», СПб., 1812; «Об истинном величии человека», 1814; «О храмах, жрецах, богослужении древних греков», ч. 1, СПб., 1815 (это же сочинение носит и другое название: «О начале и падении мифологического мира и богослужении древних греков»).

Затем в литературной деятельности Санглена наступил перерыв. Только через пятнадцать лет, после 1830-го года он написал романы «Жизнь и мнения нового Тристрама», «Рыцарская клятва на гробе», издал историческое сочинение «Подвиги русских под Нарвою в 1700-м году» и затем, в 1843-м году, выпустил итоговый во многих отношениях труд свой «Шиллер, Вольтер и Руссо».

Кроме того, Санглен печатал свои статьи в «Трудах Московского общества истории и древностей», а с 1845-го года он начал сотрудничать и в журнале «Москвитянин».

Несмотря на весьма преклонный возраст, уже в 1860-м году Санглен начал писать «Записки – не для современников», в которых он успел охватить события с 1776 по 1831 гг.

«Записки Я.И. де Санглена» появились в печати почти через двадцать лет после смерти автора.

Первая часть их посвящена царствованию Екатерины II, часть вторая – Павлу и его времени (Русская старина, 1882, т. XXXVI, N 12, с. 443-498), части третья и четвертая «Записок» охватывают царствование Александра I и начало царствования Николая I, до 1832 года (там же, 1883 г., т. XXVII, N 1, 1-46; N 2, 374-394; N 3, 538-578).

Как по детальному знанию закулисных причин описанных событий, по искреннему тону автора, писавшего «не для современников», так и по богатству фактического материала и значительности охватываемого периода «Записки Санглена» составляют ценный вклад в отечественную историю.

*АЛЕКСАНДР ЧЕРКАС, историк и библиограф
Санкт-Петербург, 12 февраля 1904-го года*

ИЗ СЕКРЕТНОГО ДНЕВНИКА

ВОЕННОГО СОВЕТНИКА ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ САНГЛЕНА

*Посвящается баронессе Н.Штукмейстер
Я. де С.*

ВИЛЬНА

МАЙ – ИЮНЬ 1812-ГО ГОДА

(20.V – 12.VI)

*О вы, которых долг природы
Зовет в путь чести к знаменам,
Держайте в ваши нежны годы
Проникнуть в страшный Марсов храм.
Не бойтесь, что герои пали
В пути, где с гордостью ступали,
Взнесенны славой до небес:
Они упали как герои
У стен великолепной Трои:
Так Гектор пал и Ахиллес.
Погибнет жизнь одна средь бою;
Не может слава умирать.
Простой неведомы толпою
Стези учитесь выбирать.*

М.Н.Муравьев

Мая 20 дня. Девятый час утра

Что за странная эта штука – репутация! Всегда приписывает она людям слишком много или слишком мало; середины нет. Иной имеет пять, шесть репутаций, а заслуженной – ни одной.

Древние говаривали: сиди смирно, что тебе нужно, то само тебя ищет. Пословица эта и у нас: сиди у моря и жди погоды. Но в наше время люди думают иначе: ничего обождать не хотят, беспокоятся, не зная, о чем, торопятся, не ведая, к чему, и признаться должно, многое переторавливают. Лучше ли это?⁷

Я самым серьезным образом рассчитываю, что сегодня ничего экстраординарного не произойдет.

Устал от всего, в том числе и от хорошего. Хочется отдохнуть, наконец, вернее – передохнуть, хоть немного не думать ни о чем – ни о Бонапарте, ни о шпионах, ни о стремительно надвигающейся войне.

Может быть, не смотреть почту, не принимать агентов, не отдавать распоряжений?!

⁷ Эти записи впоследствии вошли в публикацию: Я.И.С. Мысли и анекдоты // Москвитянин, 1845, часть пятая, номер десятый, октябрь, с.201-210. Примечание Филиппа Нора.

Обождать до вечера?! А сейчас расслабиться и прочитать заброшенного мною Шиллера, любимчика моего с юных лет!

И в самом деле — попробую. Вернусь-ка к моим обожаемым «Разбойникам».
Мая 20 дня. Полдень

Ходил по городу в сопровождении полицмейстера Вейса и квартального надзирателя Шуленберха.

По правой стороне Большой улицы на углу Шварцегового переулкa в доме, принадлежащем госпоже Яновичевой, помещается самый замечательный в Вильне магазин, существующий тут уже не одно десятилетие. И удивительно, что магазин с каждым годом приобретает более блеску, а хозяин еще более доверия.

Магазин этот, как рассказал мне Шуленберх, основан в 1787-м году итальянским переселенцем Франциском Фиорентини, перешел по наследству к сыну его Антонию. В Вильне ни один магазин не представляет столько разнообразия, блеску, вкуса и доброты товаров, как туземных, так и заграничных изделий.

Там можно найти золотые, серебряные, бронзовые украшения, часы карманные и столовые, сукно, трико, шелковые и шерстяные материи, голландское полотно и батист, английские фортепьянные инструменты, смычки и струны, разные вины, ром, сигары, охотничьи приборы, лампы и проч., и проч., всего не перечтешь; и все это самых лучших сортов, прочности и изящной отделки. Прогулка по царству Фиорентини представляла собою для меня истинное путешествие.

Мая 20 дня. Одиннадцатый час ночи

Проклятье! Позор! Ужас! Форменный ужас! Как же эти недоумки, эти горе-полицейские Розен и Ланг совсем недавно доносили мне, что мое распоряжение в точности исполнено, и агент Бонапарта графиня Алина Коссаковская доподлинно убита, а мерзавка-то жива и как ни в чем не бывало расхаживает по Варшаве в сопровождении маркиза Биньона.

Графиня, как всегда, жизнерадостна и ослепительна. Я полагаю даже, что особенно жизнерадостна и ослепительна, ибо сумела одурачить моих матерых полицейских чиновников, а с ними и всю высшую воинскую полицию.

Сегодня я получил донесение от Якова Закса, в коем он скрупулезнейшим образом изложил все передвижения по Варшаве пани Коссаковской.

Я просил передать мальчишке, дабы он и в дальнейшем не спускал с нее глаз.

Хотя бы теперь надо во что бы то ни стало не упустить графиню, столько успевшую нанести вреда российской короне и едва не загубившую самого императора Александра Павловича.

Не дай бог, узнает обо всем министр полиции Балашов — непременно ославит меня перед Государем и приближенными его, и ведь сделает это, мерзавец, с величайшей радостью.

Еще я просил Закса разведать, какие поручения давал графине маркиз Биньон, до недавнего времени возглавлявший французское разведывательное бюро в герцогстве Варшавском (а маркиз, несомненно, давал графине разного рода инструкции, и несомненно, то были личные поручения императора Франции, в распоряжение коего Биньон в скором времени отбывает).

В высшей степени рассчитываю, что мальчишка справится с ответственным заданием.

Нам надо непременно знать, какую каверзу ныне поручено исполнить прелестной графине Коссаковской.

Мая 21 дня. Одиннадцать часов утра

Завтракал я у главнокомандующего Первой западной армией графа Барклая де Толли.

Кроме его злющей супруги и полковника Закревского, старшего адъютанта Барклая и начальника его Особой канцелярии, был еще Иоганн Анштетт.

Анштетт — сын страсбургского адвоката, недавно принятый в русскую службу. Поговаривают, что Государь собирается назначить его начальником дипломатической канцелярии при командующем Первой западной армией (так и произошло: Анштетт возглавил дипломатическую канцелярию, но только уже при Кутузове — *позднейшее примечание Я.И. де Санглена*).

Дай-то бог! Иоганн Анштетт — человек вполне достойный, хотя и дружит с негодяем Балашовым.

Мая 21 дня. Два часа пополудни

С утра заходил ко мне полицейский надзиратель Шуленберх, малый толковый и занятный. От него всегда можно узнать что-то интересненькое, касающееся виленских происшествий.

Я стал его расспрашивать о старом лютеранском кладбище, том, что расположено по правую сторону реки Погулянки, и полуразрушенном доме недалеке от лютеранского кладбища, о коем в здешних местах рассказывали и рассказывают много чудного. Мне об этом доме велел как-то разузнать Государь наш Александр Павлович.

Вот что поведал мне многознающий и многоопытный Шуленберх.

Холм, на коем расположено кладбище, называют в народе Буфаловой горой, и вот по какой причине.

В стародавние времена рядом с кладбищем в доме некоего Бауфала располагался ужасный кабак, где царствовали веселье, шум, гам и вообще постоянный разврат, где происходили дикие оргии; а виленские самоубийцы облюбовали сие место для ухода из жизни.

К началу нынешнего столетия Бауфалов кабак пришел в запустение. Теперь в нем обитают какие-то непонятные личности: то ли нищие, то ли привидения (в июле 1812-го года дом дотла сгорел; поговаривают, что его определенно подожгли — *позднейшее примечание Я.И. де Санглена*).

Полагаю, что сия история весьма позабавит, а может, даже и заинтересует Его Императорское Величество.

О доме Бауфала в виленском обществе рассказывают истории самого таинственного свойства. Утверждают, что в нем обитают души самоубийц.

Мая 21 дня. Десятый час вечера

Все так и произошло. И даже более того. Александр Павлович, несмотря на скептические ухмылки генерал-адъютантов Балашова и Волконского (особенно вызывающе неприличным мне показалось поведение первого), загорелся желанием осмотреть пустующий дом Бауфала.

Мы условились, что завтра к семи часам вечера я с квартальным надзирателем Шуленберхом зайду за Его Величеством в Виленский замок, и мы отправимся все вместе на Буфалову гору, к кладбищу. Генерал-адъютанты, не оставляя своих ухмылок, вызвались нас сопровождать. К нам обещал присоединиться и генерал

от кавалерии Беннингсен, и это понятно, ведь Леонтий Леонтьевич – обитатель здешних мест, хотя Бауфалову гору никогда до сей поры не посещал.

Я вызвал к себе сегодня коллежского асессора барона Розена и капитана Ланга. Показал голубчикам донесение Закса из Варшавы.

Кажется, они были искренне потрясены сведениями, содержащимися в том донесении.

Я разнес полковников не только словесно – мой камердинер Трифон заметил потом, что стены дрожали, – но и на месяц оставил без жалованья (заведующий моей канцелярией губернский секретарь Протопопов и коллежский секретарь Валуа уже заготовили соответствующий текст приказа).

Я сказал также Лангу и Розену, что пока они живой или мертвой не доставят мне графиню Алину Коссаковскую, прощения от меня им не будет, – грозился даже, буде графиня не будет разыскана, вообще уволить их со службы или понизить в звании.

Напуганные полковники божились, что на сей раз никак меня не подведут, не посрамят более чести мундира.

Мая 22 дня. Одиннадцатый час утра

Полицмейстер из Вильны Вейс и майор Бистром из Ковно передали донесения о положении дел на подведомственных им территориях. В высшей степени тревожно.

К двум я зван на обед к Барклаю. Званы также генерал-квартирмейстер Канкрин, начальник артиллерии граф Кутайсов, гражданский губернатор Виленского края Лавинский, генерал-адъютанты Балашов и Волконский.

Отставной гусарский ротмистр Давид Саван (Suvant) прислал из Варшавы обширную докладную записку, обладающую чрезвычайной ценностью, – в ней приведены и суммированы все передвижения Бонапарта за май месяц.

Привожу выдержки по писарской копии. Оригинал я сразу же, ни минуты не мешкая, отослал Государю.

Добытые сведения отставной ротмистр почерпнул главным образом из бесед с маркизом Биньоном и несколькими чиновниками из его бюро, а также в ходе ознакомления с материалами, хранящимися в канцелярии бюро, к коим Давид Саван, пользующийся безграничным доверием маркиза, имеет постоянный доступ.

В беседе с Бонапартом один баварский генерал будто бы осмелился весьма робко заметить, что не лучше ли воздержаться от войны с Россией. – Еще три года, и я господин всего света, – ответил Наполеон.

В 6 часов утра мая девятого дня 1812-го года Бонапарт в сопровождении императрицы Марии-Луизы выехал из дворца Сен-Клу, что близ Парижа, и направился к Великой армии, которая уже шла разными дорогами чрез германские страны, устремляясь к герцогству Варшавскому и постепенно сосредотачиваясь на Висле и Немане; 16-го мая император Франции выехал в Дрезден в сопровождении короля Саксонии, который еще накануне направился ему навстречу. В Дрездене собрались короли и великие герцоги вассальных государств приветствовать своего

верховного повелителя. Среди многих других монархов прибыл в Дрезден и король прусский Фридрих-Вильгельм III, прибыл также император австрийский Франц.

15 дней пробыл Бонапарт в Дрездене, окруженный своими раболепными вассалами. В его присутствии они все (включая и его тестя, императора австрийского) стояли с обнаженными головами — сам же Бонапарт был в своей знаменитой треугольной шляпе. Обращение Бонапарта с ними было вполне благосклонное: он их милостиво брал за ухо, и от такой императорской ласки они были вне себя от восторга, иногда достойнейших похлопывал по спине, иным делал очень резкие публичные выговоры, но в Дрездене это случалось редко.

Из Дрездена Наполеон выехал в Познань, где пробыл несколько дней. Шляхта приветствовала его с особенным энтузиазмом. Поляки могли надеяться на восстановление Польши в старых пределах или, по крайней мере, на отторжение от России Литвы и Белоруссии. Однако нетерпеливый, раздражительный, весь уже охваченный военной заботой, с раннего утра до поздней ночи занятый работой, император Франции остался не слишком доволен разряженной, завитой и напудренной шляхтой, демонстрировавшей свою преданность и обожание. «Господа, я бы предпочел видеть вас в сапогах со шпорами, с саблей на боку, по образцу ваших предков при приближении татар и казаков; мы живем в такое время, когда следует быть вооруженными с ног до головы и держать руку на рукоятке шпаги», — в таких словах обратился Бонапарт к знати, встретившей его под предводительством познанского епископа Горжевского.

Мая 22 дня. Двенадцать часов ночи

В восьмом часу вечера из императорских покоев вышел небольшой отряд — впереди был квартальный надзиратель Шуленберх, за ним — Александр Павлович, я и Беннингсен, а за нами — генерал-адъютанты Балашов и Волконский.

Вот мы уже на древнем кладбище, окруженном столетними липами и пересекающимися в разных направлениях густыми аллеями. В полном молчании наш отряд пересек всю центральную аллею кладбища и вышел к огромному бесформенному полуразвалившемуся строению — это и был знаменитый дом Бауфала.

Дверь заскрипела и от ветра сама открылась, прямо перед нами. Все услышали страшное стенание, как будто исходившее от умиравшего насильственной смертью. Я заметил, что Балашов вздрогнул: кажется, ужас овладел им. Александр же Павлович, как мне показалось, насмешливо улыбался.

Вдруг над нами пролетело что-то, ударились о проемы дверей, взвивалось вверх, опускалось вниз и опять поднималось. Чрез несколько времени слышен был шорох по каменному полу, как будто извивалось по нем несколько огромных змей. И опять что-то взвилось вверх. Балашов вздрогнул и прошептал явственно: «Привидения!»

Между тем, летавшие по дому гости не были душами усопших, как полагал министр полиции. То были ночные птицы, кои в доме Бауфала завели гнезда свои. И не змеи ползали по полу, а товарищи мои, которые ползком на брюхе искали дверь, чтобы выйти. Стон происходил от генерал-адъютанта Волконского — в ту пору он был не в меру толст. Он счастливо дополз до дверей и благополучно протаскил половину своего весьма объемистого тела. Но когда она тяжелым боком своим обхватила толстое княжеское брюхо, он далее пролезть не мог и испуганно застал. Худощавый Балашов, отыскивший ту же дверь, наткнулся на Волконского,

догадался, в чем состоит дело, переполз через несчастного, растворил дверь пошире и выручил князя. Генерал Беннингсен, не найдя дверей, выполз сквозь большое отверстие, род свода, в которое влетали и улетали ночные птицы.

В скором времени в доме Бауфала мы остались втроем – я, Государь и квартильный надзиратель Шуленберх.

Я начал оглядываться и заметил вдруг наверху тоненькую полоску света и шепнул о сделанном открытии Александру Павловичу и Шуленберху.

Мы двинулись в сторону света, на ощупь стали подниматься по большой каменной лестнице, склизкой и вонючей, и оказались перед маленькой дверью, из-под которой как раз и пробивался свет.

Я попробовал открыть дверь, но она оказалась заперта. Тогда я ударил по основанию двери носком сапога, и она не то что рухнула, а просто рассыпалась. Раздался треск, а затем и звон разбитого стекла, и стало слышно, как кто-то выпрыгнул из окна.

Мы вошли. На маленьком столике горела свеча, и были разложены стопки бумаг. Один лист был развернут – я подошел и увидел, что это записка маркиза Биньона к графу де Шуазелю. Речь в записке шла о численности и дислокации войск Первой западной армии в Виленском крае.

– Да тут не привидения, тут шпионы прячутся, – захохотал Александр Павлович.

Улов мы в этот вечер собрали знатный. Государь был весьма доволен и звал меня разбирать захваченные бумаги.

Мы условились, что назавтра к вечеру я явлюсь в Виленский замок, и отужинав, мы примемся детально оценивать то, что неожиданно-негаданно досталось нам в доме Бауфала.

Май 23-го дня. Десятый час утра

Завтракал с полицмейстером Вейсом в трактире Кришкевича. Новости он поведал весьма неутешительные: виленские французы, не так давно сидевшие тихо, казалось, боявшиеся нос высунуть, становятся все более нескрываяемо активными и даже нахальными. «Бонапартизм просто выплескивается из них», – как верно заметил генерал Вильсон, главный шпион британской короны в здешнем крае, когда мы с ним на днях пересеклись в городском саду и перекинулись парой словечек, весьма бесполезных для обеих сторон.

После Кришкевича мы с Вейсом зашли в кофейню Юльки, что на Большой улице. Над воротами дома красуется надпись «Kawiarnia» (кофейный дом), и в доме этом нет ничего особенного. В Вильне таких домов десятки. Но этот известен в Вильне под именем кофейни Юльки. Несмотря на то, что Юлька уже умерла, кофейня не хочет расстаться с ее именем.

Кофейня эта никогда не бывает пуста. Тут пьют кофе (надобно прибавить – кофе прекрасный, лучший в городе), пьют чай, курят трубки, сигары, играют в бильярд, играют в шахматы, читают газеты, пересказывают друг другу городские новости.

Играют, выигрывают, проигрывают, наблюдают за игрой, принимают участие в той или другой стороне, предсказывают успех или неудачу, но все довольны, все веселы. И это не один, не два, не три дня, а во всякое время, когда вы войдете туда, вы встретите те же сцены.

Что же из этого заключить должно? Вот тут есть разрешение важного житейского вопроса? Кто доволен и весел – тот счастлив. Что ж это древние и новые муд-

рецы, философы, мыслители и все имеющие притязание на эти титулы, в продолжение нескольких тысяч лет искали местопребывание счастья и не могли до сих пор отыскать его? Вот оно где! – в кофейне Юльки!

Оставив кофейный дом, мы оказались на маленькой красивой площадке, обстроенной домами в виде неправильного полукружия. Место это называется «Большая Ремиза», потому что здесь останавливается самое большое число извозчиков в Вильне.

Но вот на правой стороне площадки находится заведение, которого нельзя пропустить без особенного внимания, а вместе с тем не принести искренней благодарности виновнику его существования, Александру Михайловичу Шульцу. Это большой каменный двухэтажный дом с надписью «Hotel Nizkowski». Отель этот энергическими действиями хозяина доведен до такой степени удобства и, можно сказать, даже комфорта, каких в подобных заведениях Вильна еще не видела.

Когда я вернулся к себе, меня уже ждала записка от Закса из герцогства Варшавского. Да, времени он там не теряет.

Закс сообщил, что графиня Алина Коссаковская уезжала в Познань и уже вернулась. Отсутствовала она ровно двое суток.

Вероятнее всего, графиня ездила на аудиенцию к Бонапарту. Ездила за новым заданием, видимо, строго секретным и важным.

Закс написал мне также следующее (передаю смысл его утверждений в самых общих чертах).

Он считает, что император Франции наметил для графини какую-то роль в организации нового покушения на жизнь нашего Государя. Но детали затеваемого можно будет уточнить только у них двоих – у Бонапарта и у прелестной Алины. И все-таки мы должны узнать подробности, обязательно должны узнать.

Мне почему-то кажется, что мальчишка (а умница он очевиднейший) совершенно прав: Бонапарт задумал новое покушение и исполнение его собирается возложить чуть ли не на Алину – не зря же он вызывал ее в Познань для конфиденциальной беседы, хотя, конечно, о чем они там говорили – Бог ведает. Но ясно одно: не новинки французской словесности обсуждали.

Вообще я давно уже понял: император Франции, видимо, хочет сделать из нее новоявленную Юдифь, да только Государь наш Александр Павлович – не Олоферн, не насильник и не захватчик, отнюдь. А Вильна – не Ветилуя (жидовская крепость, атакованная ассирийским сатрапом Олоферном – *позднейшее примечание Я.И. де Санглена*). Пора бы это понять корсиканцу, да, видно, он не дорос пока и не в силах сообразить, что любовь к историческим аналогиям до добра его не доведет.

Но уж если и теперь эту новоявленную польскую Юдифь упустят мои полковнички – не сносить им головушек: самолично откручу, никому не передоверю. И ничье заступничество им теперь не поможет, ничье, даже государево.

Непременно попрошу Яшеньку Закса любой ценой узнать подробности, связанные с тем новым заданием, которое получила прелестная Алина. И надо бы узнать, кто отдан ей в помощники, ибо одной ей тут явно не справиться.

Не сомневаюсь, что в ближайшие дни Алина появится в наших краях. И также не сомневаюсь, что появится она, не одна.

Обедаю я у командующего артиллерией Первой западной армии генерала Кутайсова. Будет также генерал-квартирмейстер граф Канкрин и состоящие при особе Государя генералы Аракчеев и Беннингсен, а возможно, что и сам Александр

Павлович, весьма расположенный к Кутайсову. Впрочем, как можно быть к нему не расположенным?!

А ужинаю я у Государя Александра Павловича – мы станем разбирать с ним бумаги, добытые в доме Бауфала, а их, кстати, мы набрали тогда немало – почитай, целый мешок.

Мая 24-го дня. Первый час дня

С утра я гулял в городском саду. У меня там были назначены встречи с полицеймейстером Вейсом и приехавшим из Ковно майором Бистромом, а также и с квартальным надзирателем Шуленберхом, который становится постепенно моей правой рукой.

В одной из аллеек сада я провел собрание своего ведомства.

Вернувшись к себе, вызвал коллежского асессора Розена и капитана Ланга и приказал готовиться к возможному появлению в здешнем крае графини Алины Коссаковской уже в самые ближайшие дни.

Камердинер мой Трифон рассказал мне, что, пока я гулял с полицейской братией в городском саду, приходил адъютант генерала Беннингсена и принес записку от своего повелителя.

Надо сказать, что произошло поразительнейшее событие. Генерал от кавалерии Леонтий Леонтьевич Беннингсен, необыкновенно сухой, заносчивый и невыносимый, прежде глядевший на меня как на какую-то букашку, пригласил меня к себе на обед. Перемена эта для меня совершенно необъяснима.

Может быть, Государь замолвил за меня словечко или, может, мое бесстрашное поведение в доме Бауфала сыграло тут свою роль, не знаю. Но я приглашен в его загородный замок «Закрет», и это, конечно, громадная честь.

Генерала Беннингсена я всегда не любил. Меня обижали его постоянные и глубоко несправедливые нападки на главнокомандующего Барклая де Толли.

И вообще, как можно уважать человека, коему сопутствует репутация убийцы?! И убийцы кого?! Убийцы императора?! Императора Павла?!

Конечно, Павел был тираном, был предметом ужаса для подданных своих. Но одновременно он обладал сердцем добрым, чувствительным, душою возвышенною, умом просвещенным, пламенною любовью к справедливости, духом рыцаря времен протекших. В любом случае убийство тирана все равно остается убийством.

Но решительно не одобряя поведение и поступки генерала Беннингсена, я почитаю за честь быть приглашенным к нему, тем более, что на таковую честь я даже и надеяться не смел, не надеялся, что могу быть замеченным бароном Беннингсеном, высокомерие коего мне казалось безграничным. Что ему полицейский чиновник? – думалось мне, – пусть и обласканный вниманием самого Государя?

Кстати, вчера, после ужина и разбора бумаг, Его Величество заметил (и сделал он это в присутствии генералов Беннингсена и Аракчеева), что документам, извлеченным нами из дома Бауфала, цены нет! Государь прямо заявил: «Теперь вся деятельность виленских бонапартистов у нас как на ладони».

Так что полезно иногда по ночам посещать кладбища и прилегающие к ним строения.

Мая 24-го дня. Шестой час вечера

Заведующий моей канцелярией губернский секретарь Протопопов представил составленную по моей просьбе весьма обширную справку. Вот некоторые извлечения из нее.

Генерал от кавалерии Л.Л.Беннингсен и Виленский край

Прикосновенный к событиям 11 марта, унесшим жизнь императора Павла, Беннингсен отправляется к войскам в литовские губернии — не в опалу, но все же подальше от столицы.

В Виленском крае генерал от кавалерии женится, и это уже в четвертый раз, на польской аристократке Марии Бутовт-Андржейкович, которая тридцатью годами моложе его, и производит на свет еще сына и дочь — по счету они были у него шестой и седьмая.

1801-1805 гг. — служба и прозябание в Литве. Он присутствовал на коронации императора Александра в Москве, но вскоре должен был удалиться в Вильну, назначенный Виленским военным губернатором и начальником литовской артиллерийской инспекции. Почетная ссылка продолжалась до 1804-го года, когда Беннингсен был снова вызван в Петербург, и с этого времени начинается новый период в его жизни.

Зима 1806-1807 годов — апофеоз Беннингсена: он выстоял в сражении при Эйлау, не дрогнул перед Бонапартом, который имел репутацию непобедимого.

1807—1812. Беннингсен опять не у дел, он пребывает в своем имении «Закрет» близ Вильны. Государь отзывался о нем в том духе, что считает Беннингсена весьма коварным и что ему очень неприятно с ним видиться вследствие воспоминаний о прошлом.

Мая 25 дня. Одиннадцатый час утра

Из герцогства Варшавского прислал очередное свое донесение Закс. Ему удалось раздобыть сведения исключительной важности, и вот каким образом. Тут целая история, пожалуй, даже весьма занимательная!

Яков Закс завел знакомство с толстушкой Эльжбетой, горничной графини Коссаковской, и даже довольно быстро был допущен в ее уютную комнатку, расположенную под чердаком графского особняка. Из этой комнатки он несколько раз совершал прогулки по дому, дождавшись того момента, когда Эльжбета бросалась, наконец, в объятия к Морфею и все засыпали.

Во время одной из таких ночных прогулок Закс добрался до библиотеки, изучению которой посвятил добрых часа два, не менее.

Он стал перетрачивать книгу за книгой и уже потерял всякую надежду на успех, как вдруг из томика Эразма Роттердамского «Похвала глупости» выпал сложенный вдвое листок. Сын аптекаря поднес его поближе к свечке, и тут руки его задрожали, даже затряслись, и, в общем-то, было, от чего.

Листок, выпавший из Эразма Роттердамского, был приказом Бонапарта, отданным им графине Алине Коссаковской и некоему полковнику Сигизмунду Андриевичу. Речь в приказе шла об убиении ныне здравствующего российского императора.

Была в бумаге указана и дата исполнения страшного Бонапартова распоряжения — 12 июня сего года (оставалось без малого семнадцать дней). В приказе после знаменитого наполеоновского росчерка стояло: Познань, 21-го мая 1812-го года.

Закс списал в свою тетрадку текст приказа, оригинал вложил обратно в Эразма и отправился к не ведавшей ничего Эльжбете.

От такого рассказа руки задрожали и у меня. Но какой все-таки этот Закс умница! Что бы я делал без него?

Суметь проникнуть в дом графини Алины Коссаковской! Додуматься в библиотеке перетрачивать книги! Обнаружить сам приказ Бонапарта! И какой приказ!

Я тут же написал Заксу, сердечно поблагодарил и попросил немедленно, исключительно срочно установить личность полковника Андриевича и его место-

нахождение, а также отслеживать буквально всех, с кем общается прелестная графиня.

А толстушку Эльжбету хочется просто расцеловать за то, что она оказалась благосклонной к нашему Заксу, спасая тем самым судьбу Российской империи!

Бегу к Барклаю – необходимо показать ему последнее донесение Закса (Да! Мальчишка превзошел все мои ожидания). И послал записки министру полиции Балашову и князю Волконскому, дабы они немедленно явились к Барклаю. Записки аналогичного содержания были отправлены к генералам Беннингсену и Аракчееву.

Мая 25 дня. Шестой час вечера

Главнокомандующий стоял у карты и что-то аккуратно и неторопливо вычерчивал на ней. Не оборачиваясь, он сказал мне:

– Что новенького, Яков Иванович?

Я отвечал, что новости есть, но с изложением их придется обождать примерно с полчаса. Барклай, не требуя никаких объяснений, продолжал невозмутимо колдовать над картой, а я стал перечитывать записку от Закса, все более и более поражаясь разумению и догадливости этого мальчишки. Но молчание продолжалось недолго.

Скоро появился шумный, экспансивно-крикливый Балашов с недоумевающе-растерянным князем Волконским, затем вошел Аракчеев, окинув всех подозрительно-жестким взглядом, и последним появился Беннингсен, из коего высокое буквально сочилось.

Не мешкая, я вкратце рассказал о Заксе, о том, как юный каббалист, сын виленского аптекаря, стал неоценимым сотрудником высшей воинской полиции при военном министре. И затем сразу же приступил к чтению записки.

Закс все изложил живо и остроумно, но ни тени улыбки не появилось на лице у присутствующих, когда они знакомились с текстом записки.

Я закончил читать, но никто не издал ни звука. Выждав несколько минут, я сказал:

– Господа, вы поняли, что на Государя готовится покушение. Прошу вас самостоятельно ничего не предпринимать. Я сам сообщу, когда мне понадобится помощь кого-либо из вас. Пока мне самому еще неясно, какой род помощи мне будет нужен. Буду ждать дополнительных разъяснений от своего агента. Пока известен лишь один из исполнителей, детали же тонут в тумане. Государю прошу ничего не рассказывать. Охрану Александра Павловича следует усилить, но так, чтобы Его Величество ничего не заметил. Как только у меня появятся новости, тут же сообщу.

Все молча кивнули.

Вскипел только министр полиции Балашов:

– А почему мы должны верить какому-то вашему Заксу? На каком основании? Я его не знаю вовсе. У меня есть собственные агенты, и они о покушении на Государя еще ничего мне не доносили. Полагаю, что вы это выдумали все, желая выслужиться и отличиться.

Однако Александр Дмитрич тут же решительнейшим образом сник под высокомерно-осуждающим взглядом генерала Беннингсена.

Расходились все мрачные и насупленные.

Мая 26-го дня. Одиннадцать часов утра

Едва успел от меня выйти полицмейстер Вейс после своего очередного утреннего доклада, как принесли новую записку от Закса из герцогства Варшавского.

Упредив мой приказ о розыске неведомого полковника Андриевича, мальчишка по собственной воле начал его искать — и уже нашел, представьте себе!

Вот что было сказано в записке, на сей раз весьма краткой, но не менее ценной, чем предыдущая.

Полковник Сигизмунд Андриевич — адъютант генерала Фишера, который является начальником Генерального штаба армии герцогства Варшавского и одновременно курирует польскую войсковую разведку.

Полковник вот уже несколько дней, оказывается, совершает вместе с прелестной Алиной Коссаковской двухчасовые конные прогулки в окрестностях Варшавы (обычно это происходит ранним утром, даже скорее на рассвете).

Далее Закс предупреждает, что ежели в ближайшие дни полковник Андриевич появится в Виленском крае, то у него, видимо, будет фальшивый паспорт, и он несомненно постарается изменить свою внешность.

Мальчишка прав. Думаю, Андриевича надо будет вычислить по Алине, с коей он непременно должен будет сноситься.

Я сразу же вызвал Розена и Ланга, показал им новую записку Закса и сказал им, что жду от них немедленных, решительных и успешных действий. Они вздрогнули, но потом бодро в знак согласия кивнули.

И конечно, отправил благодарственное письмо к Заксу, добавив, что за Коссаковской и Андриевичем необходимо следить неотступно, буквально ни на миг не выпуская их из виду.

Теперь бегу к Барклаю де Толли.

Нужно что-то срочно придумать касательно встречи Алины и Сигизмунда. Явно они постараются прибыть незаметно и затеряться до поры до времени.

Что-то я на Ланга и Розена не больно надеюсь. Они ведь уже прошляпили прелестную графиню, и не один раз.

Посоветуюсь еще с генералом Аракчеевым, коему вверена охрана Его Величества.

Тревожно что-то у меня на душе.

Ежели своевременно не обезвредить Алину — это может обернуться катастрофой, крушением целой Империи.

Конечно, моим невинным полковникам с графиней не совладать. Кажется, мне нужно действовать самому.

И еще я рассчитываю на Закса — мальчишка не подведет. Это уж точно!

А Барклаю я, естественно, все расскажу, но, полагаю, это мало что даст — он умен (по-военному), но слишком уж прям и доверчив, слишком уж лишен интриганской жилки. Однако доложить я ему все равно должен.

Неясно только, надо ли ставить в известность обо всем происходящем Государя. И неясно, с кем на этот счет стоит советоваться.

Мая 26-го дня. Десятый час вечера

Так все и вышло, как я предполагал.

Главкомандующий оторвался от карты, забежал по кабинету, заволновался, заохал, но дельного ничего предложить не смог. Все только причитал: «Что же делать? Что же делать?»

Но в итоге совместно мы пришли к одному важному соглашению, от исполнения которого, как мне кажется, многое зависит в успехе нашего предприятия.

Михаил Богданович сегодня же обещал подписать указ об образовании особого сводного отряда, койй будет занят непосредственно поисками графини Алины Коссаковской и полковника Сигизмунда Андриевича на территории Виленского

края. Командиром отряда назначаюсь я; мой помощник – полицмейстер Вейс; начальник разведки – квартальный надзиратель Шуленберх.

Вернувшись к себе, я, не дожидаясь, пока будет подписан указ военного министра, приступил к формированию сводного отряда. При этом мною было решено, что Ланг и Розен будут действовать самостоятельно, на правах отдельной группы, о чем я их незамедлительно оповестил. В помощь я придал им еще ковенского майора Бистрома (появление Алины и полковника Андриевича именно через Ковно более чем реально).

На семь вечера назначил первое собрание нашего сводного отряда. Длилось оно всего полчаса, но узловые вопросы были, кажется, решены.

С завтрашнего утра мы начинаем действовать. Собираемся все у меня в восемь часов утра.

Минут с сорок назад ординарец Главногокомандующего принес подписанный им указ.

А минут с десять, как явились за инструкциями полковники Ланг и Розен. Но я сильно разочаровал их, заявив, что они сами должны изыскивать способы для отыскания графини Коссаковской и полковника Андриевича. И отправились, голубчики, недовольные, но отправились. Надеюсь, что хоть до чего-нибудь сами додумаются.

Мая 27 дня. Три часа

С утра, когда все явились, я приказал Шуленберху и Вейсу установить постоянное наблюдение за всеми домами виленских бонапартистов (графа де Шуазеля, аббата Лотрека и других), а также попробовать подкупить слуг в этих домах с той целью, чтобы выяснить, не ожидают ли там в ближайшие дни парочку гостей. Принятые нами меры пока никаких результатов не дали (от сотрудничества с воинской полицией, ввиду скорого появления в здешнем крае французской армии, тут решительно стараются уклоняться), но еще не все потеряно. Мы ведь только начали действовать.

Пришла коротенькая записка от Закса, в коей он сообщил, что графиня и полковник все еще совершают по утрам конные прогулки в окрестностях Варшавы. По окончании каждой из них Сигизмунд Андриевич запирается на час-полтора в кабинете с генералом Фишером и ведет там с ним беседы.

В полдень я был принят генералом Аракчеевым. Он советует пока Государю ничего не рассказывать.

Ланг и Розен молчат – как в воду канули. Ну и шут с ними! Все равно толку от них мало.

Мая 27 дня. Десятый час вечера

Новость (узнал ее сегодня от государственного секретаря Александра Семеновича Шишкова, а потом это известие подтвердил и генерал Аракчеев): генерал от кавалерии Беннингсен утвержден исполняющим обязанности начальника Генерального штаба.

Да, эта ганноверская лиса все-таки вошла в доверие к Государю, закрывшему теперь глаза на то, что именно Леонтий Леонтьевич одиннадцать лет назад прикончил родителя его Павла Петровича!

Поразительно – Александр Павлович простил убийцу своего отца! Не хочется в это верить.

Может быть, это страх перед Наполеоном заставил Императора российского приблизить к себе Беннингсена? Может быть. Но теперь этот пролаз, который долгое время был полуопальным, лезет вверх.

Тяжело теперь придется Барклаю, ох, как тяжело: Беннингсен ведь не успокоится, пока не пожрет его, да с потрохами, без остатка, ибо он не только хитер, но и необычайно нахален.

В стане виленских бонапартистов – никаких волнений и никаких движений («тишь да гладь – Божья благодать»). Так что если они и готовятся к приему графини Коссаковской и ее спутника, то делают это чрезвычайно скрытно – и их, собственно говоря, можно понять: афишировать свои действия им нет никакого резона.

И все-таки нам необходимо узнать, кто же именно готовится принять эту парочку, пока что безмятежно гарцующую каждое утро в окрестностях Варшавы. Надо будет так или иначе узнать, что же именно спланировал генерал Фишер в купе с представителями Бонапарта в герцогстве Варшавском.

А полковники Ланг и Розен так и не подают о себе никаких известий – видимо, пьют с горя. Да, где уж им разузнать про прелестную Алину – их она всегда обводила вокруг пальца. Но пока что и пронырливые Вейс и Шуленберх ничего не могут сделать со своими вездесущими помощниками. Да, пока что отряд наш себя не оправдал.

Ситуация сложная: даже уцепиться не за что. К виленским бонапартистам теперь и не подступишься. Между тем, совсем недавно это были, в основном, чистейшие болтуны. Увы, все изменилось: теперь, оказывается, пустые обещания даем мы.

Мая 28 дня. Одиннадцатый час утра

С утра появился у меня ковенский полицмейстер майор Бистром, коего я не видел уже давненько, хотя донесения он посылал мне весьма исправно.

Бистром пребывает в постоянной панике, не выходя из этого состояния, и его можно понять.

Коллежский ассессор Розен и капитан Ланг, с коими он должен был вести поиски тех мест, где осядут в ближайшее время полковник Андриевич и графиня Алина, исчезли и совершенно не подают о себе никаких вестей.

Я предложил майору плюнуть на полковников и войти в наш отряд, откомандировав его к полицмейстеру Вейсу.

Прислал донесение отставной ротмистр Давид Саван из Варшавы, весьма любопытное и весьма важное, можно даже сказать, исключительно важное.

На днях он был приглашен на обед к генералу Фишеру, в ходе коего хозяин громкогласно заявил своим гостям, что император Франции разгромит русскую армию уже в первом приграничном сражении и сделает тем самым дальнейшие боевые действия просто ненужными.

– А если русские попробуют уклониться от этого сражения? Как тогда? – спросил один из присутствующих.

Начальник Генерального штаба войск герцогства Варшавского после минутного раздумья ответил так:

– Если русские начнут отступать, то этим они нанесут Бонапарту самый страшный удар из всех возможных, ведь их отступление означает превращение войны из молниеносной в затяжную. Надеюсь, что они захотят драться.

Отставной ротмистр Саван довольно подробно, в лицах пересказал этот разговор.

Едва получив его донесение, я тут же кинулся к Барклаю.

И вот что мы с ним надумали, точнее, я предложил, а военный министр одобрил.

Барклай должен составить ложный приказ о дислокации русских войск на ближайшие месяцы. Из этого приказа должно следовать, что русские войска якобы не будут пытаться перейти Неман, а будут активно противодействовать переправе через нее «Великой армии» и дадут сражение в пограничной полосе.

Этот ложный приказ Барклая пересылается в Варшаву отставному ротмистру Давиду Савану, а тот, в свою очередь, передает его своему «благодетелю» генералу Фишеру, который доводит текст приказа до сведения самого Бонапарта.

С изложением этого плана мы пошли к Государю.

Его Величество сразу же и целиком одобрил его. Более того, Александр Павлович приказал немедленно приступить к исполнению. Более того, он пообещал мне и Барклаю, что уже на днях он предполагает сделать следующее.

Государь сказал, что как бы в подтверждение ложного приказа Барклая он вместе с исполняющим обязанности начальника Генерального штаба генералом Беннингсеном демонстративно поедет производить рекогносцировку в районе Вильно, дабы французы и поляки уверились, что русские действительно разрабатывают план приграничного сражения.

Я, естественно, самым любезнейшим образом, и при этом совершенно искренне, поблагодарил Александра Павловича за помощь, которую он хотел оказать нам для успешного проведения весьма рискованной и ответственной операции.

В самом деле, Государь совершенно прав: одного ложного приказа Барклая было бы слишком мало. Бонапарт хитер и может догадаться о нашей уловке.

Сей приказ необходимо подкрепить какими-то действиями, ежели мы и в самом деле хотим, чтобы нам поверил сначала генерал Фишер, а затем и сам Бонапарт.

В некоторых отношениях задуманное мною должно определить ход предстоящей кампании, должно нанести удар по победоносному шествию «Великой армии» (на основе полученной от Савана информации французский Генеральный штаб разработал схему разгрома русских войск именно в пограничном сражении. План с ложным приказом удался на славу – *позднейшее примечание Я.И. де Санглена*).

Мая 28 дня. Шестой час вечера

В полдень принесли записку от Яши Закса из герцогства Варшавского, в коей он сообщал, что исчез полковник Сигизмунд Андриевич, в то время как прелестная Алина преспокойненько пребывает в родительском доме и утренних верховых прогулок уже не совершает.

Сам Закс считает, что адъютант генерала Фишера уже находится в Виленском крае.

Еще он пишет, что о миссии Коссаковской-Андриевича в Варшавском разведывательном бюро ровным образом ничего не известно. Видимо, миссия сия, в силу своей особой секретности, исходит от самого Бонапарта, не иначе.

Мне тоже так казалось, но сейчас не до раздумий: необходимы решительнейшие действия.

Я вызвал полицмейстера Вейса и приказал ему во что бы то ни стало разыскать полковников Розена и Ланга и тут же привести их ко мне, в каком бы состоянии они при этом ни находились. Но Вейс еще не успел выйти из моего кабинета, как

голубчики явились. Хмеля в них не было ни капли, но при этом Розен и Ланг были в штатском платье, изодранном и выпачканным донельзя.

И вот что, яростно перебивая друг друга, они поведали мне.

Под холмом, на коем пересекаются улицы Субоч и Бакшта, расположены таинственные подземелья, а также подземный туннель, ведущий аж за двадцать с лишним верст от Вильны, в город Тракай.

Некий Янкель, владелец жидовской корчмы на окраине Тракая, указал Розену и Лангу ход в туннель и дал им в провозчатые своего тринадцатилетнего сынишку, давно облюбовавшего подземную дорогу из Тракая в Вильну для своих с приятелями игр.

Более семнадцати часов понадобилось им, чтобы пробраться по этому туннелю до подземелий, расположенных под улицами Субоч и Бакшта. И при выходе из подземелий Розен и Ланг обнаружили целехонький мундир полковника польской гвардии и шпагу, совершенно не заржавленную. Все эти трофеи они тут же продемонстрировали мне.

Все мы сошлись на том, что и мундир, и шпага принадлежат полковнику Сигизмунду Андриевичу, буквально сутки назад исчезнувшим из Варшавы.

Следовательно, получается, что адъютант генерала Фишера уже находится в Вильне. Все-таки его появление мы прозевали, хотя и знаем теперь, каким именно образом ему удалось проникнуть в Вильну.

Но как теперь искать полковника Андриевича?

План действий у меня созрел молниеносно. Я приказал полицмейстеру Вейсу, надзирателю Шуленберху и Розену с Лангом незамедлительно провести обыски у главных виленских бонапартистов – графа де Шуазеля, аббата Лотрека, графа Тышкевича и камергера Коссаковского.

Обыски они тут же произвели, но результатов нет никаких – следов полковника Андриевича, к моему величайшему сожалению, так и не отыскалось. Даже у Коссаковского, дядюшки прелестной Алины, подозрительного совершенно ничего не обнаружено.

Создается впечатление, что Алину и Андриевича тут совершенно никто не ждет, а очевидно, что это ведь не так. Необходимо продолжать поиски.

Одно в высшей степени любопытное известие передал из герцогства Варшавского отставной ротмистр Давид Саван (доставили мне с полчаса назад).

В своей записке он отметил, что графиню Алину Коссаковскую в последние дни каждый день стал приглашать к себе на ужин генерал Фишер.

Видать, и прелестная Алина скоро исчезнет, вернее, отправится в наши края. Хоть бы сейчас ее не упустить нам!

Надо будет мне самолично встретиться с ее простачком-дядюшкой – вдруг что и выболтает ненароком.

Полицмейстер Вейс как-то докладывал мне, что камергер Коссаковский облюбовал для прогулок небольшой, но чрезвычайно милый палисадничек на Остробрамской улице.

Но, собственно, камергер там даже и не прохаживается, а сидит часами под огромным раскидистым дубом и сосредоточенно читает французскую скабрезную поэзию, до которой он великий охотник. И неизменный его спутник – «Галантные дамы» Пьера де Бурдея, аббата де Брантома. Как говорил мне Вейс, особенно много закладок в камергерском экземплярике «Дам» есть в рассуждении седьмом: «О замужних женщинах, вдовах и девицах и о том, какие из них горячее в любви».

Мая 29-го дня. Девятый час вечера

Дядюшка Алины был мною обнаружен сегодня в одиннадцатом часу утра как раз под вышеозначенным дубом и за чтением неизменного аббата де Брантома.

Увидев меня, камергер явно смутился, тут же захлопнул томик и немедленно сунул его в карман сюртука.

Беседовать начал он со мной с опаской и без особого желания, но постепенно разболтался, однако все вопросы, так или иначе связанные с Алиной, достаточно ловко обходил. Было ясно, что на сей раз толку мне от него не добиться.

Интересно, что и Коссаковский мне задал один вопрос, весьма меня озадачивший.

Когда мы уже расставались, он спросил, справедлив ли слух, что генерал Леонтий Леонтьевич Беннингсен назначен начальником Генерального штаба российской армии.

Я отвечал уклончиво, что в точности пока ничего не известно.

Забавно: камергер Коссаковский тоже решил что-то выведать — вот так-то.

Поразительно! Поистине поразительно! Начальник воинской полиции выпытывает у него, а он что-то захотел выпытать у меня.

Однако и самонадеян же оказался голубчик!

А я-то прежде думал, что он умнее и трусливее.

Да, осмелел граф, шибко осмелел. Вероятно, приближение «Великой армии» и его свело с ума. Этот выпивоха, видать, не сомневается в победе Бонапарта — иначе бы он так себя не вел.

В два часа пополудни вдруг позван я был к Государю.

Когда я вошел, Александр Павлович ходил быстрыми шагами по зале и, заметив меня, сказал:

— Слушай, Санглен. Мои генерал- и флигель-адъютанты просили у меня позволения дать мне бал на даче Беннингсена. Для этого они решили специально выстроить там особый зал со сводами, украшенными зеленью. Я дал согласие. А тебе препоручаю охрану. Наведывайся в «Закрет» к генералу Беннингсену и следи там за всем. Бал назначен на двенадцатое июня.

Вернувшись к себе, я тут же вызвал полковников Розена и Ланга, и мы все, не мешкая, помчались в «Закрет».

Беннингсен уже знал об идее бала и полностью одобрял ее. Еще бы! Принимая у себя Государя, он хочет еще более возвыситься.

Когда я попросил у генерала позволения, дабы полковники Розен и Ланг, опытные сотрудники высшей воинской полиции, из охранных соображений, пожили некоторое время у него в имении, то он сразу же согласился, но лукаво улыбнулся при этом. И, весело блестя глазами, сказал мне после минутной паузы:

— Конечно, пусть остаются: авось чем и помогут. Не те, так ваши. У меня уже второй день живет пятерка балашовских агентов.

Новость эта, конечно, была вполне прогнозируемая и даже неизбежная, но малоприятная.

Уезжая, я отозвал в сторону Розена и Ланга, сообщил им, что в «Закрете» уже живет пять людей Балашова, и запретил иметь с ними даже малейшее общение.

— К балашовским прохвостам ни под каким видом не подходить! — так я сказал.

Вернувшись из «Закрета», я опять отправился к Государю и рассказал ему обо всех сделанных мною распоряжениях.

Естественно, я ни словом не обмолвился о том, что мне стало известно от генерала Беннингсена, о том, что знаю: охрана поместья «Закрет» поручена не только чинам Высшей воинской полиции, но и сотрудникам из ведомства министра Балашова.

Впрочем, как мне показалось, Государь смотрел на меня с лукавинкой и, значит, как будто догадывался, что я знаю. Но я и в самом деле должен был знать о про-

исшедшем, ибо Государь всегда так поступал: Балашов в начале нынешнего года следил за государственным секретарем Сперанским, а мне было поручено следить за Балашовым. Так что ничего удивительного!

Необходимо только любой ценой опередить балашовских агентов. Жизнь Государя должна спасти именно Высшая воинская полиция, но никак не министерство полиции.

Мая 30-го дня. Шестой час вечера

Только что мне доставили сообщение от отставного ротмистра Савана из Варшавы.

Графиня Алина Коссаковская по-прежнему живет в доме у своих престарелых родителей, выезжает крайне редко, но по-прежнему каждый вечер отправляется на ужин к генералу Фишеру и задерживается там допоздна. Конечно, генерал Фишер — известный поклонник женских прелестей, и конечно, Алина — невыразимо красива, но я уверен, что визиты графини к генералу замешаны отнюдь не на амурной основе.

Завтракал я в девять часов утра с полицмейстером Вейсом в трактире Кришкевича. Увы, полицмейстер мало чем меня порадовал: полковник Сигизмунд Андриевич так и не разыскан, и до сих пор не нащупан буквально ни один след, коий может к нему привести.

Когда я вернулся к себе, то меня ждала записка от Розена и Ланга.

В ней сообщалось, что в «Закрете» все идет своим чередом и никаких причин для беспокойства пока совершенно нет.

Сегодня утром Беннингсен нанял архитектора, который будет ведать возведением павильона, предназначенного для бала. Им оказался некий Рихард Шульц, голубоглазый великан с отличной офицерской выправкой.

На архитектора он походит довольно мало. Выдает себя за пруссака, но говорит с явным польским акцентом. Тем не менее обычно крайне подозрительный граф Беннингсен воспылал к нему особым доверием.

Граф утверждает, что Шульц — весьма искусный архитектор и что предложенный им проект павильона просто прелестен. Графиня Беннингсен, урожденная Бутовт-Андржейкович, придерживается того же мнения.

Наняли уже и рабочих, числом до тридцати человек. Разместили их в новеньком, недавно отстроенном амбаре. Подле рабочих все время крутятся балашовцы — проверяют, должно быть, не иначе.

В ответ я написал записку, в коей советовал Розену и Лангу попытаться как можно осторожнее и ненавязчивее сблизиться с Шульцем.

Принесли письмо от Закса из Варшавы, в коем зафиксированы последние передвижения Бонапарта.

Из Познани император Франции выехал в Торн, оттуда — в Данциг, где пробыл четыре дня. Из Данцига Бонапарт отправился в Кенигсберг, где провел пять дней в непрерывной работе по управлению армией и по организации ее снабжения.

В варшавском разведывательном бюро поговаривают, что в ближайшие дни Бонапарт отправится в Литву, в местечко Вильковышки, где он должен подписать приказ о начале боевых действий.

Мая 30-го дня. Первый час ночи

Был на ужине у гражданского губернатора Лавинского.

Встретил там немало представителей местного общества, и в частности графа Коссаковского и аббата Лотрека.

Почти все разговоры вертелись вокруг предстоящего бала, взмывающей карьеры престарелого Беннингсена и его юной жены, обворожительной польской аристократки.

Громче всех выступал министр полиции Балашов. Вообще он петушился ужасно и был даже не совсем приличен. Он буквально кричал (дабы услышали все), что идея бала принадлежит именно ему. При этом в другом конце стола сидел другой генерал-адъютант — князь Волконский, коий весьма скептически ухмылялся, но публично вконец обнаглевшего Балашова не опровергал.

Еще министр полиции взахлеб рассказывал присутствующим, что именно его людям доверена охрана имения Беннингсена «Закрет» в эти и в последующие дни, предбальные и послебальные. Тут уже настал мой черед ухмыляться. Однако Балашов ничего не замечал: его просто несло.

Даже губернатор Лавинский, близкий приятель Балашова, почуял неладное и забеспокоился, но на его знаки министр полиции никак не реагировал и не собирався реагировать: видимо, он хотел выговориться до конца.

Присутствующие не вытерпели и начали вслух смеяться, но Балашов так и не слез со своего конька.

Губернатор Лавинский укоризненно качал головой.

Такой вот был сегодня ужин.

Меня же по роду службы беспокоит вот что.

Предстоящий бал у Беннингсена буквально разболтан, разнесен по всему свету.

Речи, которые держал сегодня министр полиции Александр Дмитрич Балашов, просто недопустимы и, строго говоря, являются государственным преступлением: они сделали безопасность нашего императора чрезвычайно уязвимой.

О бале знает уже местное население, весьма враждебно к нам настроенное, — значит, знают и французы.

Вообще, сегодняшний ужин у гражданского губернатора Виленского края, кажется, был весьма поучителен: он на многое открыл мне глаза.

Наверняка Бонапарт теперь что-нибудь предпримет. Необходимо быть сверх меры осторожными в эти дни.

Июня 1-го дня. Десятый час утра

В половине восьмого принесли записку от Ланга и Розена из «Закрета».

Им уже несколько раз удалось побеседовать с архитектором Шульцем.

По их словам, он милый и приятный человек, большой друг России, сколько можно судить по его речам, и действительно весьма недурной архитектор. Польский же акцент не очень как будто у него замечен.

Да, что-то голубчики мои как будто пошли на попятный. Не покупает ли их Шульц? Нет, это чересчур, конечно. Но, видимо, не они вошли в доверие к Шульцу, а Шульц вошел к ним в доверие. Еще и проболтаются ему, что мы ищем некоего полковника Андриевича. Не приведи Господи!

Но вот что еще сообщили Розен и Ланг.

Им показалось, что графиня Беннингсен весьма равнодушна к архитектору.

На правах хозяйки она входит во все детали устройства павильона и сопровождает Шульца всюду, и не раз они оказываются наедине. Все бы ничего. Но графиня

может знать от своего супруга что-то, чего не должны коснуться посторонние уши и глаза, и она может проболтаться, ежели она действительно влюблена.

В ответном письме я попросил коллежского асессора Розена и капитана Ланга аккуратно и предельно осторожно вести наблюдение за графиней Беннингсен, прежде всего интересуясь ее прогулками и беседами с архитектором.

И еще напомнил им, чтобы они не имели никаких контактов с балашовцами, но одновременно, по возможности, приглядывали за ними. И чтобы не забывали регулярно осматривать строительную площадку и каждый раз доносили о сделанных наблюдениях, обращая особое внимание на возможные подкопы.

В одиннадцать часов утра у меня была встреча в трактирчике на Немецкой улице с квартальным надзирателем Шуленберхом.

После полудня я просматривал бумаги моей канцелярии, подготовленные коллежским секретарем Валуа. Наиболее ценные я отобрал для представления Государю.

Июня 1-го дня. Одиннадцатый час ночи

Обедал я у Барклая де Толли. Были все свои.

Когда заговорили о предстоящем бале, то я поведал о возмутительной болтовне министра полиции Александра Дмитрича Балашова во время недавнего ужина у гражданского губернатора.

Михаил Богданович ужасно рассердился и сказал, что непременно доложит обо всем Государю. Полковник Закревский, начальник Особой канцелярии при военном министре, подтвердил, что такое поведение является ничем иным, как форменным предательством.

В пять часов принесли донесение отставного гусарского ротмистра Давида Савана, переславшего текст воззвания Бонапарта к армии: «Солдаты, вторая польская война начата. Первая кончилась во Фридрихсберге и Тильзите. В Тильзите Россия поклялась в вечном союзе с Францией и клялась вести войну с Англией. Она теперь нарушает свою клятву. Она не хочет дать никакого объяснения своего странного поведения, пока французские орлы не перейдут обратно через Рейн, оставляя на ее волю наших союзников. Рок влечет за собой Россию: ее судьбы должны совершиться. Считает ли она нас уже выродившимися? Разве мы уже не аустерлицкие солдаты? Она нас ставит перед выбором: бесчестье или война. Выбор не может вызвать сомнений. Итак, пойдем вперед, перейдем через Неман, внесем войну на ее территорию. Вторая польская война будет славной для французского оружия, как и первая. Но мир, который мы заключим, будет обеспечен и положит конец гибельному влиянию, которое Россия уже 50 лет оказывает на дела Европы».

Я тут же схватил это воззвание, бросил его в портфельчик, где уже лежали бумаги, подготовленные для Государя, и ринулся в Виленский замок, забежал к Барклаю и, ничего не объясняя, но не скрывая таинственного вида, предложил немедленно отправиться со мною к Государю.

В императорском кабинете я продемонстрировал полученный от Давида Савана документ, который со всею очевидностью означал, что война начинается, и в самые ближайшие дни. Теперь же никаких сомнений в этом быть не могло!

Июня 2-го дня. Одиннадцать часов утра

Началось! Бонапарт приступает к исполнению задуманного!

Графиня Алина Коссаковская исчезла из Варшавы, а точнее не исчезла, а явно отправилась в наши края, в Вильну (полагаю, что ее доставили к границе в генеральской карете), поближе к Александру Павловичу.

Господи! Не прозевать бы ее теперь!

Вот как я узнал о происшедшем с Алиной.

С полчаса назад принесли письмо от Закса из Варшавы. Он сообщил, что после ужина у генерала Фишера Алина в родительский дом не вернулась, но на поиски ее никто не кинулся – родители, видимо, были заранее предупреждены.

Не медля, я приказал квартальному надзирателю Шуленберху установить наблюдение за домом камергера Коссаковского и не снимать его впредь до особого распоряжения.

Да, коли разыщем Алину, то непременно найдем и полковника Андриевича.

Интересно, как они будут связываться с генералом Фишером? Вот получить бы доступ к их переписке!

Надо будет написать и Заксу, и Савану, чтобы они попробовали хоть что-нибудь узнать на этот счет.

Может быть, удастся выявить курьера – это было бы немало. Кстати, нужно будет проверить хотя бы пару раз подземный ход от городишка Тракай в Вильну: не исключено, что там и удастся обнаружить донесения Алины Коссаковской и Сигизмунда Андриевича.

Июня 2-го дня. Первый час ночи

В два часа дня я самолично спустился из подвальчика двухэтажного особняка, стоящего на пересечении улиц Субоч и Бакшта, в подземелье и стал отыскивать туннель.

Меня сопровождали полицмейстер Вейс и квартальный надзиратель Шуленберх (последний, кстати, рассказал, что слово «Субоч» образовано от польского *Z UBOCZA*, что значит, собственно, С ОБОЧИНЫ).

Мы прошли весь туннель, что заняло не один час, и вышли уже в городке Тракай.

Не отыскиали ничего, если не считать, правда, голубого капота и голубого же шелкового платка, покрытых не успевшей еще спрессоваться легкой, свежей пылью. И капот, и платок лежали при самом выходе из туннеля.

В Тракае я стал расспрашивать Августа Янкелевича, владельца корчмы, не видал ли он, кто спускался в подземелье.

Тот кликнул сынишку. Лукавый,мышленный мальчишка без обиняков поведал нам, что его попросила проводить по подземному ходу до Вильны одна незнакомая девица (видимо, из приезжих), одарившая его целой пригоршней злотых.

Сомнений быть не могло – то была несравненная Алина Коссаковская, с которой уже, почитай, алчет встречи моя страждущая душа.

Значит, все-таки Алине удалось попасть к нам в Вильну, и, в общем-то, легко удалось – благодаря нашему полнейшему попустительству.

Когда стало понятно, что Андриевич проник в Вильну по подземному ходу, надо было, конечно, тут же поставить своих людей в корчме Августа Янкелевича. Под видом посетителей они могли легко следить, кто спускается вниз. Да, это непростительное упущение! Алина уже могла бы быть у нас в руках!

Но где же графиня скрывается теперь? Видимо, она находится где-то поблизости от полковника Андриевича, и это все, что я могу пока сказать. Увы, это все.

Вернувшись из подземелья, я тут же нагрянул с обыском к графу Коссаковскому, но обыск не дал совершенно никаких результатов: Алины там не было. Мы обшарили весь дом, долго допрашивали слуг, но не нашли никаких следов.

К позднему вечеру интересную новость принес мне квартальный надзиратель Шуленберх.

По его словам, владелец трактирчика на Немецкой улице видел, как в восемь часов утра девица, по приметам чрезвычайно напоминавшая Алину, пересекала быстрым шагом ратушную площадь в сопровождении голубоглазого гиганта с роскошной офицерской выправкой.

По свидетельству трактирщика, они сели в карету, которая тут же и тронулась.

И все. И более никаких следов. Как будто прелестная Алина растворилась в воздухе.

Где же ее искать? Ума не приложу, ей-богу. И не с кем посоветоваться. Не с Балашовым же! Он, если и будет знать, где скрывается графиня, то не скажет ни за что – сам попырует ее схватить и, конечно, проворонит.

Как показали обыски последних дней, у здешних бонапартистов ее нет. Судя по всему, Коссаковская обрела пристанище там, где ее менее всего станут разыскивать.

Но что же это за место? В доме у гражданского губернатора Виленского края она уже жила, едва не сделавшись агентом Балашова. Второй раз, после решительного разоблачения, ей туда уже не сунуться.

Что же остается? Виленский замок, вот уже третий месяц являющийся местопребыванием Государя? Не может быть, это слишком рискованно (я, почитай, бываю в замке каждый день – если не у Александра Павловича, так у Баркля) . Но где же тогда? Где? Теряюсь в догадках. Совершенно не могу представить, что на сей раз придумала эта чертовка.

Июня 3-го дня. Десятый час утра

Завтракал с полицмейстером Вейсом. Он вчера рыскал по всей Вильне, но об Алине и голубоглазом Сигизмунде ни слуху ни духу.

Когда я вернулся к себе, принесли записку от отставного гусарского ротмистра Давида Савана, из Варшавы. Ему удалось выяснить, что генералу Фишеру почти ежедневно курьер доставляет письма из городишка Тракай.

Короткая сия записка едва не свела меня с ума.

Господи! Прозевали полковника Андриевича. Затем прозевали графиню Коссаковскую. Но ни первый, ни второй раз мы так и не воспользовались полученным уроком.

Как только стало ясно, что адъютант генерала Фишера проник в Вильну через подземный ход, нужно было тут же устанавливать наблюдение за корчмой Янкевича в Тракае. А когда прозевали Алину, нужно было хотя бы после этого установить наблюдение. Все равно установить. Очевидно же, что не по воздуху к этой парочке будут из Варшавы приказы лететь!

Так и оказалось. Поляки почту передают этим же подземным ходом. Ежели бы я удосужился хоть немного поразмыслить, то уже несколько бесценных писем было бы у нас в руках, не говоря уже о курьере, из коего бы я вытряс немало, это уж точно.

Как только прошла первая минута оцепенения после ознакомления с запиской отставного ротмистра Савана, я тут же вызвал квартального надзирателя Шуленберха, вручил ему пачку ассигнаций и велел, прихватив с собою двух караульных,

немедленно отправляться в Тракай, денно и ночью пребывая там в трактире Янкелевича и смотря во все глаза и на посетителей трактира, и на служителей.

Шуленберх, не мешкая, тут же и отправился.

На него я крепко надеюсь. Он, пусть и с опозданием, но добудет нам курьера. С письмами, естественно.

Июня 3-го дня. Седьмой час вечера

Днем меня призвал к себе Государь. В кабинете находились также генералы Беннингсен и Аракчеев. Чуть позже к ним присоединился Барклай. Он сел поодаль, стараясь не глядеть на Беннингсена, который, видимо, бесконечно его раздражал.

Александр Павлович стал расспрашивать меня о новостях, касающихся до ведомства Высшей воинской полиции.

Говорил он неторопливо, мягко, но взгляд его был рассеянным и одновременно тревожным.

Потом Государь заговорил о предстоящем бале в «Закрете». Он живо интересовался строительством павильона, внимательно смотрел на план, отбирал рисунки обоев.

Когда начался разговор о бале, генерал Беннингсен заулыбался, расцвел, и с его сухого, неподвижного лица стала даже как будто спадать маска высокомерия и холода.

Все эти перемены не укрылись от внимания Александра Павловича, и он лукаво заулыбался.

— А правда ли, — спросил Его Величество, обратившись ко мне, что генерал-адъютант Балашов всюду болтает о бале?

Я молча кивнул и потупился. Государь помрачнел, хотел что-то сказать, но промолчал. Отошел к окну. Начал барабанить пальцами по стеклу. Наступила пауза.

Но вот Его Величество решительно повернулся к нам, стремительным шагом обошел кабинет, приблизился ко мне и заметил тихо, почти шепотом, но чрезвычайно внятно:

— Санглен, вот, собственно, по какой причине я тебя вызвал. Небезызвестный тебе генерал Вильсон, представляющий тут британскую военную разведку, проинформировал генерала Аракчеева, что есть указ императора Франции о подготовке покушения на мою жизнь. Тебе что-нибудь об этом известно?

Я отвечал, что уже не один день, как располагаю этой информацией и по ведомству Высшей воинской полиции уже принял соответствующие меры. Что в настоящее время идет активный поиск агентов-убийц, заброшенных по заданию Бонапарта в Виленский край.

Государь был вполне удовлетворен моим ответом. Мне показалось, что он полагал, вызывая меня, что информация, предоставленная генералом Вильсоном, повергнет меня в состояние крайнего изумления.

Июня 3-го дня. Двенадцатый час ночи

Гуляя после обеда в городском саду, я столкнулся с целой группой, состоявшей из государственного секретаря Шишкова, как всегда, растрепанного, но остроумного, пронырливого донельзя генерала Вильсона и бешеного корсиканца графа Поццо ди Борго.

Затем, выйдя на маленькую, уединенную аллею, встретил своего прежнего благодетеля и нынешнего соперника – министра полиции Балашова.

Александр Дмитрич не отвернулся, как обычно, а подошел ко мне и стал расспрашивать о том, как продвигается строительство танцевального павильона в «Закрете».

При этом расспрашивал он меня довольно-таки покровительственно, важно, сановито, видимо, желая показать свою особую роль в деле подготовки бала. Ему хотелось выставить передо мной свое значение.

Господи, и не стыдно Балашову так паясничать и представляться!

Вечером, около девяти часов, принесли записку из «Закрета» от полковников Розена и Ланга.

Вот о чем было сказано в записке.

Графиня Беннингсен встречается с архитектором Шульцем практически ежедневно, и, увлеченные возведением павильона, они проводят вместе все больше и больше времени.

Забавнее всего то, что граф благодарил супругу за оказываемую помощь в подготовке бала.

Беннингсен вообще придает этому событию исключительное, чуть ли не мировое значение.

Возведение павильона идет полным ходом. Работа кипит уже с самого раннего утра.

Интересно, что глубоким вечером, по окончании рабочего дня, архитектор Шульц, бесцеремонно отогнав балашовцев, запирается в амбаре с рабочими и часами, буквально целыми часами, о чем-то с ними беседует.

В «Закрете» есть еще одна новость, весьма любопытная.

Мадам Беннингсен по рекомендации архитектора взяла для своих детей новенькую гувернантку – мадемуазель Федерику де Фонтен-Шаландре. Но, кажется, та не столько гувернантка, сколько компаньонка: графиня подолгу гуляет вместе с Федерикой, и нередко к ним присоединяется сам архитектор.

Записка Розена и Ланга, без всякого сомнения, содержит массу интереснейших подробностей. Но меня особенно интересует личность гувернантки и обстоятельства ее появления в имении Беннингсенов.

Уж слишком подозрительно ее появление в «Закрете» почти сразу вслед за тем, как там объявился архитектор Шульц, и тут же они оказались вместе; графиня Беннингсен, присоединившаяся к Шульцу и Федерике, является лишь прикрытием тех тайных интересов, что соединяют эту парочку.

И что же выходит тогда?

Мадемуазель Федерика де Фонтен-Шаландре, принятая гувернанткой в дом Беннингсенов, есть не кто иная, как наша несравненная Алина. А архитектор Шульц, получается, – это адъютант генерала Фишера полковник Сигизмунд Андриевич.

Но ведь Розен и Ланг отличнейшим образом знают графиню Коссаковскую, а они ничего не сообщили мне о том, что им известно, кто именно скрывается за личностью мадемуазель Федерики.

Напишу им и спрошу.

Их молчание тем более странно, что полковнички поклялись мне исправить допущенную ими оплошность и во что бы то ни стало разыскать неожиданно воскресшую Алину. А они встречают ее и молчат – непонятно, необъяснимо.

Срочно набрасываю Розену и Лангу записку и отправляюсь на боковую.

И напоследок хочу обдумать еще одно соображение.

Судя по всему, поляки вместе с французами спланировали совершить покушение на нашего Государя в имении «Закрете».

Идея эта явилась не сразу. Из варшавских донесений ясно видно, что генерал Фишер не один день готовил операцию, обговаривая с Алиной Коссаковской и Сигизмундом Андриевичем разного рода детали. Вероятно, на этот счет были получены специальные инструкции от самого Бонапарта – свидание в Познани с императором Франции нашей прелестной Алины, видимо, отнюдь не было случайностью.

Значит, враги Российской империи давно уже знали, что генерал-адъютанты Александра Павловича решили устроить в «Закрете» бал. Уж не болтовня ли Балашова тому причиной? В таком случае министр полиции – просто изменник и едва ли не государственный преступник. В любом случае виновные, кто бы они ни были, должны быть отысканы.

Июня 4-го дня. Одиннадцатый час утра

Во время утренней прогулки в городском саду встретил целую компанию – генерал-квартирмейстера Канкрин, генерала Кутайсова, полковника Закревского, государственного секретаря Шишкова, генерала Вильсона и графа Поццо ди Борго.

Они, посмеиваясь, рассказали мне, что и им Александр Дмитрич Балашов поведал, что это именно он, а не князь Волконский, второй генерал-адъютант, пребывающий в Вильне, предложил устроить бал в имении Беннингсена.

Господи! Можно ли найти в здешнем крае человека, коему министр полиции не разболтал бы секрета! Это просто невероятно.

Оказывается, измену может порождать не только предательство, не только легкомыслие, но еще и неудержимое хвастовство. Но министр-хвастун, министр-болтун – это все-таки чересчур, как мне кажется.

Двадцать минут назад принесли записку от Розена и Ланга, краткую и написанную явно второпях.

Записка повергла меня в состояние крайнего изумления.

Розен и Ланг убеждали, что мадемуазель Федерика де Фонтен-Шаландре является чистокровной француженкой и что к разыскиваемой нами графине Коссаковской упомянутая Федерика не имеет ровно никакого отношения. Более того, они ручались, что Алины в «Закрете» нет.

Что касается Шульца, то полковники писали, что это довольно известный архитектор, имеющий множество рекомендаций и что его офицерской выправке не стоит придавать особого значения.

Не понимаю – неужто Розен и Ланг идут на сознательный обман начальника Высшей воинской полиции, во что трудно поверить?! Или же они просто обозначились, но и в это трудно поверить, ведь не слепые же они?! Во что бы Алина ни укутывалась, ее личико настолько выразительно и неповторимо, что ее нельзя не узнать.

А ежели они правы, и мадемуазель Федерика де Фонтен-Шаландре – вполне реальное лицо?! В таком случае ничего не понимаю я, и мне пора отправляться в отставку, причем немедленно.

Из всех сообщенных Розеном и Лангом фактов вытекает, что новоиспеченная гувернантка и принятый на службу архитектор – агенты французской разведки в герцогстве Варшавском Алина Коссаковская и Сигизмунд Андриевич.

И то, что полковники наотрез отказываются узнавать в мадемуазель Федерике прелестную Алину, я могу объяснить лишь временным помутнением их разума, кстати, не шибко богатого.

Но как теперь выяснить истину? Как в точности узнать, не Алина ли, блистательно сыгравшая роль девицы легкого поведения, теперь выдает себя за гувернантку?

Полагаю, надо будет срочно заслать еще кого-нибудь из моих людей в «Закрет».

Конечно, из сотрудников Высшей воинской полиции если кто и знает графиню Алину Коссаковскую, так это я.

Так может, мне как раз и попробовать и явиться в «Закрет», к Беннингсену, дабы разглядеть новую гувернантку!

Однако необходимо внимательнейшим образом разглядеть, но отнюдь не спугнуть ее. Это действительно – проблема, и серьезная. Но, кажется, я все-таки решусь. Просто больше некому. А узнать, что на самом деле собою представляет Федерика де Фонтен-Шаландре, нужно непременно.

Но прежде все-таки посоветуюсь с Барклаем де Толли. Дабы самому принять участие в операции, мне необходимо заручиться согласием военного министра.

Июня 4-го дня. Первый час ночи

Когда я явился к Барклаю, то мое предложение поставило его в тупик. Он сказал мне:

– Яков Иваныч, и что же – вы сами отправитесь в «Закрет» под видом нищего?! Но ведь вы же начальник Высшей воинской полиции! Полагаю, негоже вам этим заниматься и еще переодеваться в нищего! Агенты ведь в вашем ведомстве еще не перевелись. Или как? Почему все-таки именно вы?

И все-таки в итоге я уломал военного министра. И прежде всего, конечно, на него подействовало то обстоятельство, что ни один агент не в состоянии в той мере, как я, опознать графиню Коссаковскую, ибо не раз с ней встречался и даже допрашивал ее.

Михаил Богданович только сказал:

– Но ведь и она вас, в таком случае, сразу узнает?

Я объяснил Барклаю, что камердинер мой Трифон – отличный рисовальщик, в пору моего двухлетнего пребывания во Франции, когда я состоял при особе генерал-адъютанта князя Волконского, подрабатывал подмастерьем художника парижской оперы. И еще я добавил, что Трифон разрисует меня хоть под самого Бонапарта, да так, что комар носу не подточит.

И тут военный министр сдался.

Заручившись его согласием, я тут же отправился к себе.

Первым делом я отправил в «Закрет» записку Розену и Лангу, попросив их под любым предлогом выманить к воротам имения в часов семь вечера мадемуазель Федерику де Фонтен-Шаландре.

Тем временем Трифон превратил мой старый, но вполне целый фрак в отличнейшие нищенские лохмотья, а потом принялся и за меня самого. И через полтора часа я превратился в седого, морщинистого горбуна.

Затем я вызвал полицмейстера Вейса, и мы отправились в направлении «Закрета».

Когда до имения оставалось версты две, я вышел из кареты и пошел пешком, опираясь на клюку, которую дал мне предусмотрительный мой Трифон.

У ворот имения стояла несравненная Алина, кокетливо держась за лапищу голубоглазого гиганта, выдававшего себя за архитектора Шульца, – может, это и был архитектор, но только не один год прослуживший в гвардии (вся посадка его была чисто гвардейская).

Собственно, к сей парочке можно было уже и не приближаться – все было и так ясно. Но тем не менее я подошел и для виду попросил милостыни.

Они брезгливо отвернулись от меня и стали всматриваться в дорогу, что вела к воротам, – видимо, Розен и Ланг сообщили мнимой горничной и мнимому Шульцу, что к ним кто-то пришел.

Выразив на лице своем сильное огорчение, я заковылял прочь, пока не скрылся из виду ворота имения, а затем припустил рысью.

Полторы версты до кареты, в коей ждал меня полицмейстер Вейс, я буквально пробежал, на бегу скинув с себя аккуратно раскромсанный Трифоном фрак.

Еще только подбегая к карете, я крикнул кучеру:

– В Виленский замок! Мигом!

Рванул дверцу, заскочил, плюхнулся на сиденье и молвил вопросительно глядевшему на меня полицмейстеру Вейсу:

– Это – они. Никаких сомнений быть не может.

Барклай принял меня сразу же.

Информация о том, что в имении генерала Беннингсена два агента польско-французской разведки, взволновала его не на шутку.

– Что же делать? – спросил меня военный министр чуть растерянно.

– Не спускать с них глаз и делать это так, чтобы они не заметили ничего, – отвечал я.

Мои слова несколько успокоили Михаила Богдановича, и он признал, что мы должны знать буквально о каждом шаге лиц, засланных в «Закрет» по наущению самого Бонапарта.

Однако вернувшись к себе я подумал вот о чем.

Конечно, необходимо, как я заявил Барклаю де Толли, чтобы мнимая мадемуазель Федерика и мнимый архитектор Шульц находились под нашим неусыпным наблюдением и одновременно ничего не заметили.

Однако ведь следят за этой парочкой коллежский асессор Розен и капитан Ланг, с коими прелестная Алина в прошлом не раз уже встречалась. Значит, эта чертовка или уже узнала, или же в ближайшее время узнает – сомнений тут никаких нет.

Выходит, и Розена, и Ланга необходимо немедленно отозвать из «Закрета».

Это необходимо сделать еще и потому, что они странным образом отказывались и отказываются до сих пор признать в Федерике де Фонтен-Шаландре графиню Алину Коссаковскую, хотя я просто не представляю, как они могли не узнать последнюю.

Каковы бы тут ни были причины, обман начальника Высшей воинской полиции допустить никак нельзя. И я это так не оставлю! Голубчики у меня еще попляшут!

Июня 5-го дня. Шестой час вечера

Еще до завтрака я послал записку в «Закрет» к Розену и Лангу, приказывая им немедленно вернуться в Вильну.

В десять часов утра ко мне явился квартальный надзиратель Шуленберх, и мы отправились в трактир Кришкевича.

По дороге Шуленберх рассказал мне, что со своими людьми буквально ежесуточно «прочесывал» подземный ход, ведущий из Тракая в Вильну, и вот вчера вечером в одном из переходов они обнаружили потертый кожаный портфельчик,

в коем находились донесения Алины Коссаковской и Сигизмунда Андриевича к генералу Фишеру в Варшаву.

Портфельчик был вынесен на свет божий, с писем были сделаны немедленно копии, а затем портфельчик отнесли назад, в подземелье.

Шуленберх оставил людей в корчме Янкелевича в Тракае бессменно следить и выяснить, кто же придет забирать портфельчик, приказав арестовать курьера и доставить его ко мне.

Поблагодарив квартального надзирателя Шуленберха за отличную службу, я сказал, что направляю его в «Закрет» взамен отзываемых оттуда Розена и Ланга и что главной его обязанностью теперь будет наблюдение за всеми действиями горничной Федерики де Фонтен-Шаландре и архитектора Шульца.

Шуленберх тут же (прямо из трактира Кришкевича) и отправился к новому месту службы – в роскошное имение генерала Беннингсена, в знаменитый «Закрет».

А копии с донесений, предоставленные мне квартальным надзирателем, я отослал Барклаю де Толли, дабы тот, просмотрев их, передал Государю Императору (после обеда была мною получена благодарственная записка от Александра Павловича).

В двенадцатом часу дня явились ко мне Розен и Ланг.

Вначале они пробовали отпираться, вяло убеждая меня, что горничная графини Беннингсен нисколько не походит на Алину Коссаковскую. Однако под моим строгим взглядом полковнички скоро сникли, и вот в чем они, в конце концов, мне признались. Даю их покающую исповедь в весьма сжатом виде.

Графиню Алину Коссаковскую Розен и Ланг признали сразу же по появлении своем в «Закрете», как и она их, впрочем.

Графиня первая подошла к ним и предложила заключить следующее негласное соглашение. Вот к чему оно сводилось.

Алина пообещала, что будет передавать Розену и Лангу все указания, получаемые ею от генерала Фишера, а взамен просила не писать мне, что они узнали ее.

И полковники согласились. Иначе говоря, вся информация, которую они посылали мне из имения генерала Беннингсена, составлялась для нас, разрабатывалась в штабе генерала Фишера. Вот проклятье!

И теперь-то только я и постигаю присланное мне прежде сообщение Розена и Ланга, что покушение готовится на хозяина имения – на генерала Беннингсена. То Бонапарт хотел повести нас по ложному следу, дабы мы не могли прийти к заключению, что замышляется убийство Александра Павловича.

Далее Розен и Ланг рассказали, что в итоге, визнав от них все сведения, они собирались все-таки выдать Алину и ее сообщника, поведав мне, наконец, правду.

Видимо, и в самом деле собирались, но это могло быть сделано слишком поздно, могло быть сделано тогда, когда крушение Российской Империи стало бы неизбежным, что несомненно произошло бы, ежели бы насильственно удалось прекратить жизнь Государя нашего Александра Павловича.

В общем, ярости моей не было предела. Я, к вящему изумлению всех присутствовавших, был в совершеннейшем бешенстве. Топал ногами, неистовствовал (ломал гусиные перья, швырял об стены стулья, даже вылил на безропотные полковничьи головы склянку с чернилами).

Я в сердцах сказал Розену и Лангу, что они – изменники, и даже пригрозился засадить их в каземат, причем надолго.

Но, конечно, никуда я Розена и Ланга не посажу (их еще повысят, чуёт мое сердце) – сейчас вообще не то время, чтобы можно было разбрасываться людьми. Однако особенно полагаться на этих горе-полковников мне теперь никак нельзя. Придется установить за ними наблюдение – доверия к ним нету.

Отпустил я их только в пятом часу, от сильнейшего нервного напряжения еле держась на ногах.

Розен же и Ланг явно пошатывались и дрожали от ужаса: видимо, им казалось, что их карьера бесповоротно закончилась, и более того – что жизни свои им придется доживать в тюремных стенах, ежели только Бонапарт их не освободит.

Июня 5-го дня. Одиннадцать часов ночи

Около семи вечера ко мне явился Отто Зейдлер, помощник Шуленберха, коего вместо себя квартальный надзиратель оставил в Тракае.

Зейдлер явился не один, а с добычей: это был курьер генерала Фишера, застигнутый в тот самый момент, как из корчмы Янкелевича, что в Тракае, он спустился в подземелье и уже отыскал потертый кожаный портфельчик с бумагами.

Не медля, я начал допрос. Зейдлер все аккуратно и быстро записывал.

Курьер и не думал отпираться и сразу же все выложил как на духу.

Зовут его Андре Мушотт (Mouchotte). Ему 52 года. Он родом из Сан-Манде (Saint Mande), очаровательного местечка близ Парижа.

Губернатор Лавинский восемь лет назад был в Париже и тогда же переманил его к себе на службу.

Андре Мушотт забирал донесения из «Закрета» и самолично доставлял их к генералу Фишеру в Варшаву.

Так я все, в общем-то, и предполагал. Но далее начались неожиданности, сильно меня изумившие и даже озадачившие. Вот что, собственно, я узнал.

Польско-французский курьер постоянно проживает в Вильне. Но это еще не все.

Он служит в доме Лавинского, гражданского губернатора Виленского края, будучи причислен к штату министра полиции Балашова, квартирующего в доме Лавинского.

В Варшаве у Андре Мушотта – единственная дочка (жена преуспевающего польского банкира), чем формально и объяснялись его частые отлучки на территорию герцогства.

К работе в разведке Мушотта привлекла Алина Коссаковская, еще в ту пору, когда она служила в доме Лавинского, в штате Балашова.

Так что сама Алина вынуждена была исчезнуть из губернаторского дома, а посеянная ею зараза осталась.

Оказывается, министр полиции прозевал не только Алину, личного агента Бонапарта, но так и не догадался, что в его штате находится французский лазутчик.

Просто поразительная слепота! Обязательно доложу об этом случае Государю – не имею права не доложить.

Я тут же составил довольно подробную записку, приобщил к ней материалы допроса и содержимое кожаного портфельчика. Получился довольно объемистый пакет, кой по моему приказанию был отправлен в Виленский замок, к Александру Павловичу.

Полагаю, что хоть теперь Его Величество в должной мере оценит профессиональные качества своего министра полиции.

А Андре Мушотта, естественно, приказал взять под стражу.

Теперь же, на сон грядущий, принимаюсь за Шиллера – ничто меня так не успокаивает, как его бессмертные «Разбойники».

Июня 6-го дня. После одиннадцати утра

Еще не было восьми часов утра, как явился ко мне Зиновьев, камердинер Государя, отлично мне известный.

Он вручил мне записку своего патрона. Я тут же пробежал ее глазами – Государь срочно призывал меня к себе.

Мы тут же и отправились в Виленский замок, я только едва-едва успел глотнуть кофею, предусмотрительно сваренного моим Трифоном, пока я беседовал с Зиновьевым и просматривал записку.

Александр Павлович взволнованно мерил своими огромными шагами пол кабинета. Не успел я появиться в дверях, как он буквально ринулся ко мне со следующими словами:

– Я хочу видеть арестованного курьера и самолично допросить его. Понимаешь, самолично?! Тебе целиком доверяю, но хочу допросить его, поглядеть в его глаза, проследить за его интонациями. Санглен, поезжай-ка за курьером и приведи его прямо сюда, в этот кабинет. И немедленно. Никак не могу поверить, что у Александра Дмитрича Балашова, моего генерал-адъютанта и министра полиции, не раз разгадывавшего самые каверзные дела, в камердинерах мог оказаться французский шпион, и не один день. И вот что еще меня мучает: неужели Бонапарт сумел подобраться к нам так близко? Значит, в услужении еще кого-то из моих приближенных могут оказаться его агенты?

– Да, Ваше Величество, так и есть, – отвечал я. – Уже доподлинно известно, что в имении генерала Леонтия Леонтьевича Беннингсена есть два французских агента.

– Ладно, об этом еще поговорим, а покамест поезжай за курьером, – сказал мне Государь, явно смущенный и одновременно раздосадованный.

Я тут же и отправился.

Через минут сорок курьер был доставлен. Я ввел его в императорский кабинет и вышел, оставшись ждать за дверями. Александр Павлович позвал меня опять, когда прошло уже гораздо более двух часов, – допрос явно затянулся.

Его Величество был мрачен, взгляд огромных сияющих голубых глаз приобрел какую-то тяжесть.

– Поезжай, отвези его, – сказал мне Государь, – и тут же возвращайся. Ты мне еще нужен сегодня.

Водворив курьера на полагавшееся ему место и вернувшись, я застал Александра Павловича не столько мрачным, сколько грустно-задумчивым.

– Да, все, к величайшему сожалению, подтвердилось, – сказал Его Величество, растягивая слова и как бы пропитывая их печалью. – И знаешь, Санглен, сей Андре Мушотт не просто был французским курьером: он еще доносил генералу Фишеру обо всех, кого видел у Балашова, и какие разговоры слышал, а слышал он, видимо, немало. Ужас!

После минутного раздумья Его Величество продолжил:

– И надо же было Балашову так опростоволоситься! А тебе я чрезвычайно признателен за поимку сего курьера. Кто арестовал его?

– Квартальный надзиратель Шуленберх, – отвечал я.

– Непременно наградить денежным пособием в размере пяти тысячи рублей ассигнациями.

Я кивнул в знак согласия.

– А что там происходит в «Закрете» у Беннингсена ? – продолжал Государь.

Я в целом обрисовал обстановку, рассказав, что Андре Мушотт передавал именно донесения тех агентов, что находятся в имении генерала Беннингсена.

– А мы не прозеваем их? – резонно осведомился Александр Павлович. – Кто следит за ними?

Я отвечал, что, кроме людей Балашова, в имении «Закрет» находится квартальный надзиратель Шуленберх.

– А, этому, кажется, стоит доверять, – сказал мне Государь и улыбнулся уже почти весело.

Его Величество попросил меня подробно и сразу информировать его обо всех, даже как будто малозначащих, событиях, что происходят в поместье Бенингсена. Я, естественно, обещал.

На этом, собственно, мы и расстались. Я побежал к себе – ко мне должен был прийти с докладом виленский полицмейстер Вейс.

Июня 6-го дня. Первый час ночи

Когда я пришел к себе, то меня уже ждало донесение отставного гусарского ротмистра Давида Савана из Варшавы.

Там сообщалось, что из Тракая к генералу Фишеру стал прибывать новый курьер (видимо, взамен вышедшего Андре Мушотта). Это – некто Игнатий Савушкин, виленский обыватель.

Новость сия меня страшно заинтриговала.

Да часом не сын ли это моего квартирного хозяина купца Савела Савушкина? Хороша же в таком случае новость – агент находится в одном со мною доме!

Я проверил: так и оказалось – сына моего квартирного хозяина зовут Игнатий, два года назад он закончил Виленскую гимназию, поступил в Сорбонну, теперь прибыл на вакации, а может, находится здесь по заданию французской разведки в ожидании предстоящей войны.

В любом случае приходится установить наблюдение за домом, в коем я сам проживаю, что я и сделал, как только ознакомился с донесением Савана.

И еще я приказал усилить наблюдение за корчмой Янкелевича в Тракае.

Полагаю, что меры эти неизбежно принесут свои плоды, и уже в самые ближайшие дни. Жаль, конечно, моего квартирного хозяина, он добрый и милый человек и ко мне как будто расположен, но с сыном своим ему придется вскорости расстаться, тут уж ничего не поделаешь.

Ужинал я у графа Кутайсова.

Бывший там бригадный генерал Роберт Вильсон стал у меня расспрашивать всякого рода подробности о недавнем аресте курьера генерала Фишера и об содержании отобранных у него бумаг.

И откуда этот британец все выведал? Может, от самого Государя?

Я как мог отмалчивался, но, кажется, он и так уже все знает.

А ужин, надо сказать, был довольно скучный. Даже генерал-квартирмейстер Канкрин был не так забавен, как обычно. Вероятно, ощущение надвигающейся войны отнимает охоту к шуткам.

Июня 7-го дня. Одиннадцать часов утра

Оставшийся в Тракае за старшего помощник квартального надзирателя Шуленберха донес мне сегодня с раннего утра, что вчера поздним вечером в корчме Янкелевича был арестован студент Сорбонны Игнатий Савушкин.

Он уже забрал в подземелье корреспонденцию и, довольный собою, пил в корчме вино, собираясь в Варшаву, к генералу Фишеру.

К десяти утра привезли ко мне и арестованного Савушкина. Он сразу во всем повинился и признался, в частности, что был откомандирован в Вильну по заданию наполеоновского Генерального штаба.

Я отечески пожурил Игнашу, взывал к его чувству патриотизма, а потом пообещал отпустить, ежели он не расскажет ничего генералу Фишеру о случившемся, а именно о том, что он побывал у меня в кабинете.

Пока шел допрос (его записывал студент Виленского университета Петрусевиц, принятый недавно в мою канцелярию), губернский секретарь Протопопов и коллежский секретарь Валуа сняли копии с писем Алины Коссаковской и Сигизмунда Андриевича.

Я вернул Игнатию Савушкину все бумаги, и он, совершенно счастливый, отправился в Варшаву.

Ежели корчмарь Янкелевич не состоит вдруг на службе у генерала Фишера (а исключать такой возможности ведь нельзя), то все должно, кажется, сойти.

Как только Савушкин-младший ушел от меня, я тут же составил краткую, но весьма точную записку к Государю, приобщил все добытые бумаги и отправил все это в Виленский замок. Надеюсь, что Александр Павлович будет доволен.

Июня 7-го дня. Шестой час вечера

Уже к полудню у меня на столе лежала благодарственная записка от Александра Павловича.

Прислал свое первое донесение из «Закрета» Шуленберх.

Он сообщил, что графиня Беннингсен и горничная мадемуазель Федерика почти не разлучаются. Нередко к ним присоединяется архитектор Шульц. Эта информация важна, конечно, но кардинально она ничего не меняет в сложившихся представлениях о происходящем.

Однако Шуленберху удалось узнать нечто совершенно новенькое.

Поздно ночью, когда рабочие разошлись, он стал осматривать со свечой в руке строящийся павильон, и вот, к изумлению своему, на что обратил внимание.

Оказывается, при возведении сего строения гвозди отнюдь не используются: шляпки от гвоздей, будто бы вбитых в стены, на самом деле искусно нарисованы малярами. Это новость, по сути своей, важнейшая. Она на очень многое открывает глаза и многое меняет.

Характер заговора, кажется, обрисовывается теперь со всей очевидностью. Да, это было замечательное решение: отозвать Розена и Ланга, уже прошляпавших Алину, и послать взамен их Шуленберха.

История с нарисованными гвоздями подталкивает к следующему выводу.

Танцевальный павильон в «Закрете» возводится так, дабы в определенный час рухнуть, погребя под своими сводами нашего императора.

Идея покушения на генерала Беннингсена — это, конечно, желание ввести нас в заблуждение, и не более того. Владелец «Закрета» для Бонапарта опасности не представляет. Известно, что император Франции с нескрываемым пренебрежением относится к военным дарованиям генерала. Несомненно, покушение готовится на нашего Государя.

Нет-нет, все гораздо страшнее. Павильон ведь, судя по всему, должен рухнуть во время бала, назначенного на двенадцатое июня, а на балу будет не только Государь и не только владелец «Закрета» генерал Беннингсен — будет весь генералитет Российской армии, в полном составе.

Несомненно, Бонапарт задумал не только лишить жизни Монарха, но и обезглавить армию и после этого уже вступить на наши территории.

Вот что вытекает из сообщения о нарисованных гвоздях.

И еще одно стало очевидным после получения записки Шуленберха: маляры, творцы мнимых гвоздей, вместе с мнимым архитектором Шульцем участвуют в заговоре. Получается, что имя «Закрет» просто наводнено агентами Бонапарта. Одной Алиной и Андриевичем дело, оказывается, не ограничилось.

Я тут же отправил Шуленберху письмо, в коем поблагодарил его за работу и попросил как можно внимательнее присмотреться к малярам.

И опрометью бросился в Виленский замок, к Государю.

Александр Павлович принял меня незамедлительно. Его Величество ясно понимал, что я не стал бы без особой на то причины просить внештатной аудиенции.

Выслушан я был самым внимательнейшим образом. Затем Император углубился в чтение записки Шуленберха.

История с нарисованными гвоздями, несомненно, произвела на него впечатление. Наконец он прервал явно затянувшуюся паузу и спросил, глядя куда-то в сторону:

— Что же будем делать, Санглен? Я жду твоих предложений.

— Ваше Величество, может быть, стоит отменить бал или хотя бы перенести его на другое число?

— Нет-нет, Бонапарт никак не должен догадаться о том, что мы уже догадались о его хитроумном плане. И в любом случае бал я отменять не собираюсь и даже не могу — это ведь было предложение моих генерал-адъютантов, и я принял его. Так что бал будет, но только ты со своими людьми должен всесторонне к нему подготовиться. Высшая воинская полиция должна показать, на что она способна.

Государь помолчал, а потом добавил, медленно, раздумчиво выводя каждое слово:

— Смотри только, Санглен, пожалуй, пока не рассказывай ничего Беннингсену — не дай бог, проговорится жене своей, и тогда все пропало. Графиня уж точно доложит своему любовнику Шульцу, а заодно и горничной своей, а если и не скажет горничной, то об этом той поведает Шульц. Потом узнает обо всем генерал Фишер, а за ним уже — и сам Наполеон Бонапарт. И Барклаю, пожалуй, не стоит ничего рассказывать. Вообще, пусть это будет до поры до времени нашей с тобой тайной. Но главное, ты теперь не прозевай. Я ничего не боюсь, ибо полностью тебе доверяю.

Государь доверительно похлопал меня по плечу, и это, без всякого сомнения, было высшим поощрением.

Июня седьмого дня. Первый час ночи

Вечером по-соседски зашел ко мне Игнатий Савушкин. Он прибыл из Варшавы, напрямую от генерала Фишера.

Радостно поблескивая глазками, Савушкин-младший неторопливо снял картуз, аккуратно распорол подкладку, вытащил из-под нее сложенный вдвое листок тонкой, почти прозрачной бумаги и протянул его мне.

Как я и предполагал, это была записка от генерала Фишера. Она состояла всего из двух слов: *двенадцатое июня*. И внизу стоял широкий, лихой генеральский росчерк.

Все было ясно как Божий день.

Начальник Генерального штаба польской армии сообщал дату, на которую было запланировано покушение. Он давал указание, что стены и крыша танцевального павильона должны обрушиться не раньше и не позже, чем 12-го июня, а 12-го июня как раз и должен состояться в «Закрете» бал, который по подписке дают российскому императору генерал-адъютанты.

Я сложил листок и вернул его Игнатию, велев в точности передать записку генерала Фишера по назначению. Но тут сосед мой улыбнулся, вытащил из распоротой подкладки еще один листок и протянул его мне.

Я развернул листок и увидел, что это какой-то чертеж, испещренный обильными записями.

Как оказалось, то был план завершающих строительных работ павильона. На заднем обороте листка был маленький рисунок, изображавший, как стены павильона расходятся и крыша проваливается.

Я тут же кликнул губернского секретаря Протопопова, заведующего моей канцелярией, и коллежского секретаря Валуа, велев им немедленно снять копию. Через полчаса они вышли ко мне и вернули оригинал.

Я вернул заветный листок соседу, велев ему немедленно отправляться в «Закрет», но только не попадаться балашовцам, дабы они не устроили лишнего и опасного шума.

Как только Савушкин ушел, я тут же засел за послание к Его Величеству.

Прежде всего я подробнейшим образом изложил свой разговор с курьером, рассказал о записке, состоявшей из слов «двенадцатое июня», приобщил копию с чертежом и с рисунком, запечатал пакет и немедленно отправил его в Виленский замок, к Государю.

План Бонапарта теперь, после попавших в наши руки документов, стал вырисовываться просто с предельной отчетливостью.

Очередное свое донесение из Варшавы прислал мне сегодня Закс.

Он сообщает, что Бонапарт уже отправился в Литву, в местечко Вильковышки.

Закс пишет также, что в варшавском дипломатическом мире все чаще поговаривают, что уже в самые ближайшие дни первые соединения «Великой армии» могут переправиться через Неман.

Я лично полагаю, что это произойдет как раз 12-го июня.

Бонапарт явно хочет приурочить уничтожение нашего монарха к началу боевых действий, усилив тем самым сокрушительность и бесповоротность первого удара. Так что намечающийся бал оказывается вписанным в самый высокий политический регистр.

Все эти дополнительные соображения я изложил в новом письме к Государю, присовокупив к нему последнюю записку Закса, которая, несомненно, заинтересует Его Величество, и это неудивительно. Вкупе с просмотренными бумагами генерала Фишера записка эта многое проясняет, многое ставит на свои места.

Беспокоюсь – что-то молчит Шуленберх. Боюсь, не учудила бы чего Алина: от нее можно ожидать любого подвоха, любой пакости.

Конечно, я понимаю, что не может же Шуленберх баловать меня донесениями каждый день, хотя, может быть, и стоило бы это делать.

Последние недели центр европейской политики, надо признать, переместился в «Закрет», в имение генерала Беннингсена. Мировая история отныне делается в «Закрете», только бы не допустить нам какой-нибудь страшной оплошности, ведь на кон поставлена жизнь нашего Государя, а не исключено, что и судьба всей Российской империи.

Июня 8-го дня. Одиннадцать часов утра

Завтракал я у Барклая. Потом мы уединились в его кабинете.

Он сказал мне:

— Яков Иванович, хочу с вами посоветоваться. Видите ли, Государь предлагал Беннингсену командовать армией, но тот решительно отказался. Теперь Государь требует непременно, дабы я командовал войском. Как вы думаете?

— Мне кажется, — отвечал я, — Беннингсен поступил благоразумно. Командовать русскими войсками на отечественном языке и с иностранным именем — невыгодно. Беннингсен это испытал. Я полагаю, что и Вашему высокопревосходительству не худо последовать его примеру.

— Но Государь того требует, как отказаться? — обеспокоенно спросил меня Барклай.

— Беннингсен-то сделал, следовательно, и Вашему высокопревосходительству можно поступить также; впрочем, это воля ваша, — отвечал я военному министру.

Не знаю, угодил ли я эту откровенностию; хотя Барклай, по-видимому, колебался, но все окружающие его «мудрецы», которые ожидают от него великих благ, поощряют его на этот подвиг.

Когда я шел назад, то вдруг увидел, что Вильна принимает вид все более воинственный: со всех сторон стекаются войска.

Июня 8-го дня. Четыре часа пополудни

В полдень явился старый мой знакомец Зиновьев, камердинер Государя — Александр Павлович срочно призывал меня к себе.

Я тут же, не мешкая, отправился в Виленский замок, уже во второй раз за сегодняшний день.

Государь встретил меня в высшей степени приветливо и даже ласково, почти по-дружески.

Моими последними записками, посланными вчера, Александр Павлович остался весьма доволен. Он даже особо подчеркнул это.

Причем Его Величество, как и я, придерживается того мнения, что именно к балу в «Закрете» Бонапарт решил приурочить начало боевых действий, а первым залпом должна стать катастрофа в танцевальном павильоне.

При этом в лице Государя не было заметно и тени страха. Скорее в его огромных голубых глазах я увидел огоньки азарта, но в высшей степени спокойного, выверенного, отнюдь не выходящего из берегов.

И еще я ощущал безграничное доверие Александра Павловича ко мне, что весьма меня окрыляло.

Но все-таки я еще раз предложил Его Величеству отменить бал в «Закрете». Государь рассмеялся и сказал мне:

— Санглен, за меня не беспокойся. Подумай лучше-ка вот о чем. Бонапарт, говоря языком столь любимых тобою шахмат, задумал красивую, эффектную комбинацию. Во что бы то ни стало надо сделать так, чтобы она сорвалась. Ради этого я готов рисковать своею жизнью, а ты уж не подведи (только не рассказывая ничего генералу Аракчееву: он занят охраной моей особы и ради этого может забыть об интересах отечества). Имей в виду, что от тебя сейчас немало зависит. Нет, ничего отменять мы не будем, а вот проиграть мы не имеем права.

Я, естественно, обещал ничего не рассказывать Аракчееву.

В ответ же на слова Государя, что он дает мне самые широкие полномочия, попросил отозвать из «Закрета» людей Балашова, ибо они своими неумеренными подглядываниями могут вызвать подозрения у Алины Коссаковской и полковника Андриевича, что совершенно нежелательно для нас в нынешней ситуации.

Александр Павлович, ни минуты не раздумывая, обещал непременно учесть мою просьбу, и буквально в самое ближайшее время, чуть ли не сегодня. «Можешь

не волноваться, Санглен: совсем скоро людей Балашова не будет в «Закрете»...» – заверил меня Его Величество.

На этом аудиенция и закончилась.

Прощаясь, Государь напомнил мне, чтобы я не забывал тотчас же по получении пересылать ему любые сведения – пусть даже самые как будто незначительные, – получаемые из «Закрета».

Июня восьмого дня. Первый час ночи

Пришло долгожданное и драгоценное донесение от Шуленберха из «Закрета» (посыльный принес его глубокой ночью: было уже гораздо более одиннадцати часов).

Я тут же списал текст донесения для себя (у меня теперь есть целая папка, на коей карандашом жирно выведено: «Закрет»), а оригинал отправил немедленно в Виленский замок, к Государю.

Шуленберх сообщает, что строительство танцевального павильона вступило в свою завершающую стадию – стены возведены и увиты целыми картинами из зелени (некоторые из них поистине прелестны), но что-то еще доделывается.

Во всяком случае, «архитектор» Шульц получил какой-то новый чертеж, а на оборотной стороне его есть рисунки, на коих, видимо, обозначены детали павильона. При малейшем приближении кого-либо, за исключением прелестной Алины, Шульц тут же прячет чертеж в карман сюртука.

Балашовцев сегодня неожиданно всех вдруг отозвали из имения, и это было сделано, кажется, к радости всех жителей «Закрета» и к громадному облегчению его, Шуленберха: эти неуклюжие соглядатаи смертельно всем надоели – правда, теперь не над кем будет потешаться.

Сам Шуленберх, кстати, официально считается новым закретовским садовником, и его инкогнито до сих пор, к счастью, не раскрыто, что и неудивительно: это – ушлый полицейский служака, недаром его ценит и сам Государь. Но особо отлично Шуленберх показал себя именно в «Закрете».

И на фоне этих дуралеев – Ланга и Розена – он смотрится не просто героем, а еще и умницей. Но посмотрим, как виленский квартальный надзиратель и мой помощник проявит себя в эти дни, от коих столь многое зависит в судьбе Российской империи.

Да, и вот какую интересную деталь сообщил Шуленберх.

Все рабочие, участвующие в возведении павильона, – выходцы из герцогства Варшавского; причем «архитектор» Шульц со многими из них находится в довольно приятных и даже дружеских отношениях.

Я полагаю, что кандидатуры всех рабочих были утверждены лично генералом Фишером и полковником Андриевичем.

Да, «Закрет», принадлежащий начальнику Генерального штаба русской армии, буквально наводнен французскими шпионами. Теперь это совершенно очевидно.

И неизвестно еще, в каких отношениях с заговорщиками находится графиня Беннингсен, урожденная Бутовт-Анджейкович, польская аристократка. Но даже если она и верна нашему Государю, в любом случае весь «Закрет» обильно пропитан изменой.

Между тем, более всего меня пугают не польские солдаты, переодетые строителями, а графиня Алина Коссаковская, настолько же прелестная, насколько жестокая и коварная, агент Бонапарта в дешдном крае.

Июня девятого дня. Одиннадцать часов утра

С утра явились за распоряжениями Розен и Ланг — в их лицах я не приметил ни тени раскаяния. Испуг прошел, и тут же к ним вернулось ощущение собственной безнаказанности.

Я их отослал с глаз долой, в Ковно, к майору Бистрому, тем более, что в Ковно скопилось какое-то немыслимое количество французов и пришлых поляков (сам Бистром полагает, что все они переодетые офицеры). Думаю, что хоть на что-нибудь эта парочка там сгодится.

Потом пришел полицмейстер Вейс — докладывал об обстановке в Вильне. Но в эти дни Вейс уже мало что способен понять, чего он и не пробовал скрывать.

В городе царит полнейшая неразбериха: он буквально весь затоплен войсками, все прибывающими и прибывающими. Всюду полевые кухни, обозы со снаряжением, артиллерийские упряжки, скачущие ординарцы, какие-то тучи адъютантов и генералов. Отыскать тут французского лазутчика было бы делом не просто невозможным, но и бессмысленным.

Прислал донесение отставной ротмистр Давид Саван из герцогства Варшавского.

Два дня назад он был на ужине у генерала Фишера. Начальник Генерального штаба польской армии буквально светился радостью.

Торжествуя, он прямо сказал всем присутствовавшим на ужине, что дни закланного врага Польши, Российской империи, сочтены, что Александр I — последний российский царь и что буквально со дня на день надо ожидать, что земная жизнь его будет насильственно прекращена.

В ответ раздались изумленные вопросы и радостные восклицания гостей.

Генерал Фишер помолчал, а потом сказал, что не может до поры до времени разглашать имеющиеся у него сведения, но может лишь сообщить, что готовятся грандиозные события, и готовятся они не без участия поляков.

После сих слов в зале, где проходил ужин, раздались громкие аплодисменты и крики восторга.

Получив письмо Давида Савана, я тут же переслал его Государю.

Александр Павлович незамедлительно ответил мне краткой запиской: «Милостивый государь Яков Иванович! Они уверены в полной и скорой своей победе. Тем более осторожными и предусмотрительными мы должны быть в эти дни. Нужно принять все необходимые меры и даже сделать все сверх необходимости. Действуй».

Июня девятого дня. Седьмой час вечера

Только что вернулся от Государя.

Кстати, Виленский замок, как и все последние три месяца, живет спокойно и размеренно — никаких следов паники я не приметил.

Александр Павлович был не один. За его спиной маячили аж целых три генеральские фигуры — Баркляя, Беннингсена и Аракчеева. Буквально через пару минут после моего появления к ним присоединился четвертый — бригадный генерал Роберт Вильсон, шпион и проныра.

Государь обратился ко мне:

— Санглен, у нас тут идет совещанье, по ходу коего возник спор. Военный министр доказывает, что Бонапарт, перейдя границу, пойдет с основными силами прямоком на Вильну, а вот генерал Беннингсен придерживается иного мнения. Но вот в чем все мы единодушны: канцелярию Высшей воинской полиции надо,

не медля, отправлять в Санкт-Петербург. Необходимо совершенно исключить возможность того, чтобы бумаги твоего ведомства попали в руки Бонапарта. Из штата канцелярии оставь при себе одного человека. На ком думаешь остановить свой выбор?

— На коллежском секретаре Валуа, — ответствовал я.

Государь кивнул в знак согласия и сказал:

— Все. Занимайся отправкой канцелярии, а мы продолжим наш спор.

Затем Его Величество наклонился ко мне и шепнул:

— Не забывай пересылать мне все донесения, касающиеся «Закрета».

Июня девятого дня. Первый час ночи

Около девяти часов вечера ко мне заявился сосед мой Игнатий Савушкин.

Сей милый юноша, кажется, вполне сможет в обозримом будущем загладить собственную измену Отечеству. Он помогает одурачивать генерала Фишера, Алину и Андриевича, а заодно и самого Бонапарта.

Савушкин-младший поведал мне, что ходил сегодня с утра в «Закрет» (так его проинструктировали в штабе генерала Фишера).

Когда он поравнялся с оградой, то прелестная Алина, подойдя поближе, кинула в его сторону бумажный шарик.

Рассказывая это, Игнатий вытащил из-за пазухи тонкую полоску бумаги, на коей карандашом была нацарапана всего одна фраза: «Все будет готово одиннадцатого к десяти часам утра. А.К.».

Эту записку Савушкин должен свезти в Варшаву, к генералу Фишеру. И отправился он сразу, прямо от меня.

Я тут же уведомил Государя о визите Игнатия Савушкина и об его весьма любопытном рассказе.

И весьма важное для меня донесение прислал из Варшавы Яшенька Закс.

Ему удалось свести знакомство с родителями Алины Коссаковской. И отец прелестной графини проболтался (что бы мы делали без говорливых старичков!), что она «гостит» в «Закрете» и покинет имение одиннадцатого в полдень.

Молодчина Закс! Одиннадцатого на рассвете я отправляюсь в «Закрет» за нашей драгоценной птичкой. И никому об этом пока не буду сообщать, даже верному Шуленберху.

Донесение Закса я тут же переслал в Виленский замок, к Государю.

Июня девятого дня. Час ночи

Камердинер мой Трифон сразу же после ужина погрузился в знаменитый разбойничий роман Кристиана Августа Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини». Эту книгу он читает уже несколько лет изо дня в день.

Я же, ответив на письма семейства моего — оно осталось в Санкт-Петербурге — перечитываю (и не в целях развлечения, а в ожидании грядущих великих событий) неоконченный роман «Духовидец», принадлежащий перу давнего любимчика моего Шиллера.

Там разворачиваются целые мириады тайн, так и не раскрытых. Леденящие душу преступления так и не объяснены. Многие загадки так и не разгаданы, что как раз и влечет меня к сему творению.

В свое время «Духовидец» наделал много шума. Он писан был в ту эпоху, в которую люди, уклоняясь от утешительной веры, предались поверьям самым грубым

и суеверным. Всех тогда морочил мастерски Калиостро, выдавая себя за человека, имеющего сношения с нечистыми духами.

Шиллер представил в своем «Духовидце» сплетение чудеснейших происшествий. Он таинственным содержанием, пленительным слогом возбудил любопытство всех и сильно подействовал на воображение читателей. С величайшим нетерпением ожидали окончания, однако оное в печати так и не появилось.

Искусству разгадывания преступных тайн я учился во многом именно на «Духовидце».

Да, ежели бы не опыт многолетнего каждодневного прочитывания новинок изящной словесности (и особливо готических романов), вряд ли я бы справился с должностью начальника Высшей воинской полиции, ведомства вполне готического, хранящего не одну страшную тайну.

Вот выйду в отставку и, дабы не разглашать служебных секретов, примусь за романы тайн, потихоньку используя свои познания из жизни практической, из этой поры моей, когда я оказался прикомандирован к особе военного министра.

Июня десятого дня. Одиннадцатый час утра

Завтракал я с полицмейстером Вейсом в трактире Кришкевича. Трактир был весь набит солдатами и сильно смахивал на военный лагерь.

На прогулке в городском саду столкнулся (я был вместе с графом Поццо ди Борго и государственным секретарем Шишковым) с министром полиции Балашовым, шедшим под ручку с гражданским губернатором Виленского края Лавинским.

Завидев меня, Александр Дмитрич порывисто отбросил ручку Лавинского, сжал волосатые свои кулачки и кинулся в мою сторону, начав еще издали кричать.

Подбежав ко мне, Балашов остановился, скорчил гримаску и буквально прорычал мне в лицо:

— Да как вы только посмели!.. Это же из-за вас забрали сотрудников министерства полиции из «Закрета». Да по какому, собственно, праву?.. И чем ваши люди лучше моих?.. И как не стыдно было жаловаться на меня Государю? Вы забыли, что ли, что это я вас, уволенного отовсюду, взял в Министерство полиции? Да и в Московский университет вы попали по моей протекции. И это ваша благодарность?

Сначала бывшие рядом со мной граф Поццо ди Борго и Шишков вздрогнули от изумления, а потом вслух расхохотались. Проходившие мимо (среди них я заметил графа Кутайсова, графа Канкрин и полковника Закревского) останавливались, привлеченные криками министра полиции, и тоже начинали смеяться. Такая реакция несколько остудила пыл Балашова, и он ретировался назад к Лавинскому, своему близкому приятелю, но издали все-таки погрозил мне кулачком.

— Что это нашло на Александра Дмитрича? В своем ли он уме? — спросил у меня Шишков.

Я улыбнулся, но ничего не сказал, а про себя в тот момент подумал: «Конечно, Государь насплетничал Балашову, что это из-за меня его людей убрали из “Закрета”. Ну и пусть. Главное, что балашовцев убрали, а то бы они еще наломали дров».

Но объяснять все это государственному секретарю не имело смысла, тем более, что он должен был думать теперь не о министре полиции и его взаимоотношениях со мной и с Государем, а о составлении манифеста по случаю войны, которая начнется со дня на день.

В полдень у меня должна состояться встреча с Александром Павловичем. Непременно расскажу ему, как на меня в саду напал Балашов. Однако прежде чем

идти в Виленский замок, я зайду к себе, дабы поглядеть почту (с утра я не успел это сделать).

Июня десятого дня. Шестой час вечера

Государь смеялся до слез, когда я рассказал ему о встрече с министром полиции Балашовым.

Затем мы обратились к тому, что происходит в «Закрете». Обсуждали также рассказ Игнатия Савушкина и донесение Закса.

Государь одобрил расторопность Закса, то, что он умудрился подружиться с отцом мнимой горничной графини Беннингсен, чрезвычайно хвалил Савушкина – записка, которую тот принес, весьма должна была облегчить работу Высшей воинской полиции.

Мою мысль, что завтра с утра надо ехать в «Закрет», Его Величество сразу и полностью одобрил.

– Внимательнейшим образом осмотри весь танцевальный павильон, – сказал мне Александр Павлович, – и постарайся непременно задержать мнимую горничную графини Беннингсен, коли та завтра собирается бежать из имения.

А потом Государь добавил:

– Сегодня еще хорошо бы дождаться донесения от Шуленберха: оно бы многое позволило нам уточнить.

Когда я вернулся к себе, меня уже ждала записка из «Закрета» от моего верного Шуленберха. Вот что он сообщил мне.

Шуленберх подстригал в парке громадную роскошную ель, когда в аллее появилась графиня Беннингсен со своей горничной, то бишь с прелестной Алиной.

Когда они стали приближаться к нему, Шуленберх спрятался за не обстриженную еще ель. До него долетела фраза, сказанная Алиной:

– Мария, через два дня мир изменится. А Польша лишится своего главного притеснителя.

Дамы, конечно, говорили о готовящемся покушении на нашего Государя. Но крайне важно было еще вот что: хозяйка «Закрета» графиня Беннингсен прикосновенна к заговору; Алина с нею откровенна и пользуется ее поддержкой в осуществлении своих черных дел.

Как только я ознакомился с запиской, как тут же кинулся опять в Виленский замок.

Государь принял меня незамедлительно.

То, что написал Шуленберх, произвело на Его Величество неизгладимое впечатление.

Государь не выдержал и в сердцах сказал:

– И тут измена! Немыслимо, совершенно немыслимо: супруга начальника Генерального штаба российской армии причастна к заговору Бонапарта против меня! Поверить в это страшно тяжело и обидно, но, увы, приходится это делать.

Александр Павлович спрятал записку Шуленберха в папку, на коей было выведено: «Граф Леонтий Леонтьевич Беннингсен» и примолвил:

– Умница все-таки твой Шуленберх. Поблаговари его от моего имени.

Прощаясь, Государь обнял меня и шепнул, хотя поблизости никого не было:

– Удачи тебе завтра, Санглен, полной и бесповоротной удачи. Дай бог, чтобы удалось перехитрить Бонапарта. Не хочу тебя смущать, но возникла ситуация, когда ты просто не имеешь права на поражение. Тысячу раз продумай каждый свой шаг.

Я заверил Александра Павловича, что все продумано буквально до мельчайших деталей, и в самом деле это было так.

Его Величество перекрестил меня. Его огромные, ясные голубые глаза на сей раз были увлажнены слезами, что делало их еще прекраснее.

Июня одиннадцатого дня. Полночь

В семь часов утра за мной заехал полицмейстер Вейс, а еще вызванные из Ковно коллежский асессор Розен и капитан Ланг.

Я немедленно приказал оседлать лошадей, и все мы поскакали в «Закрет».

У подъезда дома встретил я Беннингсена, который, вероятно, полагал, что я послан Государем с каким-либо к нему приказанием, ибо спросил:

– Что вы мне привезли?

– Я приехал засвидетельствовать Вашему высокопревосходительству мое почтение и посмотреть на строящуюся залу.

– Пойдемте ко мне. Жена наливает чай; напьемся, а потом пойдем вместе.

Отказаться было неловко. Супруга его налила мне чаю.

Едва я взял чашку в руки, как тут же сказал:

– А где архитектор?

– Он недавно был здесь, – отвечала мне графиня.

– Немедленно отыскать его, – приказал я.

Через несколько времени посланные возвратились и принесли выловленные из воды фрак и шляпу мнимого архитектора.

– Видно утопился, – сказали нерешительно посланные.

– Вот и первый промах, – подумал я. – И конечно, полковник Андриевич не утопился, а бежал. Все подготовил и ретировался в Варшаву. Или поджидает где-нибудь в условленном месте Алину. Дабы вместе явиться пред светлые очи генерала Фишера. Надобно теперь не упустить Алину.

Я ненадолго погрузился в раздумья, а потом сказал:

– Графиня, не могу вас утруждать. Нельзя ли, чтобы танцевальный павильон показала мне ваша горничная мадемуазель Федерика? Говорят, она тут все знает.

Мадам Беннингсен ответила мне согласием. Кликнули горничную. Она тотчас явилась, и мы отправились осматривать павильон.

– Алина, я ужасно скучаю без вас, – заметил я, когда мы остались вдвоем.

При этих словах глаза графини Коссаковской полыхнули огнем бешенства, но я сделал вид, что ничего не замечаю.

Тем временем мы подошли к павильону.

– Графинюшка, – сказал я как можно невиннее, – вы зайдите, осмотрите все, а потом уже и я.

При этих словах Алина смертельно побледнела и резко отрицательно качнула головой.

Однако я, не мешкая, втолкнул ее в павильон и запер дверь. Затем подошел к стене, увитой зеленью, и со всей силы качнул ее. И стена стала поддаваться. Раздался страшный треск, заглушавший крики Алины: павильон начал рушиться.

Все арки, обвитые зеленью, скоро лежали на полу. Мне удалось рассмотреть, что все арки между собою и к полу прикреплены были штукатурными гвоздями.

Я вскочил на лошадь и во весь галоп поскакал к Государю. Вейс, Розен и Ланг ринулись за мной.

– Что? – спросил Государь, как только завидел меня.

– Здание разрушено, – отвечал я. – Один пол остался.

Государь требовал подробностей.

Я рассказал, что по осмотре оказалось, что шпионка Бонапарта была к моменту катастрофы в здании павильона и погибла в момент разрушения, не став докладывать нашему человеколюбивому Государю, как Алина попала в павильон.

— Так это правда! Значит, покушение действительно готовилось? — сказал Государь и продолжал потом: — Поезжай-ка, Санглен, в «Закрет» и прикажи пол немедленно очистить и привести все там в порядок. Зачем нам крыша? Мы будем танцевать под открытым небом.

Я заехал к себе домой, приказал заложить коляску, чтобы ехать в «Закрет», к Беннингсену. На квартире меня ожидала эстафета из Ковно от полицмейстера майора Бистрома с извещением, что Бонапарт в районе Ковно начинает переправляться через Неман со своей армией. Не успел я дочитать эстафету, как прибыл и сам майор Бистром. Рассказ его был сумбурен, но впечатляюще и неминуемо означал, что страшная война началась.

Я тут же воротился назад, в Виленский замок, прихватив с собой и майора Бистрома, и явился с докладом к Государю.

Александр Павлович принял меня незамедлительно.

Войдя в императорский кабинет, я тут же втащил за собой оробевшего майора Бистрома и подтолкнул его прямо к Государю.

Рассказ ковенского полицмейстера был выслушан со вниманием, но не более того, что меня даже удивило.

— Я этого ожидал, — спокойно отвечал Александр Павлович, совершенно не изменившись в лице. — Но бал все-таки будет, непременно будет. Я уже дал согласие своим генерал-адъютантам. И вообще: негоже показывать Бонапарту, что мы его боимся.

Июня двенадцатого дня. Десять часов утра

С раннего утра прогуливался в городском саду с коллежским секретарем Валуа — единственным оставшимся в Вильне чиновником моей канцелярии. Видел министра полиции Балашова: оба мы церемоннейшим образом раскланялись и молча разошлись.

Вернувшись к себе, читал бессмертные Шиллеровы творения — драму «Разбойники» и неоконченный роман «Духовидец». Наслаждался и восхищался, делал выписки, даже набросал перевод нескольких фрагментов из «Духовидца».

Затем принялся за дела.

Слава богу, что, наконец, избавились мы от графини Коссаковской, особы чрезвычайно зловредной и опасной. Надеюсь, что она не воскреснет в самое ближайшее время. А вот то, что полковнику Андриевичу удалось бежать, — плохо, конечно. Надо бы его каким-то образом заполучить назад. Еще подумаю над этим. Необходимо что-то на этот счет придумать.

Но в целом все складывается замечательно. Гнусная затея злодея Бонапарта не удалась, слава богу, — Государь наш остался целехонек.

Его Величество собирается представить к награде квартального надзирателя Шуленберха. Да, это было бы совершенно справедливо. Но я думаю, что за компанию наградят еще этих ротозеев и трусов — Розена и Ланга. Ну и ладно.

А мне лично достаточно того доверия, что неизменно оказывает мне наш Государь.

Интересно, расскажет ли в ближайшее время Александр Павлович генералу Беннингсену, что супруга его прикосновенна некоторым образом к тому жуткому покушению, что должно было состояться в «Закрете»? Или же наш император будет таить обиду и молчать, делая до поры до времени вид, что ничего не произошло?!

Я лично полагаю, что ничего сейчас Его Величество не расскажет, а побережет имеющиеся в его распоряжении бесценные сведения до того момента, когда позволит себе излить накопившиеся у него раздражение и гнев на своего заносчивого генерала.

Сейчас же, в канун тяжелейшей и опаснейшей войны, Александр Павлович и виду не подаст, что ему хоть что-то известно, — это ясно как Божий день. Тут не может быть никаких сомнений.

А мне, конечно, хотелось бы, чтобы Беннингсену устроили разнос прямо сегодня или в крайнем случае завтра, сразу после бала.

Генерал в последние недели столько зла принес Барклаю де Толли, столько гадостей про него наговорил, упорно пытаюсь поссорить с ним Государя! И было бы совершенно справедливо, ежели бы теперь досталось и интригану и злоке Беннингсену.

Но ничего не поделаешь — придется ждать! Что ж, буду учиться у нашего хитроумнейшего Александра Павловича, в совершенстве владеющего искусством ждать нужного момента. Вообще я не раз уже убеждался в том, что если кто и рожден быть шпионом, так это именно он.

Июня двенадцатого дня. Шестой час вечера

Час назад неожиданно явился ко мне отставной ротмистр Давид Саван. Прибыл он напрямик из Варшавы, и совершенно без предупреждения: как говорится, свалился как снег на голову.

Ротмистр поведал мне, что два дня назад его неожиданно призвал к себе генерал Фишер и, не медля ни минуты, велел отправляться в Вильну приказав обосноваться там и высматривать, как русские будут готовиться к бегству и кого из своих они оставят в городе.

Еще генерал Фишер рассказал Давиду Савану, что Бонапарт, перейдя Неман, двинется со своими силами прямо на Вильну, и что нужно пресечь возможность каких-либо покушений на жизнь императора Франции. Генерал добавил потом, что и с этой целью отставной ротмистр ныне посылается в Вильну: Саван должен будет следить, дабы не было никаких посягательств на личность Бонапарта.

— Что ж, оставайтесь в здешнем крае, ротмистр, — отвечал я. — Для подмоги я оставляю вам еще пару людей. Ваши донесения из Вильны нам пригодятся не менее, чем Ваши же донесения из Варшавы, а может, даже и более. Имейте в виду, что уже в самое ближайшее время нам понадобятся известия и рапорты о передвижениях корпусов французской армии. Постарайтесь попасть в штаб к Бонапарту, хотя бы в качестве переводчика. Это, конечно, не просто, но чем черт не шутит — вдруг получится.

В ответ ротмистр рассказал мне, что генерал Фишер обещал ему лично представить его императору Франции, когда тот войдет в Вильну. Так что, возможно, Бонапарт и в самом деле оставит Савана при своем штабе — это было бы просто замечательно.

Будем надеяться, что генерал Фишер не подведет и не забудет о своем питомце и нашем великолепном агенте — урожденном французе и российском подданном Давиде Саване.

Мы договорились, что завтра с утра пораньше Давид Саван явится ко мне и я тогда дам ему список поручений.

Кстати, отставной ротмистр рассказал еще, что вернувшийся из «Закрета» полковник Андриевич по распоряжению генерала Фишера уволен от звания адъютанта, разжалован в рядовые и отправлен в действующую армию. Несомненно, с

полковником Андриевичем так поступили потому, что наш Государь остался целехонек, что готовившийся обвал потолка танцевального павильона в «Закрете» состоялся не вовремя, ранее намечавшегося Бонапартом срока.

Когда Давид Саван ушел, я вызвал к себе коллежского секретаря Валуа и нескольких чиновников Высшей воинской полиции.

Я сообщил им всем о принятом мною, совместно с военным министром, решении посылать наших людей на фланги и в тыл противника.

Валуа писал командировочные предписания (перо его буквально летало над бумагой). Я же расписывался и ставил печать, услужливо подаваемую моим верным камердинером Трифоном.

Коллежский ассессор Розен и майор Бистром⁷ уже в самые ближайшие дни должны направиться в район Динабург – Рига.

Таможенный чиновник Бартц поедет в Белосток. Ротмистру Винценту Ривофиналли, бойкому, хваткому и настырному, держать путь в Москву: он должен будет как можно полнее выявить французскую агентуру, которая весьма обильно гнездится давно уже в первопрестольной столице нашей.

А подполковник Кемпен получил назначение в Мозырь для развертывания агентурной работы в Могилевской губернии.

Капитану же Лангу, оставляемому в Виленской губернии, будут приданы несколько казаков для захвата «языков».

Кроме этого, в Вильне я оставляю под началом квартального надзирателя Шуленберха целый отряд Высшей воинской полиции (Шуленберх о новом задании узнает от меня завтра, как вернется из «Закрета»).

Получив командировочные предписания, все чиновники тут же разошлись по домам – готовиться к отъезду. Особенно спешил ротмистр Ривофиналли – он рвался в Москву, искать шпионов.

В кабинете остались только я, коллежский секретарь де Валуа да камердинер Трифон, неизменный и неоценимый мой друг и помощник.

Я и де Валуа выпили вкуснейшего липового чаю, поданного нам Трифоном, отведали баранок (дар купца Савушкина), обсудили новейшие политические события.

Де Валуа – заклятый враг Бонапарта.

Он говорил о том, что если Россия сейчас не остановит этого лютого зверя, жестокого и коварного, то человечество окажется на самом краю бездны. Валуа прибавил в запале, что готов во благо рода людского заколоть Бонапарта.

Я, улыбнувшись, отвечал коллежскому секретарю, что он в значительней мере приблизит победу, если дела канцелярии Высшей воинской полиции будут находиться в порядке.

Потом к нам присоединился Игнатий Савушкин, сын купца и моего домовладельца, студент Сорбонны и с недавних пор наш агент, оказавшийся весьма полезным. Правда, он был на службе у Бонапарта, а теперь вот верой и правдой трудится для нашего Государя.

Игнатий рассказал нам, что он прибыл по поручению генерала Фишера, дабы остаться в Вильне, вплоть до особых распоряжений.

Валуа записал слова Игнатия, я составил сопроводительную записку, запечатал все это в конверт и отправил Государю.

Завтра познакомлю Савушкина-младшего с отставным ротмистром Давидом Саваном.

Полагаю, они пригодятся друг другу, а заодно и мне, а заодно и нашему страждущему отечеству.

⁷ Майор погиб в Бородинском сражении. Позднейшее примечание Якова де Санглена.

Июня двенадцатого дня. Полночь

Бал в «Закрете» в полном разгаре (для охраны там оставлены полицмейстер Вейс, квартальный надзиратель Шуленберх, не считая переодетых в крестьян и в лакеев рядовых полицейских), а я вот сижу у себя, читаю донесения.

Коллежский секретарь де Валуа, представляющий собою в эти дни всю мою канцелярию, сосредоточенно возится с бумагами: советуясь со мной, ненужные и не очень нужные бросает в камин, пылающий неудержимо, а те, что имеют особую ценность, он отправляет на дно объемистого портфеля, в коем в итоге уместилось все делопроизводство за апрель – июнь сего года.

Коллежскому секретарю самоотверженно помогает мой камердинер Трифон, весь измазанный сажей и даже как будто какой-то закопченный, словно вырвавшийся из преисподней.

Так что пока в «Закрете» веселятся, мы втроем трудимся весь этот вечер, не покладая рук.

Около десяти часов вечера наша работа – вернее, мое участие в ней – была на некоторое время прервана: принесли записку от Яшеники Закса, совсем коротенькую, но чрезвычайно значительную и даже, можно сказать, историческую.

Сейчас же перешлю сей документ Государю.

Вернувшись с бала, Его Величество, я уверен, с удовольствием прочтет эту записку и останется доволен.

Собственно, записка по содержанию своему весьма грустна, но грустность эта нам уже известна. Однако в записке есть один весьма отрадный фактик, о котором Государь даже не догадывается. Между тем, знание этого фактика, надеюсь, будет для Александра Павловича весьма приятно.

Поразительно, но Закс, как явствует из его последней записки, уже находится не в Варшаве и даже не на территории герцогства, а фактически пребывает теперь в пределах Российской империи и, кстати, не так уж и далеко от Вильны, вернее, он обретается где-то между Ковно и Вильной. Новость сия явилась для меня полнейшей неожиданностью.

Закс сообщает мне следующее.

Бонапарт отдал приказ начать переправу через Неман, у Ковно. Об этом я уже узнал из эстафеты ковенского полицмейстера майора Бистрома, но вот что явилось внове.

Триста поляков 13-го полка – в их числе, по словам Яши Закса, находится и разжалованный в рядовые полковник Андриевич, еще совсем недавно хозяйничавший в «Закрете» у Беннингсена, – первые перебрались на ту сторону реки.

Сведения, присланные Заксом, абсолютно достоверны – сомневаться в их верности не приходится, ведь они подтверждаются сведениями, полученными мною из Ковно.

Вообще мальчишка молодец, конечно. Я всегда им гордился и ни минуты не жалею об этом. Не сомневаюсь, что он еще послужит Российской империи, и как послужит!

Но вот как Закс оказался в эти дни за пределами герцогства Варшавского – это история прелюбопытнейшая.

Все дело в том, что он по распоряжению генерала Фишера был направлен в 13-й польский полк переводчиком, – именно этому полку поручалось первым пересечь границу, переправившись через Неман!

Решение начальника польского Генерального штаба прикомандировать Якова Закса к 13-му полку является для нас просто неслыханной удачей и любопытнейшим сигналом, можно даже сказать, что данным сверху предзнаменованием.

Хорошее начало для военной кампании, ничего не скажешь!

Вот император Франции Бонапарт обрадовался бы, узнав, что в числе первых, переправившихся через Неман, находится российский шпион – виленский обыватель Лейба Закс, уже оказавший нам за последние месяцы множество совершенно бесценных услуг!

Да, наш пострел, как говорится, везде поспел! Еще бы в военной полиции парочка таких людей – и цены бы нам не было!

Я написал Заксу, дабы он любым способом доставил ко мне разжалованного в рядовые полковника Андриевича. И ведь доставит – не сомневаюсь.

А теперь сосну-ка я часок или даже чуть более – велю верному моему Трифону к двум ночи меня непременно добудиться.

Как бал в «Закрете» закончится, Государь обещал давеча, что тут же призовет меня к себе для конфиденциальной беседы: Его Величеству, Барклаю и мне надо будет срочно решить, как работать Высшей воинской полиции в условиях войны.

Пока у генерала Беннингсена все веселятся, мне необходимо набраться сил. К нынешнему рассвету голова моя должна быть свежей как никогда. Это, несомненно, будет утро ответственных решений, от коих слишком многое зависит в судьбе всей нашей Империи.

Великие, роковые события стоят уже перед нашими воротами.

Будем же готовы ко всему, примем удары судьбы и не станем терять веры в победу над этим проклятым корсиканцем, жестоким, вероломным и хитрым.

И возрадуемся, что Государь наш цел и невредим, что страшный умысел Бонапарта не удался, а ведь все могло сложиться и совершенно иначе: и грустнее, и страшнее.

Вражеские полчища наводняли бы наши земли, а Александр Павлович (о ужас!) лежал бы в это время недвижимый и обезображенный, не способный ничем ответить на насильничества узурпатора царских тронов.

Непоправимая трагедия сегодня – во время бала – могла запросто произойти, и Русь (невыносимо даже думать об этом) могла быть уже обезглавлена.

Бог нас спас! Бог и – недремлющее око Высшей воинской полиции. Конечно, нам не хватает дельных и расторопных сотрудников, но что-то все-таки нам удалось сделать в эти дни: отрицать сей факт уже невозможно – он неоспорим теперь, кажется, для всех.

Надо честно признать, что даже хитроумные козни министра Балашова не могли нам помешать: сам Государь признал, что Высшая воинская полиция оказалась в это тяжелое, смутное время подлинно на высоте.

Конечно, полковнику Андриевичу удалось бежать, что весьма прискорбно, но графиня Коссаковская, доверенное лицо Бонапарта в здешнем крае, наконец от нас не ускользнула, хоть я и опасаясь, чтобы она опять как-нибудь не вывернулась – уж больно хитра и дерзка была девица.

Так что я до сих пор ожидаю от нее какой-нибудь каверзы, даже посмертной. Но что бы она ни выкинула теперь, наш Государь жив. Это – главное. И надеюсь, что в самое ближайшее время Александр Павлович отбудет в Санкт-Петербург – здесь становится совсем небезопасно. С Бонапартом шутки плохи.

Все. Перестаю писать, закрываю тетрадочку, кладу ее в заветную шкатулку, обшитую черным бархатом, запираю ее на ключ и укладываюсь, наконец: мой любимый диванчик уже готов раскрыть свои ласковые, теплые объятия. Необходимый и благодетельный сон призывает меня.

УБЕЖИТ МОЛОКО ЧЕРЕМУХИ...

* * *

Жуть. Она же суть. Она же путь.
Но года склонили-таки к прозе:
Русь, ты вся — желание лизнуть
ржавые качели на морозе.
Было кисло-сладко. А потом
больно. И дитя в слезах бежало
по сугробам с полным крови ртом.
Вырвала язык. Вложила жало.

* * *

Могла бы помнить — мне было четыре,
ей — два месяца двадцать дней.
Сестра моя смерть и сегодня в могиле.
Я ничего не знаю о ней.
Не потому ли со дна веселья
смотрит, смотрит такая тоска,
словно сижу над пустой колыбелью
в халате, мокрым от молока.

* * *

в сумерках сиротливо
ворона каркает
с ветром играет крапива
краплеными картами
в первом подъезде попойка
дождь накрапывает
старик несет на помойку
пальто осеннее женское добротное драповое

* * *

Зайдет за облако — темно.
Разоблачится — слишком ярко.
Невеста — белое пятно
На пестрой карте Централ-парка.
Фотограф пятиног. Идут
к пруду. Подол приподнимая,

пересекает яхта пруд
радиоуправляемая.

* * *

Не знаю, не уверена
одна я? Не одна?
Как будто я беременна,
а на дворе война.
Раздвоенность не вынести,
не выплакать до дна...
Как будто мама при смерти,
а на дворе весна.

* * *

Люблю. И потому вольна
жить наизусть, ласкать с листа.
Душа легка, когда полна,
и тяжела, когда пуста.
Моя — легка. Не страшно ей
одной агонию плясать,
зато я родилась в твоей
рубашке. В ней и воскресать.

* * *

Хороша? И речи нет!
Не дыша, смакую
ласки тонкий комплимент,
сделанный вручную.
Тело мельничко кроши,
лаской приручая
божью ласточку души,
в ней души не чая.

* * *

Я на разлуки не сетую.
Разве в разлуках дело?
Выйдешь за сигаретами,
вернешься — а я постарела.
Боже, какая жалкая,
тягостная пантомима!
Щелкнешь во тьме зажигалкою,
закуришь — и я нелюбима.

* * *

А я сама судьбу пряду,
и не нужны помощницы.
У парки в аэропорту
конфисковали ножницы.

Упала спелая слеза
и задрожали плечики,
но таможенник ни аза
не знал по-древнегречески.

* * *

Мыло, веревка,
стул – повесить носки.
Как-то неловко
подышать от тоски.
Бездна беззвездна
и темно под водой.
Мне уже поздно
умирать молодой.

* * *

Убежит молоко черемухи,
и душа босиком убежит
по траве, и простятся промахи
ей – за то, что не помнит обид,
и очнется мечта-заочница,
и раскроет свою тетрадь...
И не то чтобы жить захочется,
но расхочется умирать.

* * *

День катился золотой,
в проточном воздухе реяли
между небом и землей
сигналы точного времени.
Материл коров пастух,
солнце ласкало нас, голеньких,
превращая в птичий пух
шерсть на предплечьях и голенях.

* * *

Обгорелой кожи катышки,
у соска засос москита...
Одеянье Евы-матушки
словно на меня пошито.
Муравей залезет на спину,
стрекоза на копчик сядет...
Запасая лето на зиму.
Знаю: все равно не хватит.

* * *

Храм. Тропинка под откос.
Тихий омут, где
водомерка, как Христос,
ходит по воде,

где, невидимый в кустах,
Павел, Петр, Андрей,
от апостольства устав,
ловит пескарей.

* * *

В тюрьму не сесть, в долги не влезть,
себя не пережить...
Спасибо, Господи, что есть
о чем тебя просить.
Сны не чисты, мечты пусты,
постыдна болтовня...
Спасибо, Господи, что ты
не слушаешь меня.

УРАГАН

(*Something farewell*)¹

РАССКАЗ

Игра называется «представим-себе-чью-то-жизнь». Можно в неё играть, если находишься вечером на Острове в гостях у Брентона, при этом нужно выкурить две-три сигареты и выпить ром-колы. Хорошо бы ещё, чтоб на коленях у вас спал местный ребёнок, и волосы его пахли песком. И небо должно быть высоким, лучше всего – полным звёзд, нужно, чтобы было очень жарко, может быть, даже душно. Игра называется «представим-себе-чью-то-жизнь», у неё нет никаких правил.

«Представь, – говорит Нора, – представь себе».

Радио передаёт сообщения о приближающемся урагане четыре раза в день. Каспар говорит, что когда ситуация на самом деле становится критической, сообщения передают каждый час. От жителей острова тогда требуют, чтобы они находились в специальных защищённых зонах, немцам предлагают оформить срочный вылет в посольстве США. Каспар говорит: «Я останусь на острове». Он хочет остаться, он думает, что весь Сноу и Стоуни Хилл будет искать у него приюта. Остров в зоне низкого давления и тропической депрессии. Нора и Кристина сидят на горячих досках веранды и задумчиво бубнят: «Тропическая депрессия, тропическая...»

Невыносимая жара. Над Голубыми Горами – неподвижные огромные белые облака. Ураган, названный метеорологами «Берта», вспучил небо где-то далеко, над Карибскими островами, он тоже остаётся неподвижен, собирает силы для Кубы, Коста Рики, и – для Острова.

Кот бьёт Лави, – позже напишет Нора Кристине. Кристина к тому времени уже успеет вернуться на материк, – *Кот бьёт Лави, Лави бьёт Кота, дорогая Кристина, ты в самом деле ни в чём не виновата. Каспар слишком много болтает, «ты мне нравишься», «ты мне нравишься», вырезает из куска дерева птицу, только один раз я смогла от него отцепиться, моя любимая Кристина, я так по тебе ску-чаю...* Кристина читает письмо, сидя за кухонным столом, поджав ноги к животу, со страницы сыплется песок. Она удивляется тому, что эти вещи действуют, при этом чувствует, что всё это уже слишком далеко, чувствует усталость.

Каспар знает, что в свой последний вечер на Острове Кристина поцеловала Кота. Они поехали на джипе вниз к Стоуни Хилл, «Давайте поедem на площадку Брентона, а?» – попросила Кристина, сделала большие невинные глаза и в конце концов уговорила Каспара. Ему нравилось, что она называет «площадкой Брен-

¹ Нечто прощальное (англ.).

тона» этот магазин. Деревянная хижина в посёлке, тень от хлебного дерева, можно пить коричневый ром, покупать поштучно сигары Craven-A, старики играют в домино, из радиоприёмника доносится какой-то протяжный свист. Ехали на джипе. Облака раздвигались, открывая взору перенасыщенное звёздами небо.

Брентон купил новый холодильник, Кристина выражала свой восторг. Она была взволнована, смотрела то и дело в окно, напряжённо вглядывалась в темноту, туда, где на краю поляны стояла скамейка Кота: «Сидит он там или нет?»

Каспар точно знал, что Кот там. Кот всегда там сидел, тем не менее Каспар сказал: «Без понятия», он наслаждался пугливой нерешительностью Кристины. Кристина нервничала, быстро пила коричневый ром, дёргала Нору за платье. Она убежала в темноту, а потом её видели сидящей на бамбуковой скамейке, она болтала в воздухе ногами.

«Потому что он щёлкнул своей зажигалкой», – сказала она позже, гордая своей сообразительностью. Каспар снова вспоминает светлые тени на её лице, на лице, которое только что с чем-то сливалось, когда он и Нора решили ехать домой и окликнули её, она сначала не отозвалась, потом, через несколько минут, сказала: «Да?» – сонным, глухим голосом, встала со скамейки и молча села в джип. Каспар знает, что она поцеловала Кота и наобещала бог знает чего. Каспар считает, что это нехорошо.

Нора и Кристина на Острове первый раз. Каспар не упускает случая, чтобы это не повторить, он это напевает про себя, и через неделю Нора раздражённо говорит ему: «Каспар, хватит уже».

«Вы так всему удивляетесь, – говорит Каспар, – каждой мелочи, вы посмотрите только на эти гуавы – а на это вечернее небо, оно какое-то смешное».

Кристина зеваёт, лёжа в гамаке, говорит: «Каспар, но ты ведь здесь уже давно, ты здесь живёшь, это же совсем другое дело», и Каспар торжествующе объясняет: «Вот поэтому я и говорю: Нора и Кристина на Острове впервые!»

Каспар больше не удивляется. Гуавы, манго, папайя, лимоны величиной с голову ребёнка. Кокосовые орехи, водяные орехи, лианы, азалии, пауки, которые скачут по комнате, как лягушки, маленькие ящерицы и ядовитые сороконожки. Аки-фрукт – выглядит, как яблоко, а на вкус – как яичный желток. Манго разрезают посередине и едят ложкой. «Хотите пить?» – заботливо спрашивает Каспар, приносит из сада водяной орех, раскалывает его, наливает белую молочную жидкость в стаканы. «Хорошо», – говорит Нора, делает всё-в-первый-раз-гримасу, говорит: «Каспар, прекращай наблюдать за мной».

Кристина собирает со стола скорлупу кокосовых орехов, чёрные ракушки, косточки фруктов, пальмовые листья, спички, крылышко бабочки. «Что ты хочешь с этим сделать?» – спрашивает Каспар. «Показать своим домашним», – говорит Кристина. «Им это будет неинтересно», – говорит Каспар.

После того, как приехали Нора и Кристина, Кот стал приходить к Каспару каждый день. Кот старается подружиться с Каспаром, помогает ему на ферме. Каспара удивляет это упрямое постоянство: Кот каждое утро, несмотря на дикую жару, собирает в рюкзак манго, папайи и лимоны, несёт их в дом, молча выкладывает на стол, после этого садится на веранде и замирает. Каспар наблюдает за Котом. Кот сидит, откинувшись на спинку голубого стула, глаза, как всегда, полуприкрыты, он курит гашиш, играет зажигалкой и смотрит на Нору и на Кристину. Их это не касается, они ничего не замечают, очень жарко, они слишком заняты собой, чтобы чувствовать, что происходит с кем-то другим. По утрам они пьют чёрный кофе без сахара, выкуривают одну за другой пять сигар Craven-A, клячат у Каспара

водяные орехи, всё время им хочется что-то делать, они бегут вниз по склону, пропадают из виду. Каспар чувствует, что они его сторонятся, это его злит, он хотел бы, чтобы Нора больше времени была с ним, в конце концов, ради этого она и приехала. Он говорит: «Когда-то». Говорит: «Ты ещё помнишь», «мы», «когда-то мы с тобой в городе» – такие смешные слова, Кристина презрительно поднимает брови, Нора смотрит куда-то в сторону.

«Было, было, Каспар», – говорит она и целует его в щёку, возможно, она хочет, чтобы они теперь были просто друзьями, а может, и этого уже не хочет.

«Тогда зачем вы вообще приехали?» – спрашивает Каспар, Нора небрежно отвечает: «Потому что я хотела тебя увидеть. Как ты тут живёшь, изменился ты или нет».

«И что, я изменился?» – спрашивает себя Каспар. «Разве я сюда приехал для того, чтобы *измениться*?», – он не может ответить на этот вопрос, обижается, чувствует себя брошенным.

Каждый день Кристина и Нора ездят на джипе вниз на какой-нибудь пляж. «Каспар, поедешь с нами?» Каспар остаётся наверху, так же, как Кот, которого никто и не спрашивает, и он неподвижно сидит на голубом стуле. «Ладно, тогда до скорого», – в голосе Норы не слышно ни капельки разочарования, она выруливает с поляны на узкую песчаную дорогу, Кристина преувеличенно энергично машет рукой, ещё две-три минуты слышен звук мотора, а потом становится тихо.

Каспар лежит в гамаке, смотрит сквозь петли на Кота, который отставляет в сторону левую ногу, придвигает правую, чешет голову и снова замирает. Он до вечера будет сидеть, пока Нора и Кристина не вернутся. Он дожждётся ужина, и наверно, ещё и на ночь тут останется, вчера он уже так оставался, спал в кухне на старом диване. Это тоже что-то новое – Кот ночует у Каспара. Каспару это не в тягость, островитяне приходят, без спроса остаются день, два – и уходят, Брентон бы ничего не сказал в этом случае. И Каспар тоже ничего не говорит Коту. Но ему хочется знать, о ком Кот думает. О Кристине или о Норе? О Кристине?

Кристина и Нора смотрят на Кота. На то, как он ест. Кот всё ест с одинаковым выражением на лице, мужественное движение-вилки-ко-рту, немного склонившись к тарелке, его левая рука неподвижно лежит на столе, в правой – вилка, он ест всё, что дают, невозмутимо, никогда не говорит «вкусно», или «какой странный вкус»; «Он ест, потому что голодный, – думает Кристина, – потому что еда успокаивает голод, это единственная причина», – она смотрит на него, он иногда тоже смотрит на неё своими узкими глазами, пока она не отводит взгляд. Она наполняет его тарелку рисом, хурмой, солёной рыбой, ей это нравится – накладывать пищу в тарелку Кота.

Вечера какие-то долгие, Кристина становится беспокойной. Нора лежит в гамаке и играет на дудочке. Долгие, глуховатые, вибрирующие звуки улетают в ночь. Она так может часами играть, волнение Кристины ей не передаётся. Кристина ходит по веранде, скрестив руки на груди, туда-сюда, нервная, ей скучно: «Каспар, почему ты живёшь здесь?»

Каспар в саду, поливает азалии, Кристина в двух метрах от него, прислонившись к колонне веранды, смотрит на него очень серьёзно. Каспару не нравится, когда ему задают подобные вопросы. Ему не нравится беспокойство, которое распространяет Кристина, всё же он говорит: «Думаю, потому, что я здесь чувствую себя счастливым. Счастливее, чем в другом месте, вот что я имею в виду».

«Почему?» – говорит Кристина, пытается выслушать его, хотя ей уже стало скучно.

«Да ты оглянись вокруг», – говорит Каспар, выпрямляется и указывает рукой на джунгли, на море, на костёр в горах, на оранжевые блики гавани. Кристина прослеживает его взгляд, Каспар вспоминает, как она в первый вечер после приезда сидела на корточках на террасе, охватив руками колени, уставившись в темноту, очень долго сидела и очень тихо.

А теперь она упрямо говорит: «Да, я понимаю. Но тебе должно чего-то недовесавать. Осени, к примеру, снега, других времён года, ты ведь неждешний. Я имею в виду, что ты должен, по идее, скучать по городу, по своим друзьям, по твоей старой квартире, ты разве по всему этому не скучаешь?»

«Нет, не скучаю», – говорит Каспар, в голосе его сквозит раздражение. Кристина соскальзывает с веранды вниз, идёт вслед за ним. «О чём они тут говорят, Каспар. Я не хочу всю жизнь вести разговоры о папайе и хлебном дереве. О манго. О сексе, о детях».

«Ты и не должна», – говорит Каспар, и Кристина говорит: «Нужно что-то решить наконец», поворачивается и уходит с лужайки.

«Кристина! – кричит ей вслед Каспар, – завтра приедет дельтапланерист!» Попытка помириться. «А когда уже прилетит чёртов ураган?» – кричит ему в ответ Кристина.

Дельтапланерист появляется очень рано, но островитяне успевают к этому времени собраться. Должно быть, они вышли из дому на рассвете. Когда маленькая красная машина дельтапланериста въехала на гору, вся община Стоуни и Сноу Хилл уже собралась на веранде, все молча сидели и ждали. «Flyman», – говорит Кот, он, как всегда, восседает на голубом стуле, заливаясь смехом, Кристина краем глаза наблюдает за ним. Нора сидит на корточках в тени, курит сигару Craven-A и пьёт чёрный кофе, flyman раскладывает на лужайке пластиковые крылья, собирает каркас, обливаясь потом, ударяя металлом о металл.

Жарко. Солнце висит низко, нет ни ветерка, ни дуновения. Каспар думает о том, как дельтапланерист будет спускаться, вдоль склона горы – до самой бухты, он снял стоянку такси – специально для своих приземлений.

Flyman надевает шлем и залезает в нечто похожее на спальный мешок, «лётательный мешок», – думает Каспар, дельтапланерист теперь выглядит, как огромное рассерженное насекомое, которое вот-вот вылезет из своего кокона. По веранде распространяется оживание.

«Flyman fly», – тихонько напевает Нора, Кристина сидит на корточках рядом с ней, хихикает, в небо поднимаются орлы, в море вдаль виднеется какой-то корабль. Кот тихонько отгоняет муху, закрывает глаза. Flyman бежит, под его мешком шелестит трава. Дельтаплан поднимается в воздух, почтительный ропот проходит по рядам жителей Стоуни и Сноу Хилл, орлы парят высоко в небе. Flyman вдруг начинает сильно дёргаться, мешок трещит, дельтаплан пролетает ещё три-четыре метра и с глухим стуком падает в тростник, растущий на краю лужайки.

Кто-то встаёт и идёт в дом. Кристина говорит: «Пойду приму душ», утро незримо переходит в полдень. Корабль приближается к гавани. Нора стоит на кухне, выдавливает сок из манго и гуав, колет лёд. Кристина поёт под душем, Кот на голубом стуле склоняет голову, открывает глаза. Островитяне проходят вместе с Каспаром за дом, чтобы посмотреть на новых коз, с гор начинается дуть небольшой ветерок.

Flyman делает новую попытку, дельтаплан потрескивает и поднимается в воздух. Поднимается на один метр, потом на два, переливается синевой, поднимается выше и скользит по прямой красивой линии над лужайкой, над джунглями, скользит вверх, всё выше и выше. Только Кот его видит, пара маленьких крылышек над деревьями, солнечный свет вспыхивает точкой на его каркасе, лишь на мгновение, и он исчезает, сливаясь с синевой моря; Кот видит, что корабль уже почти вошёл в гавань, белое грузовое судно с бананами, плывущее в Англию.

«Нужно научиться ждать», — говорит вечером Кот. Нора и Кристина сильно разочарованы тем, что не увидели, как flyman взлетел. «Даже самых маленьких событий», — говорит Кот. Кристина смотрит на него, Кот говорит с ней первый раз, она не знает, должна ли она воспринимать эти его слова как оскорбление. Она говорит: «Что это значит — маленькие события?», Кот ничего не отвечает, а Каспар смеётся и говорит: «Slow motion. Like a ship over the ocean»². Обиженная Кристина быстро покидает кухню.

Сообщения об урагане передаются теперь уже двенадцать раз в день. На Коста Рике началась эвакуация, на Острове немцы звонят в посольство и заказывают билеты на срочные рейсы в США. В центре циклона, по словам Каспара, всегда спокойно. Каспар покупает спирт, свечи, бензин, йод, вату и бинты, мясные консервы, рис.

«Если ураган сюда придёт, — говорит Кристина, — я не смогу улететь домой». Нора молчит, она всё равно решила оставаться.

Кот ждёт семнадцать дней. На восемнадцатый день он быстро встаёт с голубого стула и хватается Кристину за руку. Она шла в дом с писчей бумагой и ручкой в руках, в зубах у неё сигарета.

«Ты мне нравишься», — говорит Кот. Голос у него хриплый, но кажется каким-то неиспользованным, что ли. Кристина стоит неподвижно, свободной рукой вынимает сигарету изо рта и смотрит ему в глаза. Длинные загнутые ресницы, белки глаз, жёлтые от постоянного курения гашиша, его лицо очень близко, Кристина встряхивает головой — от него хорошо пахнет.

Он повторяет: «Ты мне нравишься», Кристина вдруг начинает смеяться, говорит: «Да. Я знаю», — отнимает у него свою руку и идёт в дом.

Каспар говорит: «У Кота есть жена и ребёнок».

Кристина сидит на террасе, босая, колени, как обычно, поджаты к животу, срезает остатки мякоти манго с косточки, говорит: «Я знаю. Брентон мне сказал».

Каспар говорит: «И что ты будешь делать теперь, когда ты это знаешь?»

Кристина выпускает из рук косточку, смотрит сердито, говорит: «Ничего. Что я должна делать — я просто это знаю, и всё. Мне это безразлично».

Каспар говорит: «Его жену зовут Лави. Её сейчас нет. Две недели назад она вернулась к своим родителям, потому что Кот закрутил с другой девушкой».

Кристина гладит косточку, облизывает пальцы, смотрит на бухту отсутствующим взглядом: «Брентон сказал: Кот это будет отрицать».

Каспар вырывает у неё косточку из рук, ждёт её возмущения, но Кристина не реагирует. Косточка падает в траву. Каспар говорит: «Речь не об этом», ему хочется прокричать это Кристине прямо в ухо, ему кажется, что она его не слушает. «Лави собиралась вернуться через неделю, но до сих пор не вернулась. Кот ждёт. Врёт он — или не врёт, но он ждёт, понимаешь. Ждёт свою жену, своего ребёнка».

² Медленно, как корабль, скользящий в океане (англ.).

«Маленьких событий», – говорит Кристина, как бы с цинизмом, а потом смотрит на Каспара с детской наивностью: «Он никогда не пойдёт просить, чтобы она вернулась, правда?»

«Да, – говорит Каспар. Потому что так не принято. Он за ней не пойдёт, но он ждёт её. Когда она придёт, он вернётся домой». Кристина поднимает косточку из травы, чувствует боль в животе, которая сразу проходит. «Он сказал, что я ему нравлюсь», – говорит она.

«Я знаю», – говорит Каспар и встаёт. «Ты – то, что они здесь называют «white lady»³. Дело не в тебе, а в цвете твоей кожи. Лучше тебе держаться в стороне от всего этого». Кристина передёргивает плечами, кладёт голову себе на колени. Корабль, гружённый бананами, неделю не покидает гавани. Каспар гадает, не связано ли это с ураганом; бананы давно уже выгрузили, матросы драют палубу, потом лежат в тени, сидят в барах, неподвижные и молчаливые. У них монголоидные лица, почти как у эскимосов, круглые и смуглые, узкие глаза. Нора и Кристина сидят на пирсе и смотрят на огромный белый корабль, матросы на верхней палубе, несмотря на жару, в красных куртках с капюшонами, натянутыми на головы.

«Они плывут в Коста Рику и на Кубу», – говорит Кристина. «А потом – через Америку в Европу, я бы с удовольствием прокатилась разок на таком корабле. Прямо сейчас бы и поплыла. Можем спросить, не возьмут ли они нас».

Нора молчит, смотрит на матросов, ей хочется взглянуть им прямо в глаза. Кристина кладёт голову Норе на плечо, чувствует, что вот-вот расплачется.

«Ах, Кристина», – говорит Нора. «И это называется отпуск. Просто поездка, понимаешь? И больше ничего. Ты собираешь чемодан, а через три-четыре недели ты выкладываешь из него вещи. Ты приезжаешь, остаёшься там какое-то время и уезжаешь, но не это делает тебя несчастной. Вскоре ты полетишь домой, мы не поплывём с этим кораблём ни на Кубу, ни на Коста Рику».

«Ты уедешь со мной?» – спрашивает Кристина. «Нет, – говорит Нора. – Я ещё немного побуду с Каспаром». Кристина, глядя в сторону, говорит: «Собственно говоря, а зачем это тебе?» Закрывает глаза.

Нора пожимает плечами. «Может, мне жаль его? Может, я чувствую себя перед ним в долгу? Может, мне кажется, что ему необходимо общение? Я сама не знаю. Просто остаюсь, и всё».

Кристина повторяет за ней: «Просто остаёшься», – а потом смеётся, говорит: «Беллафонте, *Jamaica farewell*, знаешь? Sad to say, I'm on my way, won't be back for many a da-ay»⁴.

«My heart is down, my head is turning around»⁵, – поёт Нора, а потом хихикает: «Кот. А что же будет с Котом?»

«Не знаю», – говорит Кристина. «Я приезжаю, живу, потом уезжаю. Что тут ещё может быть».

Когда вечером Кот подсаживается на веранде к Кристине, Каспар и Нора встают, идут в дом и закрывают за собой дверь. Кристина удивлённо оглядывается, хочет что-то сказать, но не говорит. Кот молча сидит рядом с ней, Кристина тоже молчит, они смотрят на лужайку, вдаль что-то горит, ветра нет, Кристина чувствует, как Кот кладёт руку ей на голову, стягивает с волос резинку, волосы падают ей на плечи. Кот наматывает прядь себе на палец, потом распрямляет её, гладит, у Кристины по коже бегут мурашки. Кот обнимает её шею. Кристина склоняет голову и закрывает глаза, рука Кота тихонько нажимает на шею, у неё кружится

³ Белая леди (англ.).

⁴ «Прощай, Ямайка!» – знаешь? Я уезжаю и нескоро вернусь (англ.).

⁵ Моё сердце упало, голова закружилась (англ.).

голова. «Нет, – говорит Кристина, – нет». Она встаёт и забирает у него резинку для волос, Кот тихо смеётся, шлёпает себя по бёдрам. На кухне сидят Нора и Каспар, молча, с напряжёнными лицами. «Большое вам спасибо», – говорит Кристина. «Спасибо большое, но это было не нужно, чёрт подери!» Она захлопывает за собой дверь, закрывает её на засов.

«Повезло», – говорит Каспар. «Кому повезло, Кристине или Коту?» – спрашивает Нора.

Через два дня возвращается Лави. Она совершенно неожиданно появляется на холме и стоит там, её сопровождают две женщины, одна держит над ней зонтик, другая держит на руках ребёнка. Лави стоит неподвижно, смотрит на дом. Кот сидит на голубом стуле, глаза, как всегда, наполовину прикрыты, непонятно, видит ли он её. Нора и Кристина, собравшиеся на пляж, стоят возле джипа и смотрят на Лави. «Это – она», – думает Кристина, затаив дыхание. Женщина упрямо продолжает держать над Лави зонтик. Лави вперилась глазами в дом и стоит, скрестив руки на груди, подойти ближе она не пытается. Кажется, Кот способен всё это выдержать. Нора и Кристина стоят неподвижно. Кот вдруг встаёт со стула, прыгивает с веранды и идёт прямо на Лави с ожесточённым лицом, он делает пять шагов, семь, двенадцать, Кристина считает. Он останавливается прямо перед Лави.

Белый зонтик слегка покачивается. Лави что-то говорит, Кот что-то ей отвечает. Они стоят друг перед другом. «Что она сказала, что она сказала?» – шепчет Кристина. «Я не поняла», – говорит Нора.

Кот разворачивается и идёт домой. Лави смотрит теперь на Нору и Кристину. «Она колдует!» – шепчет Нора, хватая Кристину за руку. Кристина слышит, как часто бьётся сердце. Лави хватается зонтик, быстро складывает его, женщины качают бёдрами и исчезают мгновенно, так же, как и появились.

Кот сидит на голубом стуле. Кристина каждые пять минут выходит на веранду, ходит вокруг него, поливает азалии, носит в дом водяные орехи. Кот не реагирует. Так он сидит два часа, потом встаёт и молча уходит за дом. Кристина знает, что он идёт в Стоуни Хилл по кратчайшему пути, по которому может идти только тот, у кого в руке мачете и в душе – ярость.

Игра называется «представим-себе-чью-то-жизнь». В неё можно играть, если сидишь вечером у Брентона, на ступеньке лестницы, ведущей в его магазин, в темноте, с сигаретой и со стаканом ром-колы. Если держишь на руках маленького спящего ребёнка, курчавые волосики которого пахнут песком. «Представь, – говорит Нора, – что это твой ребёнок у тебя на руках, он устал от долгого жаркого дня. Кот – твой муж. Он играет в домино, попивает ром. Ты качаешь ребёнка и ждёшь, пока он не наиграется, тогда вы идёте домой по улице Стоуни Хилл, фонарей нет, над вами только звёзды. Кот несёт ребёнка, идёт впереди тебя, он, разумеется, очень сильный, потому что работает целый день в поле. Итак, вы идёте ночью, сквозь джунгли, порой он должен прокладывать путь своим мачете, и это каждый раз производит на тебя впечатление». Нора задерживает дыхание, Кристина шаркает ногой и нетерпеливо произносит: «Дальше!»

«Итак», – говорит Нора. «Конечно, вы друг с другом не разговариваете, да и о чём тебе с ним говорить. Он лучше всех режет коз, он самый крепкий работник, у него есть хижина в горах, под матрасом припрятано немного денег. Это уже кое-что. Ты счастлива, живя с ним, ещё и потому, что тебе завидуют все женщины

посёлка. Придя в свою хижину, вы укладываете ребёнка и потом спите друг с другом. Вероятно, в темноте. После этого ты засыпаешь, а завтра наступает новый день, и ты уже вообще не помнишь, что когда-то было что-то другое».

Кристина курит, слушает и смотрит на Кота, играющего в домино, он иногда тоже поднимает глаза и смотрит на неё, усмехается. Нора смачивает слюной мармариные укусы, растирает, говорит: «Ну, давай. Твоя очередь».

«А когда все уходят, — говорит Кристина, — ты целуешь Брентона, выключаешь радио, закрываешь в магазине все окна и становится тихо. Вы убираете стаканы, бутылки, считаете выручку. Вы решаете, что купить прежде: ещё один холодильник — или портативный телевизор, о котором вы давно мечтаете. Брентон хороший муж. Он продаёт ром, сигары, хлеб, пластырь, бумагу и карандаши. Люди говорят, что под матрасом у него припрятана кругленькая сумма, от тебя он это не скрывает. Брентон мягкий, он ещё ни разу не ударил человека; ещё люди говорят, что он у тебя под каблуком. Всё как обычно: он тебя очень любит, а больше всего — твои волосы. Вы выгоняете из хижины кур, выпускаете собак, выкуриваете ещё по одной сигарете и после этого гасите свет. Я думаю, вы спите на маленьком раскладном диване, там, в глубине магазина; ребёнок, я не знаю, может быть, в правом ящике под стойкой. Брентон прижимается к твоей спине, его руки обвивают тебя, и ты засыпаешь. И всё хорошо».

Нора смеётся, Кристина толкает её плечом, ребёнок у неё на руках дышит тихо, шевелит ручками во сне.

Ураган проносится над Коста Рикой, рушит отели, устраивает наводнение, погибают два рыбака. После этого он возвращается в море и останавливается в двухстах километрах от Острова. Кристина сидит у подножья холма и осматривает горизонт. Радио по-прежнему передаёт предупреждение об опасности двенадцать раз в день. Клубы пусты, по словам островитян, все туристы уже несколько дней как покинули остров. Из посольства звонят и спрашивают, не хочет ли Каспар вылететь в Штаты. Каспар отвечает, что не хочет. Он нервничает. Меньше, чем обычно, работает на полях своей фермы, вместо этого чинит крышу дома, ставни, складывает в погребке водяные и кокосовые орехи. Жители Стоуни и Сноу Хилл приходят с корзинами на головах и составляют эти корзины в его доме.

«Я хочу, чтобы он пришёл», — говорит Кристина, сидя у подножья холма. Она закрывает глаза ладонью, небо белое и безоблачное. «Я хочу, чтобы он пришёл, чёрт бы его побрал».

«Когда он придёт, ты от страха наделаешь в штаны, чёрт бы тебя побрал», — говорит Каспар, стоящий за её спиной, он смотрит на её загорелую шею, на шелушащиеся плечи. «Ураган — это не телешоу. Ураган — это кошмар. Ты хочешь, чтобы тебя что-то избавило от необходимости принятия решений. Но, пожалуйста, — пусть это будет не за счёт всего Острова, не за мой счёт».

Кристина быстро поворачивается к нему. У неё преувеличенно удивлённое лицо. Каспар бледнеет, кусает губы.

«Послушай, — тихо и злобно говорит Кристина, — что ты такое несёшь, а?»

«Я звонил в твою авиакомпанию», — шепчет Каспар в ответ. — Ты можешь запросто вылететь через два дня, они летают до конца недели, и только тогда, когда ты вернёшься домой, тогда только у тебя всё это и пройдёт».

Кристина не отвечает. Трава под её мокрыми ступнями жёсткая и колючая. Я бы хотела иметь такие подошвы, как у Кота, — думает она, — как скорлупа, и ходить тогда не больно. Нора стоит на веранде и наблюдает за ней, Кристина сидит неподвижно, Нора поворачивается и уходит в дом.

Конечно, Кристина поцеловала Кота в этот последний вечер. Каспар не хотел ехать к Брентону, а Кристина хотела, и Нора хотела, и они поехали. Каспар вёл джип по каменистому спуску. Тьма была кромешной, и в ней — этот невыносимо яркий свет дальних фар; огромная ночная бабочка, распластавшаяся по ветровому стеклу, Кристина в страхе схватила Нору за руку. Внизу, у Брентона, были дети, наигравшиеся в футбол, старики со своим домино, Брентон купил новый холодильник, Кота нигде не было видно.

Кристина была грустной и взволнованной, она нервно разглядывала чёрные лица, ей хотелось побыстрее выпить коричневого рома. «Краси-и-и-вый холодильник, Брентон», — и Брентон смеялся, он был горд и то и дело совал бутылки с кока-колой в морозильную камеру, где они через минуту превращались в коричневые толстые ледышки. «Кот здесь?» — спросила Кристина и умоляюще глянула на Каспара. Каспар промолчал. Нора предположила, что Кот сидит на бамбуковой скамейке; там и вправду то ли кто-то сидел, то ли так легла тень.

Кристина пила ром, курила одну сигару за другой и была явно не в силах воспринимать разговоры. Из темноты несколько раз донёсся тихий металлический звук. Кристина поняла только на четвёртый раз, выбежала из дома, к бамбуковой скамейке. «Кот?» Белозубая улыбка Кота, Кристина села возле него, не дыша, с сильно бьющимся сердцем, прильнула к нему, не говоря ни слова.

Нора и Каспар сидели, освещённые лампой, на ступеньках у входа в магазин. Брентон занимался холодильником, дети сидели на корточках вокруг Норы, дотрагиваясь до её длинных прямых волос.

«Ты приедешь?» — спросил Кот, и Кристина, не раздумывая, сказала: «Да», ей ничего не стоило соврать, прильнув к нему, она пыталась понять, чем он пахнет на самом деле — бензином, землёй, ромом, гашишем? Чем-то незнакомым, чужим. Старики стучали о стол костяшками домино, ребёнок взобрался к Норе на колени. В самой сердцевине мира была какая-то трещина. Кристина болтала ногами, а потом Кот взял её голову двумя руками и поцеловал. Она с удивлением отметила, что его челюсти при этом хрустнули, и что «представим-себе-чью-то-жизнь»-игра прошла через её мысли, как полоска красной бумаги. Целуясь с Котом, она думала, что её рот слишком мал для его рта, челюсти Кота хрустнули, глаза его во время поцелуя были широко открыты, он смотрел на магазин, и когда Брентон заметил их, Кот отстранился от Кристины. Каспар сразу заговорил с Брентоном, Нора украдкой вытянула шею, Кристина знала, что она пытается разглядеть то, что происходит на бамбуковой скамейке.

«Когда ты вернёшься, наступит наше время, да?» — спросил Кот, и Кристина ответила: «Ясное дело, тогда наступит наше с тобой время», — она врала, и при этом думала об Острове. Жила бы она тогда в доме Кота или в другом доме? А что тогда Лави? А их ребёнок? Четыре недели? Или пять? Она поцеловала Кота и осторожно дотронулась пальцем до его руки. Ром, оставшийся в стакане, был сладким и жёг горло. Кристина подумала, что пить ром у себя дома и на Острове — это разные вещи. Она услышала, как Каспар выкрикивает её имя. Кот крепко прижал её к себе, по-прежнему не закрывая глаза, Кристина освободилась и крикнула: «Да?» — голосом, который ей самой показался чужим. Кот с ней не попрощался, она вскочила со скамейки и села в джип, Каспар посмотрел на неё с осуждением, она отвернулась.

Такси должно приехать в четыре утра. До трёх часов Кристина надеется, что в комнате появится Нора с заспанным лицом и скажет: «Кристина, я улетаю с тобой».

Но она не приходит. Кристина сидит на диване, засыпает и снова просыпается, за окном воет ветер, открыть ещё раз дверь, ещё раз выйти на веранду – голубой стул Кота, – всё это уже из области невозможного. Кристина пишет Норе записку, засовывает её в дудочку. В четыре часа по чёрному холму скользят круги света, это фары такси, над морем вскоре взойдёт солнце. Кристина кладёт рюкзак в багажник, садится на переднее сидение, пристёгивается ремнём безопасности. Водитель такси слишком устал, чтобы заводить разговор, он только спрашивает: «В аэропорт?», Кристина кивает и закрывает глаза.

Ураган прошёл мимо, – напишет позднее Нора Кристине, – теперь целыми днями светит солнце, рис, который Каспар припас, мы уже весь съели. Кот о тебе скучает, говорит, что ты скоро приедешь, я говорю ему – да.

Перевод с немецкого Александра Мильштейна

ВОЛЯ К МЫСЛИ

ДЕРЕВО ЭТО ВЕЛИКОЕ

Дерево это великое.
И в кроне всегда ветер,
чья суета тревожит
его, как спящую птицу.

Одну оно ветвь под другую
заводит — клювом в подкрылье,
скрипнет как вскрикнет: ветер
и холод.

Когти корней крепко
на прахе родном держат
его поджарое тело,
чтобы оно не упало,
но и не улетело.

Перед большой стужей
снится большой птице,
что — мах, мах, — снимется
и полетит. Прощайте.

В порах грибов — пора
сбора и листоleta.
Дни осенние, ветры северные,
ночи воронова пера.

Неужли взлететь не выйдет?
Ибо тяги земные —
злые, как псы цепные...

Но люди тогда видят
летающие клином листья —
сны деревьев цветные.

2001

ВОЛЯ К МЫСЛИ

Мысль человека — будь ты частица либо волна,
метеоритный очерк прозренья, — ты, тем не менее, на

подозрении. Спутница (сверстница?) света,
ты, словно волчья богиня – Луна,
тému оборотную прячешь. А я домогаюсь ответа.

Диакосм Демокрита. Мир как идея – Платона.
И – чрез прорву столетий разгонный тоннель фазатрона
пулей в десятку влечит свои подтверждения!
Что-то здесь важное – может быть, страшное, скрыто:
не слишком ли точно схождение
древних догадок – и выпотов опыта? Это
не ось ли моделей Платона
и миров Демокрита?

Странностью сей, грубо очерченной здесь, обуреваем, –
мысль человека! – волю творенья в тебе подозреваю,
Анаксагора из Клазомен в помощь себе призывая.

Волящей мысли очень немного надо –
долька свободы, стадий тенистой прохлады,
хищный инстинкт да случай возгнаться до плазмы творенья
острой догадке, язвящей сознание, как терние!

Сказано: складки хитона подобны морщинам в час
размышленья;
лобные ж борозды – с помысла слепок...

Тожественны оным – *шаги пятилеток!*
Шаг верховных сапог диктовал их столь мерно и точно
от брусчатки Кремля до возгорбий дальневосточных.

Диктатора воля хребты сдвигает, как роги кавказского
пира.
Но даже и в этом – осмысленность тварного мира.

Подозреваю: в миг, как надумаешь цепь разомкнуть,
уже фарадеева искра готова порскнуть.
Воля и мысль, словно поле и поле, стремятся в одно.
В хаосе стройном с улыбкой проходит кажимость.
В дверь ее прогоняю – она пролезает в окно,
как эта цветущая жимолость.

2001 – 2002

ШТОРМ

Ветер с полночи влагой окапал
крап листвы; безлунела мгла.
К утру шторма тяжелая лапа
пляж накрыла и мол потрясла.

Дыбясь, волны, как пифии, нервно
поднимались – и крылья плащей

ввысь летели стремительно-мерно
в гроздьях брызг и ошметках лучей.

А когда из лазурного ада
шла девятая счетом — была
вся подобьем весеннего сада,
возрастала, взмывала, цвела.

Малахитовой лавой кипящей
было море вблизи — а вдали
темно-хвойной тайгой, уходящей
за другие пределы земли.

Потемнело — и вдруг посветлело —
и за дымкой залива дома
засмеялись — и вновь налетела,
как по ходу трагедии, тьма.

Свет порывами неся; на ком бы
ни сиял — погасал — и ни зги.
Шли валы чередой гекатомбы,
нежной пены роняя клоки.

Мы, стоящие на галерее,
обогнувшей уступы кряжа,
на развитие событий смотрели,
солью ветра с волненьем дыша.

Пел, как хор, этот ветер крепчавший
гул ударов роня к ногам:
Мир — он все еще полная чаша,
подносимая к вашим губам.

1988

ДО СВЕТА

Звезды вижу в продышанном инее.
В три утра — быть ли свету — решается.
В три утра петухи всполашаются
и кричат — это снится им Индия,
где ножи поварят друг о друга стучат.
Тот, кто был в это время зачат,
никогда не избудет он тьмы, обступающей
окна дома в куржави блистающей,
и к луне от полян улетающий
лай веселых волчат.

Мочат ссучившихся паханы.
Дрыхнет горькая пьянь, хоть бы хны,
и дежурные доктора
в три, в четыре утра.

Всяк-то старым березам извертит
стужа лютая ноющий хрящ.
Прозывается северный ветер
чудно, Господи – *камык горящ!*

Ночь, ты вечность, а не пора.
Лунный свет – лезвиё топора.
И крадется поземка по-рысьи.
Но приходят мне лучшие мысли
в три, в четыре утра.

2005

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА В СТИХАХ «НУЛЕВЫЕ ГОДЫ»

* * *

Привет, вокзал мой, старина.
Твердь сопромата. Сон без сна.
Кишащий космос ты – и почва.
Подруге террориста юной,
уже обещанный, безумный
калым. Ты и дворец бомжа,
где он себе глядится дожем.
Ты государства слепок точный.
Ты блеск и грязь, ты крепь и ржа.
Грудь богатырская. Душа
моя. Тут столько дней я прожил,
ночей бездомных и огромных!

Я ритмы на перронах темных,
в цезурах эха, заносил
по-ученически в тетрадку.
И, все что я ни попросил,
ты к нищенскому моему достатку
добавил, имя не спросил.

Через дефис тебе граничит
базар в московском словоряде.
Кому милей его обычай –
да Бога ради!
Что он? – лишь проза экзотическая,
кошелка быта, кладь съестная...
А ты – поэзия эпическая,
частушек дурь и даль провидческая,
и жисть-житуха шевутная.

Признал? – так выпьем! – Есть стакашек?
– Он есть всегда! За встречи наши
и в добрый, и в недобрый час,
и расставанья. За пропащих –
и здравствующих пуще нас.

Вот рой куплетов – новых, старых,
так, как сложилось, без помарок –
тебе в отдарок.

* * *

Темнеет, как холсты Куинджи,
вечерний кобальт. Страстью лета
асфальт разнежен. Камень дышит,
он развращен избытком света.

Под небом ночи, вся раскрашенная,
становишься самой собою.
Плывешь, как лайнер многобашенная,
миллионнолюдная, но кажется,
что мы одни с тобою.
Москва, ты женщина. Как все вы,
ты убавляешь возраст свой.
А я тебя и вовсе девой
сегодня вижу молодой.

Протославянских ты кровей.
И Имя, тайное доселе,
шептали угры у твоей
берестяной купели.

Нам не изведать ту землянку,
где крик твой первый прозвучал;
мордовка, *Мокша* ты, зырянка
в началах изо всех начал.

Какие беды, рвы и рымы
прошла ты! Труб военной меди
гремели зовы. Стлались дымы
над твоей русой головой.
Дарю тебе обличье леди, –
поэт и верный спутник твой.

Нам столько предстоит всего
сказать друг другу, без обмана.
Ты – героиня моего
любовного романа.

Я буржуа в свой природе,
и обожать Тебя легко мне.
Колена всех твоих просодий
я наизусть твержу и помню.

Свет из окон полуподвальных
харчевен и торговых лавок
затем и ярк,
чтобы от каблучков до талий
девиц подсвечивать, как рампа. Далее
кипенье лиц, и лип, тьмы-темени,

и разрушает неустанно,
и благо созидать вольна?

Котел плавильный, плазма тигля
яд каббалических реторт —
в сравнении с тем, что мы постигли, —
лишь только муляжи пустые:
не тот накал, масштаб не тот.

Толбачик, Момотомбо, Этна
бьют в небо бомбами камней.
Мощь циклопическая эта
не вровень — но уже теплей!

И только толщ твоих давяля
и твой хохочущий огонь,
Земля! — равны, как с сильным сильным,
истории страны Россия,
поболе, чем какой другой.

Там, где предание
с природой
сплетаются в один подвой;
где племя — архетип народа —
и пахоты живородящий слой
еще состав не разделяют свой,
уже — тая грядущее с испода,
проходит пал подсечно-огневой!

Тома веков и верстка поколений,
кураж империй, гибель королей, —
все, что ни есть — игралище давлений,
температур, энергий и полей.

ТЁМНЫЙ ДОМ

Когда, уже в конце трактата,
открытого мной в поздний час,
роскошно цвел сюжет эсхато-
логический — вдруг свет погас.

В окошке — свету место свято.
Свеча! сироткой ты одна
стоишь, бледна и чуть горбата,
и все же светишь из темна.

Как соли, просим у соседа
известья верного — когда,
когда же от властей приедут
и нам исправят провода.

Свет городских жилищ – как свыше
дается: нет – и мы полны
предчувствием неизбродившим –
войны? Пожалуй, и войны.

Оставь, – сказал себе, – в тетради
вслепую не скреби пером
из тьмы пришедшей мысли ради –
она не кончится добром.

Всяк человек – свой дом, в котором
единственное окно,
где в предназначенную пору
вдруг делается темно.

Когда не этот свет – небесный
из глаз моих, по тьме причин,
уйдет – шепну, прощанья вместо:
где стол был яств, там *дыр бул щил*¹.

2003

* * *

Что бы, когда бы с тобой ни случилось,
белое утро придет врачевать.
Памяти склонность и времени милость
все превозмогут опять и опять.
Чаши весов преисполнены снами,
болью и небылью, нашей судьбой.
Все учтено – мотылек и цунами.
Что б ни случилось однажды с тобой,
правда вернется, земля возликует,
зла не держа, не вина никого.
Лишь справедливость одна торжествует.
Страшным бывает ее торжество.

¹ Кручёных – если кто забыл (прим. автора).

ЛЮБОВЬ СЛОНОВ

РАССКАЗ

По телевизору идет передача из цикла «В мире животных». Представьте: саванна. Закат в африканской саванне. Громады облаков на далеком горизонте. Пирамиды облаков. Гималаи туч. От черных до фиолетовых. Они вспыхивают, облитые угольно-черной нефтью, занимается костер в полмира. Клубятся атомные клубни, лопаются, выливаясь кроваво-багровой лавой. А внутри, в жерле этого небесного вулкана зияет черная бездна и ослепительное бельмо умершего солнца – секунда, и все погружается в синий сумрак. Только лимонно-желтая спица прокалывает воспаленное облако, чтобы кровью каракатицы разлилась тропическая ночь.

Я переносусь туда, как по волшебству.

И сразу слышны стали звуки ночи. Рыканье льва, уханье тигра, хохот гиены, чей-то безумный визг, скорее всего, предсмертный.

Засыпает и болото. Черная бездонная грязь.

Сегодня утром, до света, сюда провалился молодой слон. Могучий, он долго боролся с трясинной, пока не обессилел. Его, огромного, трясина не смогла проглотить. Он полулежит на черной блестящей, лоснящейся, как кожа питона, жиже. Глаза его уже повело в муть, подернуло пленкой. Изредка он издает протяжный вздох, переходящий в стон. На окрестных деревьях сидят стервятники-грифы. Ждут.

Неподалеку, в коттедже, стилизованном под местную хижину, перед зеркалом сидит молодая женщина. Она только что причесывалась, руки ее повисли, правая еще сжимает гребень.

Ситуация напоминает ту, что описал Хемингуэй в рассказе «Недолгое счастье мистера Макомбера». Плен ассоциаций. Женщина узнала, что ее муж трус. Она не может простить такое человеку, которому отдала молодость и любовь. Она собирается изменить мужу с местным белым проводником. Если честно – она уже изменила. Она слышит далекие вопли молодого слона, принимая их за рычание раненого льва. Она плачет и кусает губы.

Где-то во тьме предполагается та самая вершина Килиманджаро, горы, давшей название другому рассказу писателя и охотника по имени Эрнест.

Оттуда, из хемингуэевской прозы, взят в этот рассказ мотив женщины. Он здесь нужен для африканской атмосферы.

В Африке был Гумилев, смелый человек, оставлявший на время поездок Ахматову. Он был влюблен в Африку сильнее, чем в жену. При казни вел себя идеально.

Утром можно было видеть, как солнце обливает брусничным сиропом вершину Килиманджаро.

Слон в болоте уже не дышал. Грифы осмелели и стали планировать с костлявых деревьев на серую кожу слона, всю в потрескавшейся грязи. Молодому слону оставалось совсем немного до берега. Не хватило сил. Его передние ноги уже на твердой земле. Это поможет хищникам покрепче подобраться к туше, чтобы

терзать ее, понемногу вытягивая на берег. Но это будет чуть позже. Пока птицы. Они только примериваются. Высматривают места понежней.

На берег пришла молодая слониха. Возлюбленная погибшего слона.

Слониха осторожно дотягивается с кромки болотной ямы до головы погибшего зверя. Трогает его нежно. Очень осторожно гладит хоботом. Самым кончиком хобота, как бы губами. Она не верит, что друг мертв. И в то же время понимает, что он неживой. Что его больше нет. Она плачет. Это ясно не по глазам, а из отрешенной ласки прикосновений. Их траурного ритма. Бережности прощания, прощальных поцелуев в лоб.

Слониха медленно уходит.

Птицы пикируют на тело слона. Они начинают рвать его мясо. Они ждали, пока подруга проводит своего милого в последний путь.

Слониха идет понурясь. Так ходят горбатые.

К трупу слона подходят львы. Один. Второй. Те самые львы, на которых охотился муж той женщины, что причесывалась в хижине. Женщины, что во время неудачной для ее мужа охоты узнала, что муж – трус. Лев спрятался тогда. Было неясно, ранен он, убит или жив. Если он был ранен, он был опасен, уходить не следовало. Он кинулся бы позже на случайного человека. Любого. А муж ушел.

У Хемингуэя иначе. Там автор написал еще про буйволов. Перебор. А тут было так. Муж ушел. Белый проводник убил льва. Старого самца. Его подруга теперь грызла внутренности мертвого слона. Залезла в брюхо погибшего с головой.

Женщина решила уйти от труса-мужа к молодому белому, обслуживавшему экспедицию. Ей было тяжело без мужчины.

Слониха, потерявшая любимого, брела за стадом. Рядом с ней уже шел другой молодой слон.

В илистой яме лежал истерзаный труп. Птицы рвали кишки.

Львы насытились и грелись на солнце. Брошенный муж прошел совсем близко. Они не обратили на него никакого внимания. А он их просто не видел. Он был пьян. Он шел, не разбирая дороги.

От трупа слона ничего не осталось. Что не сожрали звери и птицы, сожрало болото.

Яма не очень видна была с тропы, по которой брел брошенный муж. Он и угодил в нее.

Мужчина лежал в жидкой грязи, погрузиться в которую ему что-то мешало снизу. Гиена наблюдала с края зловонного провала за мужчиной, который силился выбраться. Тщетно.

Гиена прыгнула на еще живого человека. У него захватило дух от ее зловонного дыхания. Он завопил, завизжал.

Женщина в хижине слышала этот крик.

Она подумала, что это рычит раненый зверь.

И опять цвел закат над Африкой. Клубились чернила с кровью, и где-то грохотал ливень, столбами упершись в красную землю.

Небеса отверзлись на всю глубину, так что среди распоротых туч обнажился проран, словно утроба, полная окровавленных внутренностей молодого гиганта-слона.

Женщина любовалась закатом, благодаря судьбу и мужа, о гибели которого не подозревала еще, за то, что они привели ее сюда, в африканскую саванну, к этим неповторимым нигде на земле небесам.

В самой глубокой и темно-голубой глубине чудился ей маленький человечек на небе, словно в утробе матери. Он покоился поверх ребер перистых облаков. Все вместе напоминало беременный скелет.

Женщина поняла это как знамение. Она смутно подозревала, что в эти дни понесла будущего ребенка...Неважно, от кого...

По телевизору лев продолжает терзать мертвую плоть молодого слона.

РАССКАЗЫ

СВЕЧКИ

Облака лежали на небе, как кусочки яблок на кухонном столе. Как они называются? Кажется, «белый налив». Мне стало весело: я представила себе, что белый налив упал в воду и получился яблочный компот.

– Куда же подевалась моя трубка?

Правда, немного солёный.

– Я её видела сегодня утром на тумбочке.

Наш корабль плыл мимо острова, похожего на торт, а в торте – праздничные свечи, точь-в-точь деревья на острове. Получился праздничный торт для очень пожилого любителя сладкого.

– О чём ты смеёшься, котёнок?

До чего же я несообразительная! Вода в море под Рождество холодная, как же яблоки могут свариться?

– Думал, уборщица забрала. Солнышко, ты уверена, что на тумбочке?

Я удивилась:

– Неужели она курит трубку?

– Нет, зато её муж, если у неё, конечно, есть муж, наверняка курит. Для себя она стащит что-нибудь дамское.

К солнцу присоединилась луна, и теперь их было двое: впереди – солнце, сзади – луна, а мы – между ними, как в гамаке, натянутом между двумя деревьями у нас на даче. Я немного замёрзла, но уходить не хотелось: расстаться с островом было бы так же обидно, как съесть торт. Нет ничего грустнее съеденного праздничного торта. Пожилой любитель сладкого наверняка поддержал бы меня...

В воде плавали прозрачные фиолетовые медузы размером с когда-то летавшую тарелку. Одну из них наверняка звали Горгоной. Или даже многих. Говорят, у каждой – по двадцать четыре щупальца. Кто их знает – попробуй пересчитай...

– Здесь вода грязная, поэтому они такие большие. Нечистоты сбрасывают из канализационных труб с острова прямо в море. Я читал проспект.

– А разве он обитаемый?

– К сожалению, обитаемый. Там живут потомки разбойников и их спутниц. Думаю, они не сильно отличаются от своих предков. На этом острове всё построили каторжники и девицы лёгкого поведения. И деревья посадили тоже они – видишь, какие диковатые? Ну, пойдём в ресторан, ты замёрзла. Нам пора праздновать твой юбилей.

– Ты говорил, что не следует напоминать даме о возрасте.

– Ты права, извини! Пойдём?

Мы сели за столик у окна, выходившего на море.

Острова не было, и медуз тоже. Правда, солнце с луной ещё оставались, но белый налив уже, наверно, исчез...

Или сварился. Мне снова стало весело. На серебристо-золотистых вилках был вензель — судя по всему, королевский. Как должно быть приятно быть королём. То есть королевой, конечно. Когда-то, давным-давно, я любила играть в королев и королей. Игра несложная, но захватывающая. Я одновременно служила тремя старинными королевами — не старыми, а старинными, это не одно и то же! — и двумя королями. Тремя королями быть не хотелось, хорошего понемножку, двух им будет предостаточно. Я чуть было не расхохоталась в подтверждение собственной правоты.

— Замените, пожалуйста, вилки, они у вас, как всегда, не очень чистые. Надеюсь, вы не хотите, чтобы дама отравилась, да ещё в собственный день рождения. Не нужно портить праздник, договорились?

Уже не было ни солнца, ни луны. Правда, официант вместе с новыми вилками принёс длинную лимонную свечку. Как только он зажёл её и поставил цветы в вазу — такую же длинную и тонкую, но перламутровую, — пианист сел за рояль — нет, кажется, это было фортепиано, обвёл взглядом зал, чтобы посмотреть, для кого будет играть сегодня, и заиграл сюиту — ми-минор, по-моему. Жаль, что я когда-то бросила музыкальную школу. Могли бы сыграть в четыре руки. Хотя пианисту пришлось бы со мной нелегко — я или забежала бы вперёд, или плелась сзади. Нужно хорошенько порепетировать. Интересно, куда всё-таки денется пламя свечи, когда она догорит? Со свечкой понятно — она просто растает, а вот пламя? Куда-то же оно девается?

— Любопытно было бы узнать, какие отметки ему ставили в музыкальной школе. Впрочем, не уверен, что он где-нибудь учился. Ты бы сыграла не хуже, я уверен.

— Нужно было бы хорошенько порепетировать. Это сложная сюита, она у меня так и не получилась.

Пианист откинулся на спинку стула, люди зааплодировали. Он улыбнулся мне — можно сказать, мы были с ним почти знакомы. Я помахала ему рукой. У пианиста в петлице был такой же цветок, как в нашей вазе, только белый, а наши были жёлтые и красные. Пианист улыбнулся и подмигнул мне.

— Во-первых, сколько можно ждать десерт? А во-вторых, если вы тут не хотите неприятностей, предложите своему пианисту подмигивать кому-нибудь другому. И улыбаться тоже.

И в самом деле, зачем он мне подмигивает? Неприлично же...

Официант принёс торт со свечами. Поставил его передо мной, улыбнулся как положено, и поздравил с днём рождения. Не очень искренне, но всё-таки поздравил. Люди за соседними столиками похлопали в ладоши. Особенно активно хлопала и сияла от восторга всеми своими поддельными жемчугами старая морщинистая бабушка в платье столетней давности. И ещё — длинношей лисоватый пенсионер, который как-то странно на меня поглядывал и улыбался. Пианист послал мне воздушный поцелуй и сыграл короткую поздравительную мелодию. Потом снова послал воздушный поцелуй.

Выглядели его поцелуи довольно неприятными, как и улыбки пенсионера, но ничего не поделаешь, пора бы уже привыкнуть.

— Котёнок, с днём рождения! Это самый важный праздник в моей жизни. Больше всего на свете я бы хотел, чтобы ты была счастлива.

Я смотрела в окно. Моря не осталось, не говоря уже о медузах и об острове. Кусочков белого налива и гамака тоже. Вообще ничего не осталось...

Нужно было начинать есть праздничный торт. Я втянула в себя побольше воздуха. Разве их все задуешь с одного раза, когда их так много? В прошлый раз

было, как полагается, на одну меньше, и всё равно у меня с первого раза не получилось. Ума не приложу, как я задую все свечи через год, — их ведь будет уже одиннадцать.

*Монреаль
Декабрь, 2005 г.*

ФЕОДОСИЯ

Значит, любит. Очень больно, но ничего, подожду, потерплю. Его тоже можно понять, ему в жизни несладко. Он скоро устанет и успокоится. Я закрыла глаза, но тут же открыла снова — чтобы видеть Феодосию на противоположной стене. На этой картине она не такая, о которой я хотела писать. В моей книге она будет намного загадочней и намного несчастней. То есть не так — я намного счастливее, вот как правильно. Её Глеб умер, и что же ей осталось? Разве что боярский титул — и всё? Феодосией меня никто не назовёт, она, возможно, и не стерпела бы, хотя смогла же выжить в проклятой землянке и власяницу проносить столько — почти шестнадцать лет. Но главное — я стерплю и вытерплю, я счастлива, одинокой никогда не буду. Ей Бог дал каких-то одиннадцать лет, а мне — уже целых пятнадцать. Сильно болела голова, всё тело. Он уже скоро успокоится, нужно немного потерпеть, я могу понять его, что у него ещё есть? — а у меня всегда будет то, что я люблю и о чём всё равно никогда не забуду: галерея Айвазовского, главный разговор с Аввакумом, поезд вдоль моря, власяница Феодосии, набережная. И главное — не будет страшнейшего из несчастий — не будет одиночества. Как можно было бы им всем объяснить моё одиночество? Всё что угодно можно объяснить, только не это. Потерплю, потом придумаю что-нибудь, как обычно. Значит, любит. Уже пятнадцать лет. Одиночества никогда не будет. Феодосия сбежала к морю овечьим стадом — до чего же верно! — сбежала от всех забот и, я думаю, от главной — от одиночества, — да, именно овечьим, это правильно. Недавно я поняла, почему Феодосия надела свою власяницу: только так и можно было убить, победить непобедимое одиночество. У неё было каких-то одиннадцать лет... А у меня — целых пятнадцать... У нас — целых пятнадцать. Нет, почти шестнадцать, как я ухитрилась ошибиться, надо же... Почти шестнадцать, и будет ещё много, нужно только вытерпеть, хотя всегда очень больно. Но позор был бы хуже, даже больнее. Одиночество не просто несчастье, оно — позор, самый главный. Если одинока — значит, никому не нужна? Значит, не нужна. Стыдно... Всё-таки уберу эту картину, на ней Феодосия не похожа на себя. Она была умница, и глаза у неё были не безумные, а просто добрые, я так и напишу, вот только начну мою книгу, когда удастся начать. Книга будет, как у Аввакума, — в толстой чёрной обложке, с шершавыми страницами. Нет, на этой картине Феодосия на себя совсем не похожа: взгляд мимо всех и мимо всего, рука никому не нужной женщины, не тонкая, а костлявая. Подняла два пальца, как будто кому-то угрожает, — а она ведь никому не угрожала и всех с самого начала простила... Не простила, она была несчастна — из-за того, что никому не нужна. От одиночества и власяницу надела и проносила почти шестнадцать лет. Сейчас картину перестало быть видно, но потом нужно будет не забыть убрать. Всё тело болит, и голова раскалывается... Нет, пусть остаётся. Иначе стена опустеет, а она ведь у меня такая важная, я часто смотрю на неё. И на эту, что сейчас передо мной, — тоже. Повешу на ней что-нибудь из Феодосии — Золотой пляж, если в Феодосии найдётся картина с Золотым пляжем. Или «Девятый вал», копию, конечно. Этим летом обязательно поедем туда, только нужно сейчас вытерпеть и стерпеть. Если бы только сейчас... «В одну реку нельзя вступить дважды», — обязательно напишу эту фразу — кажется,

так и сказала Феодосии сестра. Кожа снова горела, как, наверно, у неё под проклятой власяницей. «В реку – может быть, и нельзя, Дуняшенька, так ведь у нас не река, а болото»... А в море – хотя бы разок, обязательно поедем летом. Нет-нет, я вытерплю. Не я одна. Разве кто-нибудь не боится одиночества? И не могу же я испортить им всем и себе самой наше чётное число, заставить их неловко молчать и молча радоваться тому, что с ними ничего не случилось, – уж от меня-то они этого никак не ожидают, да и я от них тоже. Сколько лет Феодосия прожила с Глебом? Каких-то одиннадцать, а я – уже почти шестнадцать... Лучше терпеть, зато главного несчастья не будет. Если одна – значит, никому не нужна, что может быть страшнее? Совсем не только для меня – для всех. Потерплю, я умею. И подумаю о том, что вот ведь забавно – поезд ползёт вдоль берега и мимо «Астории», мимо галереи, памятника Айвазовскому, я помню. Наверно, больше нигде из поезда не видишь сразу море и город, бегущий к тебе, как стадо овец, хотя мы ещё не сошли на перрон и овцы нас не видят. А волны выбрасывают водоросли, они пахнут йодом. Почему говорят, что волны пахнут йодом? Не понимаю. По-моему, йод пахнет иначе, совсем не так, как водоросли. Рядом с вокзалом – парк, за парком – причал, оттуда каждый час отходят корабли. Да какие там корабли – просто кораблики. Если холодно, можно сидеть внутри у окна, но пусть будет тепло – и стоять на палубе. «Солёной пеной по губам». Это тоже верно. Лучше будет думать, если смотреть на воду. В одну и ту же воду нельзя войти дважды... «Что же ты Никона так ругаешь, и Алексея Михайловича, тишайшего? Мы ведь знаем: «Вся власть – “...”» Ничего, ничего, он скоро устанет и успокоится... «Вся власть – от Бога»? Аввакум посмотрел на Феодосию, потом на Евдокию, на Марию. Да, так и было. Посмотрел и ответил – так, как ответил бы только человек, которому суждено и под силу вытерпеть почти шестнадцать лет в колодце: «Власть – от Бога, верно. Только властители – от дьявола». Аввакум написал книгу – большая книга в чёрном переплёте, с толстыми шершавыми страницами... Какие сильные руки, будет очень заметно... Нужно потом что-нибудь придумать, но не совсем такое, как в прошлый раз. Ничего, поверят. Иначе догадаются, что я им тоже не верю. Чётное число... Обязательно вставляю этот разговор в книгу, его не могло не быть. И того не могло не быть, что люди ходили из дома в церковь как домой, но с ними в их церкви разговаривали так, что было там, дома, одиноко, как будто в том самом колодце. Вот в чём дело... Картина снова стала мне видна. А она на этой картине – подняла два пальца, – почти все думают, что это для неё главное. Главное для неё – одиночество, отсюда и всё остальное: нищих сотнями зазывала в дом, власяницу не снимала, часами слушала Аввакума, стараясь понять то, о чём раньше, когда был жив Глеб, даже не задумывалась, и крестилась двумя пальцами, а не как почти все. Шестнадцать лет Бог присудил ей быть ненужной. Я закрыла глаза и сразу снова открыла – он никогда не должен думать, что я забываюсь. Значит, любит. Ещё немного осталось потерпеть, он скоро успокоится. Аввакум все шестнадцать лет в колодце писал свою книгу. Ему-то одиночество не было страшно. Большая книга в толстом чёрном переплёте, с шершавыми страницами. Удивительно – я уже целую вечность не держала её в руках.

Ну вот, наконец-то он устал, наконец-то он успокоился... Теперь отдохнуть. Потом привести себя в порядок. А потом, может быть, даже выйти на улицу, одной. Подумать о Феодосии, галерее Айвазовского, разговоре с Евдокией. Подумать об Аввакуме, о Золотом пляже, о водорослях, пахнущих йодом... И главное – о том, что я скажу им всем при встрече. Наверно, ничего нового – то же, что они всегда говорят мне. И о самом важном – о том, что мне уже пятнадцать лет Бог позволяет избежать позора быть ненужной. Этим летом нам обязательно удастся съездить в Феодосию, за столько лет я могу себе это позволить. И там обяза-

тельно начну писать книгу о Феодосии. Я её придумала. За пятнадцать лет уже, кажется, можно было бы не полениться и начать. Нет, что же это всё-таки с моей памятью? Конечно — почти шестнадцать.

*Монреаль
Март, 2006 г.*

ГЛАВНАЯ НОВОСТЬ

Она вышла из вращающейся двери больницы. На улице было свежо, но в носу ещё оставался хорошо знакомый запах перемешавшихся лекарств. Хотя они уже давно не раздражали. Без них — она улыбнулась — было бы даже непривычно и одиноко. Кабинет совершенно пропах этим знакомым запахом лекарств. И ей это было намного ближе, чем, скажем, прокуренные стены. Или даже запах обеда.

Надевая варежки, посмотрела на часы. Оставалось ещё больше часа, можно было не спешить в метро. До ресторана — километра два с половиной. Если идти в такт мыслям — останется ещё около десяти минут. Она сядет за предварительно заказанный столик на двоих, поправит причёску, попросит официанта принести и зажечь свечи. Через десять — максимум пятнадцать, ну, в худшем случае двадцать — минут придёт он. Поцелует ей руку, скажет:

— Ты сегодня ещё красивее, чем обычно.

Ах да, не забыть немного духов, чтобы не пахло больницей. Вот, теперь он может прийти, поцеловать ей руку и сказать:

— Сегодня ты даже красивее, чем обычно.

Она легко улыбнётся и ответит... Ну, сейчас неважно, получится само собой. Предположим:

— Может быть, потому, что у меня для тебя важная новость.

Нет, неправильно. Нужно его подготовить, иначе получается сплеча. Нужно подготовить... Огни машин были уже не белыми, но ещё не стали красными. Почему между волком и собакой? Или между собакой и волком? Хорошо, не будем отвлекаться, нужно его подготовить. Закрыла меню, увлекательно посмотрела на него и также улыбнулась:

— Полагаюсь на твой вкус. Как всегда.

Он ответил ей — тоже как всегда — слегка снисходительной улыбкой сильного мужчины. Подозвал официанта, сказал... В общем, сделал заказ. Взял её за руку. Подготовила, теперь можно:

— У меня для тебя важная новость.

Забрал руку, отпил своего любимого вина. Ах, да, не забыть: она заказала вина. Нет, не так. Вино всегда заказывает он. Он подозвал официанта, заказал вина, а уже потом она закрыла меню и сказала, что полагается на его вкус.

— Скажите, где здесь метро?

Показала рукой в варежке:

— Там, возле больницы.

Не отвлекаться, сосредоточиться.

— У меня для тебя важная новость...

Неужели уже пришла? Ресторан оказался ближе, чем можно было предположить. Сняла варежки, посмотрела на часы: оставалось ещё целых десять минут. Вошла, оставила в раздевалке верхнюю одежду, привела волосы в порядок, добавила духов, чтобы не пахло больницей. Села за заказанный столик, попросила официантку принести и зажечь свечи. Посмотрела на часы. Он придёт вовремя, пятнадцать-двадцать минут не в счёт.

— У меня для тебя важная новость.

Да нет же, сначала нужно подготовиться, и только потом сказать:

– У меня для тебя важная новость.

Он заберёт руку, отопьёт из бокала. Тут важно не расслабиться, не начать ждать его реакцию. Улыбнуться так, чтобы он вспомнил прошлую ночь, и только потом сказать:

– Теперь наша жизнь изменится.

Максимум – что он может ответить? Заказ он сделал, вино отпил, руку поцеловал, сжал, отпустил. Обязательно ответит. Максимум:

– Почему – наша?

Посмотрела на часы: оставалось минут пять, возможно, даже четыре. Не отвлекаемся, думаем. Впрочем, этот вариант уже проанализирован. Она размышляла над ним ещё прошлой ночью и сегодня в больнице, в кабинете, пропахшем лекарствами.

– Потому, что...

А, вот и он. Ещё бы минут пять, но всё равно получается вполне приемлемо.

– Здравствуй, – сказал он, улыбаясь, поцеловал ей руку и протянул розу на длинном черенке.

Ну, вот: о розе не подумала. Будем надеяться, что больше ошибок не будет. Не расслабляться, сосредоточиться. Понюхала розу, улыбнулась, потом ещё раз – ему. Подошла официантка, поставила розу в длинную узкую вазу.

Он заказал вина. Сделал заказ.

Улыбнулся, взял её за руку.

Улыбнулась так, что он не мог не вспомнить прошлую ночь. Сказала:

– У меня для тебя важная новость.

Отнял руку. Отпил вина. Не ждать его реакцию, продолжать улыбаться, чтобы он думал только о прошлой ночи, ну, и о сегодняшней, конечно. Говори, не жди. Сказала почти без паузы:

– Теперь наша жизнь изменится.

Ну, что он может ответить? Обязательно что-нибудь ответит – важно не потупить глаза и не отвести их. Продолжать улыбаться, увлекательно смотреть на него. Сейчас ответит, других вариантов вроде бы нет. Итак?

Закурил. Обвёл взглядом зал. Остановился на официантке. Затянулся. Не исключено. И всё-таки сейчас ответит. Максимум –

– Почему – наша?

Это – максимум. Возможно –

– Что ты имеешь в виду?

Или – ну, это вряд ли, но – с лёгким юмором:

– Солнышко, ты не боишься радикальных перемен?

Закурил. Отпил. Обвёл взглядом зал. Остановился на официантке. Затянулся.

– Значит, твоя жизнь – уже наша? И моя тоже?

Вот тебе и максимум... Мельком посмотрел на официантку, потом в окно, потом наконец-то на неё.

Не поддаваться настроению, всё под контролем. Не переставать улыбаться, как перед этим. Ещё немного, всё получится.

Отпила, понюхала розу, поставила обратно в вазу. Улыбнулась – теперь беззащитно:

– Мне бы очень хотелось этого.

И без паузы – ну, возможно, одна, от силы две секунды:

– Я только что из больницы. Ещё, наверно, пахну лекарствами. У меня для тебя важная новость...

Разведка боем.

Он строг:

– Мы же договаривались.

Не терять мужества. Наоборот:

– У нас будет...

Он без подготовки:

– У тебя. Я правильно понимаю? Мы же договаривались.

Снисходительно – нет-нет – ещё чего! – ласково улыбнулась:

– Не совсем. Именно – у нас. У нас будет всё, о чём мы с тобой мечтали. –

Отпила. – Меня приняли в штат. – Взяла его за руку. – Теперь у нас с тобой будет постоянная работа.

Слишком резко обрушила. Нужно было ещё немного подготовить. Например:

– Я хочу, чтобы у тебя было больше свободного времени.

Ах, да не так же плоско и прямолинейно!

– Я хочу, чтобы ты не мучил себя унижительными поисками издателя и случайными, унижительными подработками.

Лучше. Только не «я», а просто –

– Чтобы ты не мучил себя унижительными поисками издателя и случайными, унижительными... Пусть сами тебя ищут, ты вполне заслуживаешь. Они выстроятся в очередь – вот увидишь. Теперь мы можем действовать с позиции силы. Теперь мы с тобой сильны.

Примет или нет? Если примет, можно двигаться дальше. А если нет?

Саркастически улыбнётся. Нет, скептически ухмыльнётся.

– В отличие от меня, ты молодец.

Или – стоит надеяться – внешне равнодушно:

– Поздравляю, ты, как всегда, молодец.

И обязательно:

– В отличие от меня.

Он отпил, саркастически и немного скептически улыбнулся и сказал внешне равнодушно:

– Поздравляю, ты, как всегда, молодец. В отличие от меня.

Это не проблема, тут подводных камней нет. Он ждёт утешения, что может быть проще утешения?

– Если бы не ты, они никогда бы меня не приняли.

Ах, Господи, ну не так же примитивно!

Взяла за руку, сжала его пальцы. Посмотрела в глаза поддерживающе и увлекающе:

– Если бы не ты, мне бы это никогда не удалось.

Не останавливайся, развивай! Ну, что ты замолчала? Объясни ему:

– Зачем им не уверенный в себе хирург с мокрыми от волнения руками и дрожащими поджилками?

Тут же, для усиления, мягко пошутила:

– Чтобы вместо гланд удалить язык?

Он не возразил и даже не забрал руку. Разовьём успех:

– Ты меня поддержал. Спасибо тебе. Давай выпьем за это, и за тебя.

Он потушил сигарету. Накрыл её руку своей:

– Лучше бы не ты, а я удалял гланды, вместо того чтобы сочинять эти мои бездарные истории.

Получилось! Успех близок! К тому же официантка вовремя принесла закуски. Осталась заключительная фраза – совершенно дело техники:

– Тому, что делаешь ты, нельзя научиться. Вот почему я говорю, что наша жизнь изменится. Теперь ты можешь не думать ни о чём, кроме своих историй. И не называй их, пожалуйста, бездарными. Твёрдо:

– Ты же знаешь, что они для меня значат.

Всё точно, только сейчас аккуратнее, чтобы не переусердствовать на радостях от достигнутого успеха. Отпила, откинулась, посмотрела в окно, отъела, отпила. Он ждёт решающей фразы. Вот она:

— Если бы не твои, как ты выражаешься, бездарные истории, у меня руки продолжали бы дрожать. А сейчас — видишь? Мне ничего не страшно.

Ну вот, теперь можно немного расслабиться. Кажется, получилось. Спокойно перекусить, послушать о завистливых приятелях и неталантливых редакторах. Заказать ещё бутылочку красного... Нет, это лишнее: впереди ночь, а завтра рано утром в больницу. Нужно поддержать форму. Сняла варежку, посмотрела на часы: оставалось минуты две-три, не больше. Огни всё же покраснели. Вошла, оставила в раздевалке верхнюю одежду, привела волосы в порядок, добавила духов, чтобы не пахло больницей. Села за заказанный столик, попросила официанта принести и зажечь свечи. Посмотрела на часы. Он придёт вовремя, пятнадцать-двадцать минут не в счёт. Кажется, всё продумала, сюрпризов быть не должно.

Итак, не отвлекаться. Гланды, неумные издатели, дрожащие поджилки, завистливые друзья, небездарные истории...

Если всё пройдёт хорошо, в следующий раз можно будет перейти к самой главной новости.

Но только если пройдёт хорошо.

Ага, вот и он. Ещё бы пару минут, но всё равно получается вполне приемлемо. Она готова.

Можно начинать.

*Монреаль,
Декабрь 2005 г.*

АКВАРИУМ

* * *

Отец учил меня пасьянсу:
Сложился — все пойдет на лад.
И мне с завидным постоянством
Везло, и выходил расклад...

Когда за королем пустоты
Уже мешать мне не могли...
А на рубашках той колоды
Роскошно розочки цвели...

На драку не хватало дара,
Хотя я знала — дар большой,
Но не за это санитары
О кафель били головой.

И не за буйство, где там буйство,
Какое буйство в десять лет?!
Меня подставил из холуйства
Детдомовский авторитет.

Там не было ни крови носом,
Ни хруста шейных позвонков,
Но помню я на плитке розы —
Узор такой из завитков.

...На всякий случай, просто били,
Косу на руку намотав...
А карты в наволочке были,
Напрасно потрошили шкаф.

ЗАПОНКА

Скоро будут гости, ах, восьмое марта,
Мама в синем платье курицу несет.
Папа, точно Пушкин, в пышных бакенбардах,
И пока не пьет.

Папа продевает запонку в петельку,
В запонке застыла желтая смола.
Радуги от лампы падают в тарелки,
Красные гвоздики посреди стола.

«Ах, какая прелесть — запонки-цветочки! —
Ах, какая милая жена! —
Боже, что за чудо — маленькие дочки,
А у нас — шпана!»

Скоро нас забудут,
Стопочки посуды
Станут выплывать.

Папа словно в муке
Вдруг раскинет руки,
Будет танцевать.

Запонки роняет, галстук распускает,
Как большой цветок,
И меня в охапку, как сирень, сгребает,
Ух! — под потолок.

И когда над миром я лечу впервые,
Вижу с потолка:
Мама с папой — боги, сильные, родные,
Я — лишь за-пон-ка.

И куда же, папа, ты меня забросил?
И лечу куда?
И меня свистящим воздухом уносит
В космос навсегда.

В космосе повсюду запонки сверкают
Солнечной смолой.
Ангелы по кромку стопки наливают,
Хватит с головой.

Я раскину руки, стану самолетом,
Полечу домой сквозь двадцать лет.
Двадцать лет как вышли запонки из моды.
Разрешенья на посадку нет.

* * *

У вас там пиво и ночной Арбат,
А у меня под окнами — колхозный
Рабоче-пролетарский е@онат
Орет всей глоткою своей туберкулезной...

Что — это жизнь? На околотку груш
Ушло два дня... сороковой окурочек...
Довольно скоро пьяный бывший муж
Расскажет мне про володарских уроков.

Мне в семь — подъем, как только пропищит
«Горшок, пи-пи» мой сонный ангелочек,
А я не сплю, и так душа болит,
Что отдается чуть пониже почек.

Снится мне, что серьезно попала,
 Что меня проглотила тюрьма.
 Я не крала! Я не убивала!
 Или, может, не помню сама.

Я ругаю кирпичные стены,
 Я ногтями рисую побег.
 Я смогу, я сбегу непременно,
 Я чиста, я живой человек.

И меня, наконец, оправдали.
 Отпустили с вещами домой.
 Я хожу на сибирском вокзале,
 Я стою на платформе пустой.

И проходят, проходят, проходят
 Голубые мои поезда!
 Сквозь меня пассажиры проходят,
 Вырастают вокруг города.

И ознобом нисходит догадка:
 От меня отвернулась родня,
 И шагнула тюремная кладка
 И за ноги схватила меня.

NEW «ГАМЛЕТ»

Б. Рыжему

Ничего из горних измышлений
 В эту осень мне не довелось
 Воплотить... земную выгнув ось,
 Я повешусь, как вчерашний гений...

У меня собака есть и сын,
 И листы исписанной бумаги...
 Все мои друзья почти бродяги,
 Дегустаторы дешевых вин...

Все они играли без конца
 Кто кого, и каждый непомерно.
 Я была Офелией, наверно,
 И утопла, схоронив отца.

Вильям, сэр, вы написали бред!
 Дальше так: Лаэрт – в тюрьме за кражу,
 Выброшена Дания в продажу,
 Мебель, хлам... Скупаю... табурет!

У Гертруды отняты права.
 В городах отяжелели волки,

И шакалы. Вновь изъята с полки
Библия, исправлена глава.

Клавдий откупился. Строить дом
Нанял Розенкранца с Гильденстерном.
Вместе пьют абсент, по-русски вермут.
Гамлет тоже пьет, но не о том,

И не с ними, одинокий, ночью...
А каков когда-то был замах!
Йорики, Шекспир сошел с ума:
Пишет «крысы» и навзрыд хохочет!..

Вскоре лицедеи разбрелись.
Кто в пивнухе спит, а кто в могиле...
Гамлет, бля, решайся, или-или!
Или окончательно заткнись!

Табурет толкну, закрыв глаза,
И не это выдержит земная
Ось, и так повисну я, сверкая
Голыми ступнями в небеса...

* * *

Приносит мама виноград
И гречневую кашу.
Из-за двери за мной следят
Сережи и Наташи.

Их много, стриженных под ноль,
Больных и желторотых.
Болезнь их, а вернее, боль
В том, что они – сироты.

И я всегда окружена
Молчаньем осторожным.
Я тоже, кажется, больна,
Но не тогда, а позже.

Куплю ли сыну виноград,
Варю ли утром кашу:
Из-за двери за мной следят
Сережи и Наташи.

АКВАРИУМ

Мне нравятся зеленые стрекозы,
Их выпуклые детские глаза,
Как у Ромео, дарящего розы,
Любовь и кровь, луну и небеса...

.....

Курилка за углом у туалета,
Церковный календарь, полоска света,
Нельзя курить, но куришь за двоих.

– Ну, здравствуйте, меня зовут Джульетта!
– Меня – Мария, Маша для своих.
– Я – глина, я – мозаичный фрагмент
Архитектуры 77-го:
Лес, поле, аист (пятый элемент)
На фоне неба светло-голубого...

.....

Из шкафа нафталин и простыня,
Стрекозы, гуппи, куклы и котята –
Все то, что раньше было у меня.
Простите, я ни в чем не виновата!
Я буду первой с пальмовым листом,
Я нарисую ослику улыбку,
Дома, деревья, праздничную рыбку
С вечерним выразительным лицом.
Я все смогу, я выкормлю котят,
Я уберу в аквариуме тину,
На пустыре я высажу подряд
Березу, клен и красную рябину...

.....

С тех пор, как я на свете существую,
Как железа нагрета молоком,
С тех пор, как я боюсь себя-другую
С тяжелым непонятным животом,
С животным взглядом и тоской звериной
Над люлькой, над ванной, над плитой,
Себя-другой, кричащей под любимым,
Себя – другой, другой, другой, другой...

Мне страшно.
Иисуса на иконе
Толпой встречает град Ерусалим,
И стелет ветви пальмы перед Ним.
Мне холодно.
Согрей меня одним
Прикосновеньем ласковой ладони.

Не надо пальм. Позвольте говорить –
Вот это небо, этот лес и поле,
Все это невозможно не любить
Без алкоголя или с алкоголем.
Мир, помещенный в стрекозиный глаз.
Толпа, как веер стрекозиных крыльев...

Окно плывет, кричит иконостас,
А пальмовые ветви пахнут пылью
И нафталином... круг растет за кругом,
Осел устало фыркает в пыли,
Джульетта мне протягивает руку
И поднимает Лазаря с земли.

Аквариум закончен. Стайки гуппи
Плывут по тесным улицам в закат.
Христос один. Никто не виноват.
Пилат примкнул к сочувствующей группе.
Мне аккуратно сдавливают локоть:
Мария в стороне едва бредет,
Придерживая пальцами живот.
Да и Фома не прочь его потрогать.

.....

Как створки устриц, веки не открыть,
Затем что жалко и смешно, наверно,
Движеньем ученически неверным
Жемчужины на простынь уронить.
Мне клена жаль, что выносил костюм,
Что он теперь одет в одни обноски,
Мне жалко этих жестов дирижерских...
Я слышу... но не музыку, а шум –
Чужой, тяжелый, средиземноморский...
Мне тени жаль, поющей на стене
Плач или гимн, или Ave Marie,
Жаль, что лежу в дремучей тишине
И открываю ракушки пустые.

Вот это – я, в Джульеттиных зрачках,
Стирая с губ, как поцелуй, измену,
Приподнимаюсь и, держась за стену
И за живот, иду домой смиренно
За кругом круг, как стрелка на часах.

Мелькает этот лес и этот дол,
И что-то там позвякивает в сетке,
И ветер листья желтые (глагол)
Передо мной, как пальмовые ветки...

* * *

Пожили – как не были,
Наняли каблук.
Хорошо – из мебели
Только ноутбук.

Да собака серая,
Да сибирский кот.
Господи, я верую
В новый наш исход.

Сумки книг проверенных –
 Пенье аонид.
 «Дерево – есть дерево», –
 Грузчик говорит.

Дерево есть дерево,
 Может, он и прав, –
 Крепкий и уверенный,
 Красный, как Исав.

* * *

Я усну с ожесточенным сердцем,
 Я запру молитву на губах.
 Почему Ты допустил Освенцим,
 Губчека, Нагорный Карабах?

Скажешь, люди делали патроны,
 Люди составляли Губчека...
 Объясни тогда, зачем вороны
 Заклевали черного щенка?

Скажешь, так задумана природа –
 Свой закон положен у зверей...
 Объясни тогда, зачем при родах
 Умирают тысячи детей?

Нет, меня ответы не устроят
 Не приму ответов никаких,
 Чтобы Ты меня не успокоил
 В ласковых объятиях Своих.

* * *

Вот так и доходят до ручки,
 И я опустилась почти.
 Бездельница я, белоручка –
 Работы в Москве не найти.
 Скитаюсь по улицам пыльным,
 Читаю «Записки жильца».
 Везет деловитым и сильным,
 Румяным на четверть лица.
 О, что за субтильная бледность?
 О, что за мечтательный взор?
 Я верила в честную бедность,
 Я думала – деньги позор.
 Я мыслила – правильно, дескать,
 Самой оставаться собой.
 Во всем виноват Достоевский
 И даже, отчасти, Толстой.
 Слепая! и то ль ещё будет,
 Когда со страниц семеня,
 Богатые бедные люди
 Ногами затопчут меня.

МЫШИНАЯ СКАЗКА

В маленькой норке под книжным шкафом, в углу, жила-была мышка-норушка. И был у нее любимый сын-малютка: шерстка серая, мягкая, глазки-бусинки — заглядение, а не малыш! И очень он любил сказки, чтобы мама рассказывала их на ночь, подоткнув одеяльце и усевшись в уютное креслице рядом с кроваткой.

— Мама! Расскажи сказку!

— Ну хорошо, малыш, расскажу тебе сказку, только не очень длинную.

— **Добрую** или **страшную**?

— Добрую, добрую!

— А про кого?

— Про девочку.

— Про мышиную девочку или человеческую девочку?

— Это что еще за дискриминация! Про человеческую девочку! Ну, слушай!

... Жила-была девочка. И звали ее Ирочка. У нее, конечно, не было серой шерстки и глазок-бусинок, как у некоторых, но она была тоже весьма милая девочка: глазки круглые, волосы блестящие, ручки розовые. Ирочка была умная и старательная девочка. Она и пела лучше всех, и танцевала, и на любой вопрос учителя знала ответ. Училась она в светлой новой школе, с углубленным преподаванием ряда предметов. Мама у нее была инженер, папа — ведущий инженер. Они выписывали журналы «Коммунист», «Знание-сила», а также «Юный натуралист» для Ирочки, с картинками разных мышей. Папа, мама и Ирочка покупали в магазине творог и бублики с маком и ходили на веселые демонстрации. Когда девочка получала в четверти пятерки — ее вели в мороженицу-«Лягушатник» на Невском.

— Мама! **Какая хорошая, веселая сказка!**

— Да, мне тоже так кажется.

Они носили одежду, сшитую на фабрике «Большевичка», ели конфеты, произведенные на фабрике имени Крупской, душились духами «Красная Москва» и копили на машину «жигули». Мама ходила на профсобрания, папа ходил на партсобрания, девочка читала политинформации. На партсобраниях, в передовицах газет и даже в журнале «Крокодил» говорилось об одном: как светло, радостно и безопасно жить Здесь, и как скверно, хлопотно и опасно жить Там.

— Где «Здесь»? Где «Там»?

— Не мешай рассказывать! Там — это при Кот-питализме. Там питаются только коты, а бедным мышам и бедным людям достаются только гнилые корочки! — Мышонок был уверен, что мама напутала, и это называется не так, но не стал спорить, чтобы не прерывать сказку.

— Итак, они жили в просторной, светлой квартире из двух комнат впятером и надеялись, что через пару лет институт выделит квартиру побольше. Они не только никогда не были в Риме, Париже, Лондоне и Берлине, но и не мечтали там побывать. И что было совершенно запрещено — это ругать дяденек, которых звали

Политбюро, а то они бы сильно рассердились и превратились в злых, страшных котов.

– Мама! Мне кажется, сказка становится грустной! Почему так много было нельзя?

– Ты прав, малыш! Наша сказка стала **очень грустной**, хотя, как ни странно, – это та же самая сказка! Но теперь самое время появиться фее! Итак, когда девочке исполнилось восемнадцать лет – пришла к ней фея-крестная.

– Фея была мышью?

– Возможно, что и мышью. Даже определенно – мышью. Но при этом она была настоящая волшебная фея! Она сказала, что Политбюро – это страшный кот, и Политбюро превратилось в кота и убежало. И фабрика «Большевичка» превратилась в кота и убежала. К сожалению, мамин институт тоже превратился в кота и убежал. Зато появился заграничный принц.

Схватила мышь-фея девочку за руку, клик-клик – и девочка уже в Лондоне, а на пальце у нее – волшебное колечко. И принц рядом стоит, гладит ее по голове, утешает.

– Бедная моя русская девочка, – говорит. – Ты жила в страшной сказке, а я тебя спас. У вас там было КГБ и всех посылало в Сибирь. У вас не было Джинсов и Жевачки. У вас не было Королевы и Биг-Бена. Вам нельзя было ругать Власть, а нам можно. Вам было плохо и опасно, а теперь тебе будет хорошо и весело. Там было все нельзя, а здесь – все можно!

Девочке казалось, что она жила в **веселой** сказке, может, местами по-человечески **грустной**, но уж никак не **страшной** – но она не стала спорить. Девочка погуляла по Лондону, посмотрела на Биг-Бен, и ей понравилось. Действительно, подумала она – тепло и приятно. Что ж, подумала она, может это и была страшная сказка, может, и было КГБ. Может, она просто не заметила – маленькая была. Но теперь-то она точно попала в добрую волшебную сказку!

Мама беспокоилась: «Ты все хорошо обдумала, дочка? Все-таки там Кот-питализм – каждый сам за себя!» «Спокойствие, – отвечала девочка. – Тут мармелад в банках, и все говорят “фантастик” и “сорри”! Все будет хорошо!»

– Это у нее форма офигения от западной жизни! – заорал из соседней комнаты начитанный брат, но получил от мамы по голове подушкой.

Девочка послала маме флакончик духов «Паломы Пикассо», а мама сказала: «Хорошие духи, точь-в-точь как “Красная Москва”!» И перестала так сильно беспокоиться за дочку.

И стала девочка жить-поживать, духи «Эскада» покупать и учиться водить машинку, «пежо» серебристого цвета, в отпуск на Ибицу ездить. Люди вокруг вежливые, еда вкусная, мармелад в банках. Муж заботливый. Мышь-фея у компьютера спит, пригрелась.

– Мама! Какая **добрая сказка**!

– И мне, сынок, нравится эта сказка! Так вот, стала она жить-поживать. Нашла работу, стала сама зарабатывать. Офис чистый, светлый, коллеги милые, улыбаются. Вот звонит она по одному телефону и говорит: «Не хотите ли купить наш товар?» А ей отвечают: «Какое интересное предложение! Мы подумаем!» – что в переводе с английского значит «видели мы ваш товар в гробу и в белых тапочках!» Тогда звонит другой телефон, и ее спрашивают: «А вы наш товар не хотите ли купить?» – «Непременно!» – говорит девочка, – после дождика в четверг!» – и улыбается в трубку: они же не знакомы с русскими идиомами!

Так стала девочка Полезным Членом Общества – приходила домой, полчаса смотрела Коронейшн Стрит и валилась спать.

Муж тоже работал допоздна, уставал. Сам – хороший, умный, интеллигентный, образованный. За год целую книжку прочитал, «Кот Да Винчи» называется. И все его друзья тоже работали допоздна и тоже прочитали «Кота Да Винчи». И на работе пили чай из пакетиков и иногда (кто поумнее) обсуждали «Кота Да Винчи». И все ее подруги тоже много работали, учились по вечерам водить машину и приходили на русские дискотеки потопать под «Черный Бумер» и Верку-Сердючку...

Мама-мышь замолчала и выжидательно посмотрела на мышонка. Он задумался, помолчал немного и неуверенно сказал:

– Мне кажется, это все-таки **очень грустная сказка!**

– Ты опять прав, мой умный мышонок! – воскликнула мама-мышь. – Девочка и не заметила, как очутилась в очень грустной сказке. Ну что ей было делать? Время звать фею! Ну, растолкала девочка пригревшуюся у компьютера мышь-фею и рассказала ей, как добрая сказка превратилась в сказку скучную. И схватила фея девочку за руку, и побежали они быстро-быстро куда глаза глядят.

И прибежали они во дворец, полный огней и музыки. Смотрят – а там прекрасный принц. Кожа у принца оливковая, глаза черные, как агаты, волосы волнистые, речи сладкие, и все про сродство душ да про влияние звезд. В сундуках у него богатства несметные. По гороскопу – Лев. Вот она – настоящая сказка!

Ну, девочка погуляла по его хоромам, посмотрела вокруг – и послала мужу sms-ку: «Нашла принца тчк ты не настоящий принц тчк а наши конфеты все-таки вкуснее ххх». Поселилась в комнатке за триста фунтов в месяц и принялась мечтать. Принц, конечно, рад-радехонек, потому что у Зарима есть русская девочка-модель, у Карима есть русская девочка-модель, один он без русской девочки маялся, а вот тут так подфартило.

И вот гуляли они, гуляли под звездами, а девочка все смотрела принцу в глаза и таяла. Она даже дарила ему подарки, наскребая денежки из своей небольшой зарплаты, чтобы показать, что ей ничего от него не надо. И все читала книжки «Как приобрести уважение мужчин», но это были книжки про простых заморских принцев, вроде ее бывшего мужа, простого парня из Йоркшира, а не самых-самых настоящих принцев, которым законы не писаны.

... И вот через некоторое время у девочки заболел животик. И пошла она к врачу. И врач ей сказал: «Поздравляю! У вас в животике завелся маленький ребеночек, он там немного поживет, а потом выберется – вот какая радость!» И девочка подумала: «Вот какая радость!» И побежала к принцу. А тот и говорит: «Я тебя любил? Любил! Я тебя лелеял? Ну, лелеял немножко, да! А ты так нечестно со мной поступаешь, вах! Ты меня поймать хочешь, зых! Сменю тебя на русскую модель новой модели!»

Обернулся котом и убежал.

А гордая девочка сказала: «Ну и не надо! У меня будет малыш с черными глазами-бусинками, и никакие мужики мне будут не нужны!» И все ее подружки закричали ей: «Не будь душой! Не коверкай себе жизнь!» А она смотрела на них круглыми глазами и говорила: «Я видела скан. У него сердце бьется!»

Вот такая получилась «Москва слезам не верит»... Но вокруг все-таки был Кот-питализм, и каждый сам за себя, как и предупреждали мама и журнал «Крокодил».

И вот через некоторое время студенческие долги выросли совсем большие, а на работу через агентство ее перестали приглашать, и очутилась она совсем одна, в council flat. Девочка Ирочка лежала на узкой кровати, одна-одинешенька, в чужой стране, и плакала, и ей казалось, что она попала прямоком в одну из историй из старого журнала «Крокодил» про жизнь при Кот-питализме, когда хорошо только богатым и плохим, а бедным и хорошим – плохо.

Мышонок крепился-крепился – да и зарыдал:

– Это не грустная сказка, это – **самая страшная сказка**, которую я слышал! Как мне жалко девочку Ирочку!

И побежал мышонок искать девочку Ирочку. И так долго он ее искал (мир-то большой, а ножки у мышонка – маленькие!), что девочка успела состариться и превратилась в бабушку. Когда мышонок ее нашел, бабушка Ирочка лежала в своей бедной-пребедной каморке и не могла встать с постели.

– Ирочка, я пришел тебя спасти! Что ты сделала со своей жизнью? Посмотри вокруг! Того ли ты ждала?

– Милый мышонок! – ответила бабушка Ирочка слабым голосом. – Ты не понимаешь. Меня всю жизнь берегла моя фея-мышь. Посмотри сам!

Посмотрел мышонок на фею своими глазками-бусинками – и увидел страшного Кота. Тогда и Ирочка увидела, кто скрывался под личиной феи-мыши.

– Боже, что я наделала? Зачем не слушала маму? – заплакала Ира. – Ах, если бы я могла всё начать сначала!

И глядь – стала бабушка снова девочкой. И снова она сидела в «Лягушатнике», и рядом были Папа с Мамой, в железной мисочке таяло земляничное мороженое с орехами, а вокруг ходили веселые демонстрации и висело Политбюро. “Now, this is my kind of fairy-tale”, – подумала счастливая Девочка и засмеялась, да так, как не смеялась никогда в жизни. И жили они долго и счастливо, и не нужны им были ни поддельные феи, ни заморские принцы.

«Все-таки это хорошая сказка!» – решил мышонок. И уснул, свернувшись клубочком на телевизоре «Радуга»...

СЕРАЯ ЗОНА

РОМАН

Моим близким и памяти тех, кого уже нет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АЛЕКС

1

Было шесть утра. В низинах туман еще не рассеялся, и Алекс вел «лэндровер» медленно, почти на ощупь. А на западе, слева от дороги, солнце уже освещало вершины Скалистых гор. В Канаде их называют «рокки». Там, где дорога выходила из лощины, тумана не было, и открывался завораживающий вид на далекие утесы. Раньше Алекс не упускал случая остановить машину, постоять несколько минут на обочине и как бы подзарядиться первозданной энергией, исходящей от этой могучей девственной природы. Но сейчас он не мог думать ни о чем, кроме дела, ради которого вот уже несколько месяцев торчал в маленьком сонном городке с красивым названием Вермиллион, затерявшемся среди озер и болот где-то на севере Альберты. Все это время по два-три раза в неделю, в любую погоду он мотался по той же самой дороге в необитаемый район, даже не имевший названия и обозначенный только координатами, на стыке трех провинций – Альберты, Британской Колумбии и Северо-Западных территорий. В центре района находились невысокие холмы Камерон. А к северо-западу от них простирались места, знакомые с детства по рассказам Джека Лондона. Слова «Маккензи», «Клондайк», «Юкон», «Форт Дausон», как отзвуки золотой лихорадки, мгновенных обогащений и столь же быстрых разорений, не переставали и сейчас волновать его воображение. Параллели напрашивались сами собой. В такие минуты Алекс лишь иронически усмехался и гнал от себя эти навязчивые книжные сравнения.

«Лэндровер» вынырнул из-за последнего поворота, и невдалеке показались ажурные очертания буровой вышки. В голове произвольно возникла мысль: «Ну вот, момент истины приближается». Алекс выругался: «Опять эти чертовы банальности». Он злился, когда вдруг лезли в голову или срывались с языка затертые слова. Но именно они почему-то всегда первыми приходили на ум. Надо же – «момент истины», как в плохом детективе. «Ладно, не будем придирааться к словам, – примирительно подумал он, – скажем иначе: вот сейчас станет, наконец, ясно – кто есть кто, а кто есть никто». И хотя вероятность того, что он и Андрей могут оказаться «ником», была теперь очень мала, мысль об этом нет-нет да закрадывалась в сознание. «Все будет хорошо. Все должно быть хорошо», – Алекс привычно отогнал тревожные сомнения.

Он остановил машину рядом с фургоном геофизиков. Они были здесь с вечера и уже ждали его.

- Привет, Крис. Как дела? – обратился Алекс к старшему оператору Гибсону.
- Все идет нормально, док. Заканчиваем спуск.

Они понимали друг друга с полуслова. Речь шла о спуске в скважину кабеля со специальным зондом для регистрации электрических параметров горных пород. Через несколько минут Крис сообщил, что спуск закончен, зонд достиг забоя и спросил:

- Ну что, начнем записывать?
- Начинайте, – ответил Алекс.

– О'кей, начинаем, – Крис дал знак оператору лебедки, и тот перевел агрегат в режим подъема.

Кабель начал медленно наматываться на барабан, и с этого момента датчики зонда стали посылать непрерывные сигналы на приемное устройство. Кривые трех разных электрических параметров записывались одновременно. В совокупности они давали четкое представление о минеральном составе горной породы и о пластах, которые могут быть заполнены нефтью. Подъем зонда из скважины напоминает, при известном воображении, извлечение из земли моркови, на французском – каротаж (от *carotte* – морковь). Поэтому изобретатели метода, французские евреи братья Шлюмберже (Шломберг), назвали его каротаж и ввели этот шуточный термин в профессиональный лексикон нефтеразведки. Впрочем, американцы предпочитают более грубоватое название – лог (бревно), а исследование называют логгинг.

Алекс прильнул к экрану компьютера. Нижние триста метров показывали обычное чередование геологических пластов – известняков, глин, песчаников. Зонд продолжал медленно ползти вверх. Внезапно, на глубине две тысячи метров, левая кривая дала резкий отрицательный пик и одновременно две другие – столь же резкий положительный. Они как бы оттолкнулись друг от друга. Это противостояние пиков, направленных в разные стороны, сохранялось на протяжении тридцати метров, а затем кривые снова сблизились и вернулись к прежней спокойной маловыразительной форме. Алекс почувствовал, как кровь застучала в висках. За четверть века работы нефтяным геологом он пропустил через свои руки тысячи каротажных диаграмм. Но каждый раз, когда в новой скважине он обнаруживал этот характерный для нефтяного пласта «отпечаток пальцев» – комбинацию одной отрицательной и двух положительных аномалий, – его снова охватывало волнение, как и тогда, много лет назад, во время первой самостоятельной разведки на Северном Кавказе. А сейчас повод был особый, не сравнимый ни с каким другим за всю его прошлую карьеру. Это было нечто фантастическое, прорыв, в который трудно было поверить, но который все-таки стал реальностью и теперь может изменить всю технологию нефтяной разведки.

Крис, видимо, заметил его состояние.

- Что, понравилась картинка, док?

– Нормально. Бывают хуже, бывают лучше. Сделай мне принт, – попросил Алекс, стараясь не выдать волнения.

Через минуту из принтера вышла лента с диаграммой. Алекс положил ее на рабочий стол, закрыл глаза и провел пальцами по аномальной полосе, как слепой по тексту Брайля. «Мистика какая-то, – подумал он, – я почти осязаю нефть». На диаграмме нефтяной пласт толщиной тридцать метров занимал полосу шириной не больше десяти сантиметров. Алекс продолжал водить по ней пальцами, будто боялся, как когда-то в детстве, что это всего лишь красивый сон, который исчезнет как только откроешь глаза. Наконец он перестал ощущивать диаграмму и снова взглянул на нее. Ничто не исчезло, пласт-красавец был на месте. Алекс смотрел на него с таким чувством, с каким архитектор смотрит на свое творение и авиакон-

структор – на созданный им самолет. Разница была лишь в том, что он не создал этот пласт, он его вычислил. А если точнее, то электронный сигнал, указывающий на присутствие нефти, был впервые получен на экране другого компьютера за тысячи километров отсюда и задолго до бурения скважины. Но он никогда не увидит пласт в реальности, только на диаграмме. В этот момент он даже забыл о том, о чем они с Андреем не переставали думать и говорить весь последний год – их открытие взорвет нефтяную разведку, разрушит ее инфраструктуру, сделает ненужной отработанную до совершенства технологию и приведет к исчезновению сотен геофизических компаний. А такие дела безнаказанно не проходят. Они успокаивали себя тем, что до этого еще далеко, что у них еще будет время все обдумать и найти какое-то решение. И вот сейчас эта десятисантиметровая полоска вернула Алекса к действительности. «Черт возьми, а может быть, времени остается не так уж много, возможно, «день икс» где-то за ближайшим поворотом, – с тревогой подумал он и снова поймал себя на мысли, что детективный сюжет неотвязно вертится в голове. – «День икс» – это же из какого-то шпионского триллера. Но если бы только триллер! То, что их может ожидать, не укладывается в схему самого крутого сценария».

... Кабель медленно наматывался на барабан, приборы продолжали регистрировать параметры.

– Что там выше? Есть что-нибудь? – Алекс прервал затянувшееся молчание.

– Ничего особенного. Рутинка. Правда, над нижним объектом как будто бы есть еще метра три с нефтью, – ответил Крис.

– Понятно, – Алекс старался проявлять такое же «рутинное» спокойствие.

Крис Гибсон не знал, да и не должен был знать, как они вышли на этот участок. Он отвечал лишь за определенную техническую операцию. В таком же неведении находился и инженер Боб Адамс, руководивший бурением. Ему была заказана скважина в определенной точке на определенную глубину. Подробности он знать не должен. Оба они работали в специализированных сервисных фирмах.

Алекс снял с пояса мобильный телефон и набрал номер в Тель-Авиве. Там было три часа ночи, но Андрей ответил сразу.

– Не спишь? – спросил Алекс.

– Даже не ложился. Рассказывай.

– Только что провели каротаж. Детали опускаю. Главное – мы в бизнесе. В большом бизнесе. Поздравляю.

– Спасибо, Лёха. Нельзя ли подробнее? – Андрей назвал Алекса его школьным именем.

– Если подробнее, то тридцать метров чистой нефти на глубине две тысячи.

– Ё-мое... Что будешь делать дальше?

– Спущу пластоиспытатель на буровых трубах. Надо измерить давление в пласте и отобрать пробу нефти. Потом спуск обсадной колонны, перфорация и промышленные испытания. В общем, стандартные операции.

– Сколько времени займет испытатель?

– Если все будет нормально, то день-два.

– Последний вопрос, из-за моего невежества. Неужели можно вот так, только по диаграмме, сказать с полной уверенностью, что это чистая нефть и толщина пласта именно тридцать метров?

– Не всегда. Но в данном случае можно. И все же я решил застегнуться на все пуговицы, поэтому перед обсадкой скважины поработаю испытателем.

– Ну, дай бог. Постучим.

– Постучим. Спокойной ночи, Андрюха. Арриведерчи, – это красивое итальянское слово прилепилось к Алексу когда-то в Риме, и он никак не мог от него избавиться.

- Спокойной ночи. Ах да, у тебя еще день, – спохватился Андрей. – Утром позвоню Соросу. Обрадую старика.
- Привет ему от меня – Алекс отключил телефон.

2

Прошло три дня. За это время испытатель пласта полностью подтвердил прогноз Алекса. Из скважины была отобрана проба нефти. Она оказалась высокого качества, а пластовое давление обеспечивало ее добычу фонтанным способом. Отпадала необходимость в дорогостоящих скважинных насосах для подъема нефти на поверхность.

Когда из бурильной трубы извлекли немного нефти, Алекс обмакнул в нее большой палец, а затем подул на ноготь. Нефть равномерно растеклась по нему тонкой пленкой. Он внимательно посмотрел на нее и удовлетворенно отметил: «Чистая нефть, без малейшей примеси воды». Буровики с любопытством смотрели на него.

- Что это вы колдуете, док? – спросил инженер Боб Адамс.
- Смотрю, есть ли вода.
- Вода? Но ведь она в эмульсии не видна на глаз. Мы можем сделать анализ и определить точно, – предложил Адамс.
- Не видна, конечно. Но если смотришь двадцать пять лет, то начинаешь видеть...

С этим приемом Алекс познакомился еще во время институтской практики на одном из грозненских нефтяных промыслов. Был он тогда в обучении у старого мастера с запоминающимся именем – Филимона Сердечкина, проработавшего в добыче нефти сорок лет. Мастер неспешно, но основательно передавал ему секреты профессии, которых нет в учебниках. Был среди них и «анализ по ногтю». Алекс несколько раз, с согласия Филимона, проверял его самого – перемешивал разные объемы нефти и воды до состояния однородной эмульсии, и тот определял содержание воды с точностью до одного процента. Тут же проводили лабораторный анализ, и результат полностью подтверждался. К концу практики Алекс и сам, к удовольствию мастера, освоил этот метод и потом не раз удивлял им сослуживцев. Однажды даже выиграл на спор бутылку коньяка.

Тем временем трейлеры заканчивали подвоз труб для обсадной колонны. Их сначала выгружали на горизонтальный помост, а затем устанавливали вертикально на площадке около вышки. Вертикальная труба захватывалась специальным устройством, приподнималась над площадкой, переносилась к устью скважины и опускалась в нее. Верхний конец зажимался, и к нему подавалась следующая труба, которая свинчивалась с первой огромными гидравлическими ключами. Потом обе они опускались в скважину, и операция повторялась. Таким образом, труба за трубой, была опущена колонна общей длиной более двух километров.

Как только спуск колонны закончился, в дело вступили цементировочные агрегаты. Их задача состояла в том, чтобы заполнить скважину цементным раствором, а затем выдавить его через низ колонны в затрубное пространство и поднять на нужную высоту между колонной и стенками скважины. После завершения этой операции скважина была оставлена в спокойном состоянии на сутки, чтобы цемент схватился и образовал прочное кольцо вокруг обсадной колонны.

Наконец, наступил решающий этап – создание постоянных каналов, по которым нефть будет поступать из пласта в скважину. Для этого в колонну, заполненную тяжелой буровой жидкостью, была спущена на электрическом кабеле гирлянда перфораторов. Ее установили точно напротив пласта. В многочисленных радиально расположенных горизонтальных стволах перфоратора размещены мощные кумулятивные заряды, способные пробить стальную трубу и цементное кольцо.

Алекс не мог даже вспомнить, сколько раз он проводил такие операции на скважинах, но только дважды до этого ему захотелось самому встать у пульта и нажать кнопку. Один раз это было при открытии первого в его жизни месторождения, а другой — незадолго до отъезда из России, когда он решил таким образом отметить свое последнее открытие в стране. И вот сейчас он подумал, что не только должен сам произвести залп, но и дать такую возможность своему другу и партнеру. Это будет символично и справедливо.

Неожиданный ночной звонок встревожил Андрея.

— Что-то случилось? — сон моментально слетел с него.

— Все в порядке, Андрей. Просто мы спустили перфоратор и сейчас будем простреливать колонну. Не хочешь ли принять участие?

— С удовольствием. Но как это сделать?

— Ну, дай команду. А я ее выполняю. Я готов.

— Огонь из всех стволов! — вдруг отчеканил Андрей командирским голосом.

— Есть огонь! — ответил Алекс и нажал кнопку.

Так, впервые в истории, скважина в Канаде была прострелена по команде из Тель-Авива. «Хороший газетный заголовок, — усмехнулся Алекс. — Находка для журналистов». Приборы зафиксировали залп. Тонкие струи жидкого металла, выброшенные из перфораторов со скоростью десять километров в секунду, пробили сталь и цемент, отделявшие скважину от нефтяного пласта. И если бы не столб тяжелой буровой жидкости, которой была заполнена колонна, нефть ворвалась бы в нее с бешеной скоростью через пробитые отверстия и устремилась к поверхности. Теперь только эта жидкость удерживала ее в пласте. Следующий день ушел на постепенную замену буровой жидкости более легкой водой до того момента, когда давление водяного столба стало меньше давления в пласте. Нефть начала медленно поступать в скважину, вытесняя воду.

В конце дня Алекс записал в дневнике: «Сегодня группа Double AA («Дабл Эй») открыла первое в мире нефтяное месторождение Камерон методом прямого обнаружения». «Дабл Эй» означало двойное AA. Андрей расшифровывал это как «Алекс и Андрей», а Алекс — как «Андрей и Алекс». Но в документах расшифровки не было, указывалось только «AA».

Скважина-открывательница была оснащена необходимым для фонтанной добычи нефти наземным оборудованием и законсервирована. Оплата за нее поступила на счет буровой фирмы «Дриллинг Энтерпрайз» из швейцарского банка. Инвестиционная группа «Дабл Эй» заказала этой же фирме бурение четырех дополнительных разведочных скважин для точного определения границ месторождения и запасов нефти. Контракт с фирмой подписал генеральный директор «Дабл Эй» доктор геологии Алекс Франк.

До начала бурения оставалась неделя, и в это время возникли некие непредвиденные обстоятельства. Алекс срочно прилетел в Израиль, чтобы обсудить их. На следующий день они встретились втроем — Алекс, Андрей и тот, кого они называли между собой «наш Сорос». Его настоящее имя было Шмуэль. Это был человек очень известный в стране и очень богатый. Алекс и Андрей познакомились с ним год назад. Они пришли к нему практически с улицы, без рекомендаций и без помощи посредников. Просто позвонили, и секретарь назначила им встречу. Их единственной рекомендацией были прошлые профессиональные достижения и результаты проверки метода на уже известных нефтяных месторождениях. Имея печальный опыт предыдущих подобных встреч, они ожидали столкнуться с недоверием и плохо скрытым подозрением, что два проходимца с докторскими дипломами пытаются раздобыть деньги на какую-то псевдонаучную аферу. Но на этот раз все было иначе. Шмуэль сразу же расположил их своей простотой, открытостью и стремлением вникнуть в самую суть технических вопросов. Он встретил их широкой улыбкой, которая, впрочем, не скрывала хитрого прищура глаз.

- Молодые люди хотят поговорить о деньгах. Я не ошибаюсь?
- Нет, не ошибаетесь, – в тон ему ответил Алекс.
- Прекрасно. Молодые люди хотят предложить деньги мне или просить у меня?
- продолжал Шмуэль в нарочитой манере старого мудрого еврея, который знает все о деньгах и о людях.
- Предложить вам.
- Так я и знал, – удовлетворенно произнес Шмуэль, – молодые люди хотят предложить мне сто тысяч долларов в обмен на мои двести. Или я что-то напутал в арифметике?
- Немножко напутали. Мы хотим предложить вам двести пятьдесят миллионов в обмен на пятнадцать.
- О, это уже становится интересным. Можно спросить, из чего молодые люди собираются сделать двести пятьдесят миллионов?
- Из ваших пятнадцати, – невозмутимо ответил Алекс.
- Очень, очень знакомо. Ну что ж, рассказывайте, – Шмуэль откинулся на спинку кресла и приготовился слушать, не скрывая иронии умудренного жизнью человека.

Их разговор продолжался четыре часа. Уже через полчаса Шмуэль распорядился, чтобы его ни с кем не соединяли и не отрывали никакими вопросами. По мере того как Алекс и Андрей раскрывали суть дела, его прежнее благодушно-шутливое настроение сменялось сосредоточенным вниманием и нескрываемым интересом. Все было для него новым и незнакомым. Поэтому он попросил начать с основных принципов нефтяной разведки. Его особенно поразил тот факт, что из каждых ста разведочных скважин находят нефть в не более чем двадцати, а остальные восемьдесят оказываются «сухими», и затраты на их бурение не окупаются. Иными словами, по степени риска и по размеру вознаграждения за него в случае успеха никакая другая промышленность даже не приближается к поискам нефти. И этот огромный риск постоянно сопутствует нефтяному бизнесу, несмотря на то, что разведка опирается на самую современную науку и технологию. Сегодня, как и сто лет назад, ответить на главный вопрос: есть ли на каком-то конкретном участке нефть или ее здесь нет? – может только скважина. Пока она не пробурена, геологи и геофизики оперируют лишь таким зыбким критерием, как степень вероятности. Решение о бурении разведочной скважины – этого самого дорогостоящего этапа поискового процесса – всегда принимается при отсутствии уверенности в конечном положительном результате. Каждый разведчик знает, что окончательный ответ может дать только «профессор долото». А этот «профессор» – самый дорогой эксперт в мире. Однако без его помощи нефтяная разведка обойтись не может. «Причина в том, – закончил Алекс, – что образование залежей нефти в недрах земли – это все еще один из самых загадочных природных феноменов. Многие знают о нем немного, немногие – много, но никто не знает достаточно».

Шмуэль внимательно слушал.

– И вы утверждаете, молодые люди, что не нуждаетесь в помощи этого дорогого «эксперта», как вы его называете, и что еще до бурения скважины можете сказать – есть ли под землей нефть. Если я правильно понимаю, вы можете пробурить сто скважин, и ни одна из них не будет сухая? – Шмуэль не скрывал своего недоверия.

– Вы поняли совершенно правильно. Именно это мы утверждаем, – твердо ответил Алекс.

– Не могли бы вы объяснить, как это можно сделать?

– Разумеется, мы готовы дать необходимые объяснения. Но, если не возражаете, на данном этапе мы хотели бы воздержаться от некоторых технических деталей, которые составляют ноу-хау. Если мы придем к соглашению, то вы получите техническую информацию в полном объеме.

– Хорошо, – согласился Шмуэль. – Рассказывайте, что можете, но только так, чтобы я понял.

– Эту часть дела объяснит доктор Шейнман. Он физик-электронщик, и это его область. Хочу только добавить, что наш метод поисков нефти является так называемым методом прямого обнаружения. В этом его отличие от всех других применяемых сегодня поисковых технологий, которые основаны на косвенных признаках присутствия нефти.

Разговор продолжил Андрей.

– Если коротко, то мы отбираем на участке, который нужно оценить, образцы почвы с глубины два метра от поверхности. И анализируем их на специальном приборе, который я сконструировал. Общий принцип этого анализа хорошо известен в физике и широко применяется в разных областях. Но я ввел в него дополнительную операцию, которая позволяет определить некий ранее неизвестный физический параметр. Мы называем его индекс. И этот индекс ведет себя различно на участках, где есть нефть и где ее нет. Количественная разница между ними в среднем десятикратная, то есть если условно принять индекс на участке без нефти за десять, то на нефтяном он составляет примерно сто. Это как отпечатки пальцев. Ошибиться просто невозможно. Иными словами, индекс содержит прямую информацию о наличии или отсутствии нефти.

– Где был проверен ваш метод и каковы результаты? – вопросы Шмуэля становились все более четкими и конкретными.

– Метод был проверен на четырех месторождениях в России, на трех в Америке и на одном в Израиле около Ашкелона, которое у нас, как вы знаете, единственное. В общей сложности на восьми месторождениях. Во всех случаях получено стопроцентное подтверждение, то есть, как я уже сказал, разница между образцами, отобранными над нефтяными залежами и за их пределами, в среднем десятикратная.

– У вас есть какое-то документальное подтверждение того, о чем вы говорите?

– Есть таблицы анализов, спектральные диаграммы, карты месторождений с точками отбора образцов и величинами индекса.

– Они у вас с собой?

– Да, конечно. Хотите посмотреть?

– Обязательно.

Андрей разложил на столе материалы и дал объяснения.

– Удивительно, но я все понял, – воскликнул Шмуэль. – Это настолько просто и понятно, что возникает вопрос – а не нарисовали ли вы это сами?

Андрей и Алекс пожали плечами и натянуто улыбнулись. После короткого замешательства Алекс сказал:

– Ну, во-первых, насчет простоты. Это так же просто, как Колумбово яйцо. Пока Колумб не примял верхушку и не поставил его вертикально, никому даже в голову не приходило, что так можно сделать. А во-вторых, насчет того, что мы это сами нарисовали. Если нарисовали, то с какой целью? Один умный человек сказал: обманывать других – грех, обманывать себя – преступление.

– Ну, знаете... Вам же нужны деньги. А ради денег можно и не такие картинки нарисовать.

Наступило неловкое молчание.

– До денег мы еще не дошли. Перед тем как принять решение, у вас будет возможность сделать собственную независимую проверку. Пошлите своих людей на месторождение под Ашкелоном. Пусть они отберут образцы в любых точках над нефтяной залежью и за ее пределами. Технически это несложно. А мы сделаем анализы. Результаты вы нанесете на карту, и тогда все станет ясно, – нашел выход Алекс.

Предложение Шмуэлю понравилось.

– Ну что ж, пожалуй, мы так и сделаем. А сейчас еще один вопрос. Я не очень силен в физике, но хотелось бы знать, как возникает эта десятикратная разница вашего параметра, за счет чего?

Ответ поразил Шмуэля.

– Мы этого не знаем. Мы просто наблюдаем ее эмпирически, но физическая природа явления нам неизвестна.

– Позвольте-позвольте. Как это – неизвестна? Это что же – шаманство?

– Ну, не совсем шаманство. Но если хотите, можно назвать и так. Мы не возражаем. Главное, что оно позволяет «видеть» нефть под землей.

– И вы хотите получить пятнадцать миллионов долларов под метод, который даже не можете объяснить? – Шмуэль намеренно старался казаться возмущенным, хотя заинтересованность его была очевидной.

В разговор вмешался Алекс.

– Но в этом нет ничего необычного. В истории техники не раз бывало, что открытие начинали применять на практике задолго до того, как могли объяснить его теоретически. Возьмите компас. Письменные упоминания об использовании его мореплавателями относятся к одиннадцатому веку, а первая гипотеза земного магнетизма, объяснявшая поведение магнитной стрелки, была выдвинута Джилбертом лишь спустя три столетия. Природа позаботилась о том, чтобы тайны и их разгадка лежали достаточно далеко друг от друга – и во времени, и в пространстве. Представьте себе судьбу мореплавания до Джилберта, если бы от компаса отказались на том основании, что физическая природа его неизвестна. Разумеется, без теории природные явления объяснить нельзя, но использовать можно.

Этот пример не рассеял сомнения Шмуэля.

– Допустим. Но все же здесь есть о чем подумать. Пятнадцать миллионов – большие деньги. Нужны твердые гарантии, что это надежное дело. Согласны?

– Совершенно согласны, – ответил Андрей. – И поэтому я хотел бы напомнить одну историю, которая поможет вам оценить ситуацию. Однажды к Наполеону пришел некий американец по имени Роберт Фултон и предложил заменить паруса на военных кораблях паровой машиной. Наполеон не считал себя специалистом в морских делах и направил его к своим адмиралам. Их заключение было категорическим – абсурд, паровая машина не может заменить паруса. Разочарованный Фултон переправился через Ла-Манш и обратился с тем же предложением в Британское адмиралтейство. Там подумали и решили, что стоит попробовать. В итоге британский флот заменил парусники паровыми судами, и Англия стала владычицей морей. По существу, каждый, от кого зависит судьба новой идеи, должен принять одно из двух решений – «французское» или «английское». И это определяет его место в истории...

– Я вас понял, – рассмеялся Шмуэль, – вы хорошо подготовились, молодые люди. Компас, паровая машина... И все же пятнадцать миллионов – деньги немалые.

– Хотите узнать продолжение истории с паровой машиной? – предложил Андрей, почувствовав, что интерес Шмуэля нужно немного подогреть.

– А что, еще есть продолжение?

– Есть. И довольно любопытное.

– Давайте. Вы мне устроили интересный день сегодня. Рассказывайте.

– Вы, конечно, знаете, что разработка американской атомной бомбы или Манхэттенский проект начинался с письма Эйнштейна Рузвельту в августе тридцать девятого. В нем великий физик, опасаясь успехов германских ученых в этой области, попытался убедить президента в необходимости создания собственного ядерного оружия. И просил выделить на его разработку крупную по тем временам сумму. Письмо передал Рузвельту научный консультант Белого дома. Президент

прочитал его и сказал, что приближается война и деньги нужны на более реальные вещи, а не на фантастические идеи чудаковатых ученых. И кроме того, добавил он, я просто не представляю, как из невидимого атома можно получить такую уйму энергии. Попытки консультанта объяснить Рузвельту физическую природу явления не поколебали его. Тогда он рассказал историю про Наполеона, Фултона и Британское адмиралтейство. Рузвельт внимательно выслушал и молча написал на письме короткую фразу, адресованную министру финансов Моргенту: «Генри, я полагаю, что предложение профессора Эйнштейна заслуживает положительного решения». Манхэттенскому проекту был дан зеленый свет...

— Черт возьми! — воскликнул Шмуэль. — Атомной бомбой вы меня добились. Давайте говорить о деньгах. Итак, допустим, вы получаете пятнадцать миллионов. Что дальше?

— Дальше мы подаем заявку на участие в одном из тендеров на разведочные концессии или блоки в какой-либо стране. Выбираем район вдали от населенных центров. Перед началом тендера выезжаем в поле и отбираем образцы на всех блоках, выставленных на торги. Удаленность от населенных мест поможет сделать это незаметно. К моменту торгов мы уже будем точно знать, где есть нефть. Выигрываем тендер по бесспорно нефтяному блоку. Если будут конкуренты, то предлагаем наилучшие условия. Получив разведочную концессию, сразу же начинаем бурение без предварительных сейсмических исследований, которые необходимы по существующей конвенциональной «косвенной» методике разведки, но которые еще не гарантируют, что пробуренная по их результатам скважина встретит нефть. Открыв нефть первой скважиной, бурим три-четыре дополнительных для определения размеров и запасов месторождения. После этого выставляем его на продажу, как любой другой вид собственности — завод, танкер, земельный участок. На вырученные деньги проводим такую же операцию в какой-либо другой стране, затем в следующей и так далее. Наш принцип — пришел, нашел, продал. На начальном этапе мы будем избегать повторного появления в одной и той же стране, так как это может привлечь нежелательное внимание нефтяных компаний.

— Во что обойдется открытие одного месторождения и какова может быть его рыночная стоимость? — спросил Шмуэль.

— С учетом бурения четырех-пяти скважин, всех других затрат и накладных расходов открытие и последующая разведка обойдутся примерно в пятнадцать миллионов долларов. В случае среднего по запасам месторождения оно может быть продано не меньше чем за двести пятьдесят миллионов.

— Это означает, что норма прибыли более тысячи шестисот процентов, — быстро подсчитал Шмуэль. — Неслыханно!

— Да, норма прибыли, неизвестная в других отраслях промышленности. Именно она и делает нефтеразведку рентабельным бизнесом даже при условии, что восемьдесят скважин из ста бурятся впустую. Иначе ни одна нефтяная компания не могла бы позволить себе такой риск. Но в нашем случае, пользуясь этой же нормой прибыли, мы одновременно избегаем риска бурения сухих скважин.

— Знаете что, молодые люди, — слишком много информации за один день, — подвел итог Шмуэль. — Я должен все обдумать и посоветоваться со своим адвокатом. Но сначала мы отберем образцы на Ашкелонском месторождении. И для этого мне нужна ваша карта с его границами. Продолжим разговор после получения результатов анализа. Ну что ж, на сегодня все. Благодарю вас. Было очень интересно. Очень.

Через неделю сотрудник Шмуэля доставил пятьдесят образцов, обозначенных только номерами и отобранных как над месторождением, так и за его пределами. В течение двух дней анализы были готовы, и состоялась вторая встреча. Шмуэль тут же, в их присутствии, стал наносить результаты на собственную карту, где были обозначены границы месторождения, точки отбора и номера образцов.

Алексу и Андрею эта карта не была известна. Они сидели в креслах в дальнем углу кабинета и молча наблюдали. Пока Шмуэль был поглощен этим занятием, его лицо оставалось непроницаемым. Наконец он закончил и посмотрел на них так, будто видел впервые.

— Ну что вам сказать, молодые люди, — медленно начал Шмуэль, но затем не удержался и выпалил: — можете считать, что пятнадцать миллионов у вас в кармане.

Через минуту в кабинете появился адвокат Рон Берман и вручил Алексу и Андрею по экземпляру какого-то документа. К их удивлению, это был контракт, подготовленный заранее. Среди прочего в нем содержались следующие условия: отказ от патентования прибора и метода; запрет на передачу ноу-хау любой третьей стороне; полная секретность всего, что связано с местонахождением прибора, проведением разведочных работ и их финансированием; название фирмы не должно раскрывать характер ее деятельности (наш девиз «Esse non videri» — «существовать невидимо», объяснил Шмуэль); фирма должна быть зарегистрирована в офшорной зоне. В параграфе «Распределение прибылей» доля Шмуэля была оговорена в размере семидесяти процентов, а совместная доля Алекса и Андрея составляла остальные тридцать процентов.

После короткого обсуждения они решили принять все условия. Патентование прибора не могло гарантировать его от пиратского воспроизведения, а затем и незаконного использования метода конкурентами. Поэтому наилучшим решением был пример компании «Кока-Кола», которая вот уже почти сто лет тщательно охраняет секрет незапатентованной рецептуры своего напитка. Что касается прибылей, то хотя соотношение было не очень справедливым, Алекс и Андрей не стали поднимать этот вопрос. В конце концов, тридцать процентов выглядели такой привлекательной суммой, что о львиной доле Шмуэля можно было и не думать. Им было хорошо известно «золотое правило» Мэрфи: «Тот, кто владеет золотом, устанавливает правила». Золотом владели не они, поэтому не им и правила устанавливать. Здесь же, в кабинете Шмуэля, они предложили название: «Инвестиционная группа «Дабл Эй»». «Сорос» не возражал. Он не был заинтересован в том, чтобы в названии фигурировало его имя.

3

Через два месяца правительство Альберты объявило тендер на шесть смежных блоков в одном из удаленных северных районов провинции. В течение десяти дней Алекс с помощью нанятого им временного работника отобрал на них образцы почвы и переслал их Андрею почтой «федерал-экспресс». Спустя неделю он получил по факсу результаты. К его удивлению, нефтяным оказался только один блок Камерон, наиболее удаленный от единственного известного в этом районе нефтяного месторождения Блэк Крик. Логика подсказывала, что по этой причине именно он вызовет наименьший интерес у участников тендера. Так оно и произошло. Желающих приобрести этот блок не нашлось, и «Дабл Эй» оказалась единственным заявителем. Соответственно и сумма обязательного взноса при подписании контракта с правительством оказалась наименьшей.

После опубликования в официальном бюллетене результатов тендера его участники решили, что никому не известная группа «Дабл Эй» — это дилетанты, которым некуда девать деньги и которые думают, что поиски нефти — это «русская рулетка». Такое мнение еще более укрепилось, когда стало известно, что группа зарегистрирована в Гибралтаре. А когда «Дабл Эй», не проведя предварительные сейсмические исследования, вдруг заказала скважину буровой фирме «Дриллинг Энтерпрайз», она вообще стала предметом насмешек в деловом клубе Калгари, нефтяной столицы Альберты. С этого момента профессионалы утратили к ней

всякий интерес. Как заметил один местный остряк: «Эти ребята слишком буквально воспринимают закон поиска Мэрфи – начинать надо с самого неподходящего места». Поэтому, когда скаут Джим О'Коннор сообщил компании «Игл Корпорейшн», канадскому филиалу одноименного чикагского концерна, на которую он работал и которая приобрела блок, ближайший к месторождению Блэк Крик, что эти сумасшедшие парни из «Дабл Эй» получили нефть, ему просто не поверили. Вице-президент Билл Дэвис даже высказался в том духе, что компания платит деньги не за то, чтобы он сочинял для них рождественские сказки.

О'Коннор только недавно был принят в Ассоциацию скаутов, и такое недоверие могло отразиться на его профессиональной репутации. Нефтяные компании нанимают скаутов для сбора всевозможной информации о конкурентах и хорошо оплачивают их услуги. Зачастую в своей работе скауты используют не вполне легальные методы, но заказчики смотрят на это сквозь пальцы. Поэтому Джим О'Коннор решил доказать свою правоту. Он отправился из Калгари за тысячу километров в район бурения и сделал несколько фотографий специальной камерой с большого расстояния. На снимках была четко видна фонтанная арматура на устье скважины – свидетельство того, что она уже подготовлена к добыче нефти. О'Коннор вошел с победным видом в кабинет вице-президента и разложил фотографии на столе.

– Что это, Джим? – спросил Дэвис.

– Скважина «Дабл Эй», сэр.

Дэвис бегло взглянул на снимки, и его лицо приняло озабоченное выражение.

– Я был неправ, Джим. Прошу извинить. Это очень важная информация. Надеюсь, мы и дальше будем сотрудничать, – Дэвис дружески похлопал скаута по плечу.

– Все в порядке, мистер Дэвис. Я рад, что фотографии вам понравились. Работать с вами большое удовольствие.

– Понравились или нет – это другой вопрос. А сейчас вот что, Джим. Надо поговорить с ребятами из «Дриллинг Энтерпрайз» и попытаться узнать глубину скважины и все, что касается пластоиспытателя, – если они его спускали. А главное – видели ли они карту, по которой была выбрана точка бурения? Это самое важное. Кроме того, узнай, какая фирма проводила каротаж. С ними тоже нужно встретиться и попытаться выяснить глубину нефтяного пласта и интервал перфорации. Оплата за эту работу – сверх контракта.

– Спасибо, мистер Дэвис. Сделаю все возможное. Как срочно это требуется?

– Очень срочно. Чем быстрее, тем лучше, – с лица Дэвиса не сходила озабоченность.

Через пару дней О'Коннор снова появился в кабинете вице-президента.

– Странные дела происходят, мистер Дэвис, доложу я вам. Люди из «Дриллинг Энтерпрайз» замолкают, как только речь заходит о скважине «Дабл Эй». Я познакомился с парнем из буровой бригады и поставил ему кружку пива. Болтали о том, о сем. Но стоило мне упомянуть эту чертову скважину, как он тут же уткнулся в кружку и тянул пиво минут десять. Удалось только выяснить, что это был какой-то особый контракт с оплатой по высшей категории и что все они подписали обязательство о неразглашении информации. Признаюсь вам, мистер Дэвис, никогда не слышал о таких делах.

– Так, так, Джим. Интересно. А что насчет каротажа и перфорации?

– Каротаж и перфорацию проводила фирма «Вэлл Сервисез». Там дела еще почище, чем в «Дриллинг». Я пригласил оператора лебедки пропустить по стаканчику. Парень компанейский, любитель почесать языком и не дурак угоститься за чужой счет. Выпили мы с ним по одному, потом по другому, потом еще. И тут я задал вопрос насчет «Дабл Эй». Мой приятель сразу протрезвел, как-то нехорошо посмотрел на меня и спросил: «Слушай, парень, тебя кто прислал?» Встал, расплатился и ушел. Такие дела, мистер Дэвис, доложу я вам, – Джим О'Коннор был в полном недоумении.

– Спасибо, Джим. Ты хорошо поработал, – Дэвис сказал это без иронии, но Джиму в его словах почудилась насмешка.

– Очень сожалею, мистер Дэвис. Поверьте, я старался как мог. Но если человек не хочет говорить, тут уж ничего не поделаешь.

– Не переживай, Джим. Ты все сделал правильно. Спасибо, – успокоил его Дэвис.

В тот же день Алексу позвонил инженер Боб Адамс из «Дриллинг Энтерпрайз» и сообщил, что скважиной усиленно интересуются. Охранник заметил джип «тойота» красного цвета, который целый час кружил вокруг нее на большом расстоянии. Машина несколько раз останавливалась, водитель становился на крышу и фотографировал скважину с разных направлений. Охранник следил за ним в бинокль и даже записал номер машины. А к рабочему из буровой бригады кто-то подсел в пабе и пытался получить информацию. Алекс поблагодарил Адамса и взял у него номер джипа. Вскоре интерес к скважине подтвердил и Крис Гибсон из «Вэлл Сервисез».

«Похоже, карусель начинается раньше, чем мы ожидали», – с тревогой подумал Алекс. Он хорошо представлял себе возможные последствия такого интереса со стороны нефтяных компаний и вероятное развитие дальнейших событий. В бизнесе, в котором крутятся миллиарды долларов, профессиональная этика, рамки приличий и уважение к частной собственности, в том числе к интеллектуальной, существуют только до определенного предела. За этим пределом действуют другие правила, не имеющие ничего общего с так называемыми цивилизованными нормами и порядочностью. Невидимая граница, разделяющая эти две области человеческого поведения, определяется только деньгами. То, что считается предосудительным, когда речь идет, допустим, об одном миллионе долларов, становится возможным при десяти миллионах. При ставке в сто миллионов границы допустимого раздвигаются в геометрической прогрессии. А миллиард долларов снимает любые мыслимые ограничения, все становится приемлемым – взломы, похищения, убийства, транспортные катастрофы с многочисленными жертвами и даже государственные перевороты. За кулисами этих событий могут стоять не только маньяки, жаждущие несметного богатства, но и уважаемые корпорации с их огромными возможностями слежки, шпионажа и организации всевозможных «акций». Там, где речь идет о миллиардных прибылях, правила игры одинаковы и для белых воротничков из роскошных офисов на верхних этажах небоскребов, и для наркобаронов из колумбийских джунглей. Поэтому, получив тревожную информацию от Адамса и Гибсона, Алекс срочно прилетел в Израиль. То, что он узнал, требовало серьезного обсуждения.

4

Шмуэль тепло приветствовал Алекса, обнял, похлопал по спине.

– Выглядишь неплохо, профессор. Но видно, что солнца недобрал. Ничего, здесь прогреешься. Что стряслось?

Алекс рассказал то немногое, что узнал от людей из «Дриллинг Энтерпрайз» и «Вэлл Сервисез». Первым высказал свое мнение Андрей. Его реакция была довольно спокойной.

– Но, может быть, это обычное любопытство, которое компании проявляют друг к другу? Пробурена скважина, обнаружена нефть. Естественно, что другим не терпится получить техническую информацию. Я бы расценил это именно так.

– Дело вот в чем, Андрей. Три компании, которые работают на блоках, соседних с нашим, только сейчас начинают сейсмические исследования. К бурению они приступят лишь тогда, когда обработают сейсмические данные и определят по ним наиболее перспективные участки. А мы за это время без всякой сейсмики

уже пробурили скважину и получили нефть. Сначала они смотрели на нас как на дилетантов, которые вообще не знают, что такое разведка и с чем это блюдо едят. Такие разговоры до меня доходили. А сейчас что-то заподозрили и пытаются разобраться, что происходит. Судя по почерку, пока этим занимаются скауты. Но очень скоро их заменят настоящие профессионалы. И они не отступят, пока не докопаются до сути. Докопаться, конечно, не смогут, но вопросов у них появится много. Я знаю эту публику – чем больше вопросов, тем больше людей и денег будет брошено на то, чтобы расколоть орешек. Можно только гадать, где они остановятся. Если вообще остановятся. И мы к этому должны быть готовы. Нельзя сказать, что все это для нас полная неожиданность. Как вы знаете, мы предусматривали такую ситуацию. Но она может возникнуть гораздо раньше, чем ожидалась. И то, что мы вовремя получили сигнал, дает нам некоторое преимущество. Теперь надо решить, что и как следует делать. Спасибо за внимание, – шутливо закончил Алекс.

Шмуэль и Андрей улыбнулись.

– Я хотел бы узнать насчет того парня, который помогал тебе отбирать образцы. Кто он такой и где сейчас? Могут ли скауты до него добраться? – спросил Шмуэль.

– Это был безработный электромеханик из Квебека по имени Пьер Леже. Он уже собирался возвращаться домой, когда я увидел его на бирже труда в Калгари. Пьер произвел хорошее впечатление, и я предложил ему поработать дней десять за четыре тысячи баксов. Для него это была большая удача, и он сразу согласился. Я снял для него гостиницу в Вермиллионе. Мы работали ручным электробуром, а Пьер хорошо знал этот инструмент. Насколько мне известно, он уехал в Квебек через недели полторы после окончания работы. И все это время жил в Вермиллионе. Близких друзей у него в Альберте не было. Вот все, что могу сказать.

– Ну, будем считать, что с этой стороны все спокойно, – заключил Шмуэль.

– Но вот общая ситуация мне не кажется такой безоблачной. Я с Алексом согласен – мы получили сигнал, и надо как следует подготовиться к возможному развитию событий. Мне кажется, что прежде всего нужно подумать об охране. Я имею в виду и личную охрану Алекса и охрану буровой установки. Не думаю, что на этом этапе возможны попытки покушения, похищения, кражи и подобные трюки. Но слежка наверняка будет, и задача охраны ее блокировать. Как молодые люди к этому относятся?

Андрей казался совершенно подавленным происходящим.

– Я слушаю вас обоих, и начинает казаться, что все мы герои какого-то шпионского детектива. Не знаю, что и сказать. Я о таких делах могу судить только по кинофильмам. Поэтому полагаюсь на ваш опыт и здравый смысл. Если вы считаете, что нужна охрана, то я не против.

– Шмуэль прав, – решительно заявил Алекс. – Задача охраны блокировать слежку и не допустить, чтобы кто-то сунул нос в наши дела. Мне одному с этим не справиться. Тем более что неизвестно, с какой стороны может быть наезд. Поэтому пара профессионалов была бы весьма полезна.

– Очень хорошо. Я имел в виду именно профессионалов, а не телохранителей узкого профиля. Итак, решено.

Шмуэль вызвал секретаря и попросил соединить его с Давидом Бен-Эзрой, директором частного охранного агентства.

– Это мой старый товарищ, полковник в отставке, – объяснил он. – У него лучшие ребята в стране. Суг алеф¹.

– Мистер Бен-Эзра на линии, – сообщила секретарь.

– Шалом, Давид. Как дела? – приветствовал его Шмуэль. – Твоими ребятами еще кто-то интересуется? Даже людей не хватает? Это хорошо. Каждому из нас

¹ Первый сорт – иврит.

чего-то не хватает. Кому здоровья, кому денег, кому людей... Давид, мне нужны трое надежных парней англосаксонского типа, с безупречным английским, неброской внешностью, умеющих думать и анализировать. Работа за океаном. Срок? Минутку, сейчас узнаю.

Шмуэль повернулся к Алексу: «Сколько времени нам нужно, чтобы закончить дела в Альберте?»

– Думаю, месяца четыре. Не меньше.

– Давид, работа примерно на пять месяцев. Спасибо. Жду звонка. Шалом.

Два дня Алекс провел дома. Рахель привыкла к его частым поездкам за границу и принимала это как неизбежность, с которой нужно просто смириться. Раньше, когда он консультировал иностранные компании, они обычно ездили вместе. Но последние два года работа Алекса изменилась, и он не мог брать ее с собой. В чем именно заключалась его новая работа, она не знала, а он не торопился посвящать ее в детали и ограничивался лишь общими словами. Делал он это намеренно, чтобы уберечь семью от возможных неприятностей в будущем, хотя и не мог бы объяснить, каковы они могут быть и каким образом могут затронуть его близких. Было лишь смутное ощущение, что до поры до времени им лучше не знать о его делах. Им – это жене и сыну. Ури служил в армии, в бригаде морских коммандос. Когда Алекс приезжал, его обычно отпускали домой, и им удавалось короткое время побыть вместе. Так было и на этот раз. Ури получил отпуск на несколько часов и приехал на армейском джипе, загорелый, пропыленный. За два года службы он возмужал, окреп, приобрел уверенность в суждениях и поступках. Любуясь сыном, Алекс подумал, что он мог бы быть его надежным помощником в Канаде. Впрочем, нет, он еще слишком молод. Для этой работы нужны более зрелые парни, умеющие не только владеть оружием и приемами рукопашного боя. Это как раз требуется меньше всего. Интересно, кого подберет Бен-Эзра?

Два дня пролетели незаметно, и на следующее утро Шмуэль назначил встречу в своем офисе. Когда Алекс и Андрей вошли в кабинет, там уже находились трое молодых людей лет тридцати, которые встали при их появлении. Шмуэль представил каждого: Габриэль Каминский, Гидеон Эйтан, Морис Шахар. Алекс незаметно обвел их внимательным изучающим взглядом. В их внешности не было ничего примечательного. Строгие темные костюмы, белоснежные рубашки, со вкусом подобранные скромные галстуки, до блеска начищенные туфли. В Канаде они могут сойти за типичных банковских служащих. В то же время в них чувствовалась едва уловимая физическая и интеллектуальная собранность, дававшая ощущение надежности и спокойной уверенности. Это проявлялось в коротких крепких рукопожатиях, сдержанных улыбках, прямых открытых взглядах, в манере говорить, задавать вопросы и отвечать на них.

Алекс рассказал о предстоящей работе. Отвечая на вопросы «охранников», он еще раз подчеркнул основные требования и условия, в которых им придется действовать. Во-первых, у них не будет оружия; во-вторых, силовые приемы допускаются лишь в исключительных случаях; в-третьих, их главная задача – наблюдение и предотвращение любых попыток получить информацию о группе «Дабл Эй». Сюда входят не только технические данные, но и сам тот факт, что группа израильская. В связи с последним условием сразу же возник вопрос о паспортах. У Алекса, кроме израильского, был еще и канадский паспорт. Гражданство он получил несколько лет назад, когда работал в этой стране. Поэтому ни он, ни Шмуэль не подумали сразу о документах для людей Бен-Эзры, у которых были только израильские паспорта. Это, конечно, была оплошность.

– Ну что ж, попробуем найти выход, – Шмуэль попросил секретаря соединить его с охранным агентством.

Он рассказал Давиду Бен-Эзре о возникшей проблеме и спросил, что можно сделать. Вопрос, видимо, озадачил его собеседника, который был не в восторге от этого нового требования.

— Я понимаю, что вы не «Мосад», — ответил Шмуэль, — но у тебя наверняка есть связи и разные специфические возможности... Нет, нет, только не банановая республика... Какая-нибудь англоязычная страна... Само собой — любая сумма. Спасибо, Давид. Я не сомневался. Шалом.

Через два дня «охранники» стали гражданами Южно-Африканской Республики.

5

Мощные гусеничные тягачи компании «Дриллинг Энтерпрайз» перетаскивали буровую вышку и оборудование на новую точку, в четырех километрах южнее нефтяной скважины. Одновременно начался монтаж дополнительной буровой установки на еще одной точке, в одиннадцати километрах к западу от нее. В совокупности эти три точки образовывали треугольник, внутри которого, по данным анализа почвенных образцов, находилось сплошное нефтяное поле. Две следующие намеченные к бурению скважины должны были образовать еще три смежных треугольника. Бурение разведочных скважин по такой треугольной сетке — это стандартный способ определения геометрических размеров месторождения и запасов нефти.

Алекс попросил компанию провести бурение этих четырех скважин не одной буровой установкой, как планировалось ранее, а одновременно двумя. Это позволяло сократить вдвое продолжительность разведки и закончить ее через три месяца. Работа двумя установками была, конечно, значительно дороже, чем одной. Но он, не задумываясь, изменил контракт и принял все финансовые условия «Дриллинг Энтерпрайз». В Тель-Авиве было решено завершить разведку в кратчайшие сроки и как можно скорее выставить месторождение на продажу. Это диктовалось не столько желанием скорейшего получения долгожданной прибыли, сколько необходимостью как можно раньше убраться из Канады.

Люди Бен-Эзры или служба безопасности группы «Дабл Эй», как они теперь официально назывались, составили детальный план работы, одобренный Алексом. Старшим был Габриэль, которого в шутку называли «глава службы» и который сопровождал Алекса, одновременно наблюдая за обстановкой в Вермиллионе. Он поддерживал постоянную связь со своими товарищами и координировал их действия. Гидеон и Морис большую часть времени проводили на буровых и контролировали окружающую территорию в радиусе десяти километров. В их распоряжении были «лэндроверы», мобильные телефоны, приборы ночного видения, фотоаппараты с длиннофокусными объективами и детальные карты местности. Кроме того, в специальном тайнике машины Габриэля имелась портативная звукозаписывающая аппаратура с набором «жучков».

Через несколько дней обе установки были готовы к началу бурения. Почти одновременно на них взревели мощные дизельные двигатели, которые привели в действие электрогенераторы и насосы. Ожившие электромоторы начали вращать с огромной скоростью бурильные трубы с долотом на конце. Венчающие его многочисленные конические зубья из особо прочных сплавов способны разрушать самую твердую породу. А в это время насосы гнали через трубы к раскаленным долотам специальную буровую жидкость, которая охлаждала их и выносила на поверхность через затрубное пространство раскрошенные ими известняки, песчаники и окаменевшие спрессованные глины. Колонны бурильных труб, постоянно наращиваемые сверху, становились все длиннее и вонзались метр за метром в девственные геологические пласты, дремавшие десятки миллионов лет, пробиваясь через них к нефти. Вся эта скрытая от глаз разрушительная работа глубоко под землей и упорное, но безнадежное сопротивление природы натиску техники

фиксируются на поверхности бесстрастными показаниями приборов. Чуткие датчики регистрировали параметры буровой жидкости, давление, температуру, динамические напряжения в трубах. Скважина пульсировала, как живой организм, все части которого функционировали слаженно и бесперебойно.

Буровая установка с ее силовыми агрегатами, подъемными механизмами, контрольно-измерительными блоками, бурильным оборудованием и компьютерными системами управления не уступает по технологической оснащенности современному заводу. Однако если ценность завода заключается в нем самом, то разведочная скважина — это всего лишь «тонкая игла», вводимая в тело земли для добытия геологической информации. Как медицинский шприц, с помощью которого отбирают кровь для анализа. Стоимость такой информации огромна, как и стоимость самой «иглы». Поэтому соблазн получить ее за небольшие деньги, составляющие лишь ничтожную долю истинной цены, нередко перевешивает любые моральные и этические соображения. Мир нефтеразведочного бизнеса время от времени сотрясают громкие скандалы и судебные разбирательства, связанные с незаконным приобретением секретных геологических материалов, принадлежащих конкурентам. Определенную роль в этом играет и служба скаутов, хотя их задачи и возможности в области информационного шпионажа ограничены.

Вице-президент «Игл Корпорэйшн» Билл Дэвис снова вызвал Джима О'Коннора.

— Послушай, Джим. Похоже, что у нас действительно есть проблемы с «Дабл Эй». И теперь решение этой загадки становится просто делом принципа. Не можем же мы допустить, черт возьми, чтобы у нас под носом творились какие-то странные дела, а мы даже понятия не имеем, что происходит. «Игл» и «Дабл» почти соседи по блокам. Но они уже получили нефть и теперь бурят еще две скважины, а мы только проводим сейсмику. Не буду скрывать — руководство компании обеспокоено. Решено послать тебя в Вермиллион. Покрутись там, поговори с людьми. Ведь парни из «Дабл Эй» не в вакууме работают. Какие-то концы должны оставаться. Постарайся отыскать их, и попробуем потянуть за эти ниточки. Нас интересует любая информация о том, что происходило в районе трех озер до начала бурения. Запомни — любая! Даже если кто-то просто лопатой землю ковырял. Компания надеется на тебя, Джим.

— Сделаю все возможное, мистер Дэвис. Понимаю, как это важно. Но скажу честно — чертовски трудное задание. Я это понял, когда встречался с людьми из «Дриллинг» и «Вэлл», — Джим говорил заинтересованно, но без энтузиазма.

— Компания понимает это, Джим. Мне поручено передать, что ты сам можешь назвать размер гонорара.

— Я не об этом, сэр. Просто чертовски трудное дело, доложу я вам. Клянусь Гиппократом.

— А при чем здесь Гиппократ? — удивился Дэвис.

— Ну, так врачи говорят.

Алекс и Габриэль остановились в единственной гостинице в городе «Звезда Вермиллиона».

— Интересное название, мистер Франк, — заметил Габриэль, — «миллион» — это понятно, а что значит «вер»?

Алекс рассмеялся.

— Не то, что ты думаешь, Габи. Вермиллион — это название ярко-красной глины, из которой индейцы делают краску для лица. Она залегает где-то здесь недалеко... Итак, сегодня мы отдыхаем. Завтра утром я еду на вторую скважину, а ты займись городом. Поброди по улицам, в общем — почувствуй обстановку. Особых объектов у нас здесь нет. Вот разве только красная «тойота». Кстати, теперь можем называть ее «тойота вермиллион»...

Габриэль улыбнулся.

– О'кей, мистер Франк. Звучит красиво – «тойота вермиллион». Передайте привет Морису. Будем держать связь.

Они попрощались, и Габриэль ушел в свою комнату. На следующее утро он позавтракал в ресторане гостиницы и отправился в город. Собственно говоря, городом его можно было назвать только условно. Единственная улица с банком, парой магазинов и кафе, одним пабом. Короткие переулки по обе стороны от нее выходили на пустыри и на речку Пис Ривер. Людей на улицах было мало, машин еще меньше. Габриэль прошелся вдоль реки с низкими болотистыми берегами и повернул обратно. Потом зашел в паб и выпил кружку пива. Позвонил Гидеон, доложил, что все в порядке. Уже пробурили первую сотню метров. Сказал, что видел вертолет, летевший на высоте пятьсот метров с востока на запад. Через несколько минут получил такой же звонок от Мориса, который сообщил, что босс приехал и совещается с инженером. Габриэль сделал еще один круг по улицам, зашел в кафе, купил местную газету и пачку сигарет. Этой медленной прогулкой удалось убить почти три часа. Пора было возвращаться в гостиницу. Габриэль не спеша зашагал в сторону «Звезды Вермиллиона», размышляя о том, чем же можно будет заняться после обеда.

... Красный джип «тойота» он увидел еще издали. Машина стояла на паркинге гостиницы рядом с его «лэндровером». Габриэль ускорил шаг и вынул на ходу записную книжку. Хотя он знал номер «тойоты» наизусть, но все же решил лишний раз проверить себя. Подойдя ближе и разглядев цифры на плате, убедился, что не ошибся: «Вот она, наша «тойота вермиллион». Звучит, как миллион долларов». Это была та самая машина, о которой им стало известно еще в Тель-Авиве. Ну что ж, похоже, что после обеда ему будет чем заняться.

Габриэль вошел в гостиницу. В лобби никого не было. Но через стеклянные двери ресторана он увидел за столиком рыжего парня в клетчатой рубашке. Габриэль подошел к дежурному клерку.

– Фрэд, я бы хотел узнать, в каком номере живет владелец вон того красного джипа? Он поставил машину слишком близко к моей.

– Комната девять, сэр. Но он сейчас в ресторане. Вы ему можете об этом сказать.

– Спасибо, Фрэд. Э, пожалуй, не стоит беспокоить человека такими пустяками. Проще самому переставить машину.

Габриэль вышел на паркинг и отогнал «лэндровер» немного дальше от джипа. Вернулся в лобби и сказал клерку, который наблюдал за его действиями:

– Ну вот, теперь все в порядке. Ради этого не стоило беспокоить человека, который, наверное, устал с дороги. А сейчас пора и мне перекусить.

С этими словами он направился в ресторан. Теперь Фрэд в случае чего расскажет то, что видел. А это вполне обычная ситуация, не вызывающая подозрений. Очень часто успех или провал зависят от ничтожных мелочей. Понимание этого отличает профессионала от дилетанта. Габриэль Каминский был профессионал. Суг алеф, как сказал Шмуэль.

В ресторане был только один посетитель – владелец джипа. Габриэль сел за соседний столик и сделал заказ. Рыжий, видимо, закончил обед и допивал свое пиво. Минут через пять он встал и подошел к бару. Сел на высокий табурет, заказал стаканчик и начал болтать с миловидной девушкой, стоявшей за стойкой. Габриэль наблюдал за ними. Сидел он далеко и слов разобрать не мог. Сначала девушка занималась своими делами, и заметно было, что она поддерживала разговор только из вежливости. Но потом на ее лице появилась улыбка, и беседа пошла более оживленно. Габриэль решил, что не мешает послушать, о чем они говорят. Он подошел к бару, попросил пачку сигарет и быстрым привычным движением прикрепил «жучок» к нижней поверхности стойки, почти над коленями

парня. Взяв сигареты и расплатившись, он вернулся к своему столику, вставил наушник и приготовил портативный магнитофон во внутреннем кармане.

— Конечно, в какой-то мере вы правы, Джим, — услышал он голос девушки, говорившей с заметным польским акцентом, — жизнь здесь однообразная, сходить особенно некуда. Но я рада, что есть хотя бы такая работа. В больших городах с этим сейчас совсем плохо.

— Знаете, Кристина, просто больно слышать эти слова от такой красивой девушки. Жаль, что я здесь проездом, а то бы стал ухаживать за вами. В Европе считают, доложу я вам, что самые красивые девушки в Польше, а самые надежные мужчины в Ирландии. Вот вы из Польши, а я, между прочим, ирландец. Но проездом. Ну, а парни стоящие здесь есть? У вас есть бой-фрэнд?

Габриэль усмехнулся — «ирландец, но проездом». Ну и логика. Интересно, куда он клонит?

— Бой-фрэнд есть. И очень хороший. Но он сейчас далеко. Как только найдет работу, я к нему уеду.

— Ну, мне кажется, ваш хороший бой-фрэнд очень рискует. Оставить такую девушку! Он не боится, что его кто-то опередит? Он что — местный парень, а уехал куда-то искать работу?

— Нет, он не местный. Он здесь работал недолго. А потом работа кончилась, и он уехал домой.

— Где же он здесь, в этом Богом забытом городке, работал?

— Не в городе. Отсюда на север еще двести километров. Там, где сейчас нефть ищут.

— Так он у вас нефтяник? Я тоже нефтяник. Почему же он уехал, когда сейчас здесь для нефтяников есть работа?

Разговор начал принимать какое-то новое направление, и Габриэль включил магнитофон.

— Нет, он не нефтяник. Он работал для одной фирмы. Есть такой инструмент — ручной электробур. Так вот он этим буром работал. Он по специальности электромеханик.

— Пойдите-пойдите, Кристина. Я что-то не понимаю. На какую же глубину он этим буром бурил?

— Ну, я не знаю точно. Он говорил, на два метра.

— А зачем?

— Этого я не знаю. Да и он не знал. Просто фирма его наняла и хорошо заплатила. А с самого низа они поднимали песок или глину и собирали в маленькие коробочки. Вот и все, что он говорил.

— Вот вы сказали, Кристина, что ваш друг работал там, где сейчас нефть ищут. Это ведь сейчас ищут. А тогда уже искали? Скважину уже бурили?

— Нет, это было еще до скважины.

Габриэль почувствовал, что голос рыжего внезапно изменился. До него, видимо, стал доходить смысл того, что говорила Кристина. Он перестал задавать вопросы, засуетился и начал быстро импровизировать, стараясь казаться убедительным и доброжелательным.

— Знаете, Кристина, я ведь работаю в очень большой фирме, доложу я вам. И мы как раз сейчас купили несколько электробуров, но у нас нет специалиста, который в них разбирается. И скажу вам прямо, Кристина, — зачем же вашему другу где-то далеко искать работу, когда он может работать в нашей фирме. Я просто хочу ему помочь. Клянусь Гиппократом. Как с ним связаться?

— Это было бы замечательно, Джим. Могу дать вам его телефон. Я запишу вот здесь, на листке. Вот номер, а вот имя.

— Имя не очень разборчиво. Как его зовут?

— Пьер. Пьер Леже.

– Он что, из Квебека?

– Да, он оттуда. И сейчас он там.

– Кристина, вам очень повезло. Вот видите, как в жизни бывает – случайная встреча, разговор о том, о сем. А в результате – работа для вашего Пьера. И вы с ним будете вместе. Такие дела, Кристина, доложу я вам.

– Я так вам благодарна, Джим. Так благодарна.

– Не стоит, Кристина, не стоит. Ну, у меня еще много дел. Рад был познакомиться-ся. До свидания, Кристина. – Джим расплатился и торопливо вышел из ресторана.

Габриэль отключил магнитофон и быстро доел остывший обед. Потом подошел к бару, купил коробку спичек и снял «жучок». Он не стал подниматься к себе в комнату, а решил прогуляться. Выйдя из гостиницы, он вынул мобильный телефон и набрал код Алекса.

– Мистер Франк, где вы сейчас? В дороге? Приедете через два часа? Хорошо. У меня есть новости. Какие именно? Ну, если коротко, то наш джип-вермиллион припаркован рядом с моим «лэндровером». А теперь у меня к вам вопрос – знаете ли вы имя Пьер Леже?

– О черт! – вырвалось у Алекса. – Где ты его нашел? Он что, в городе?

– Нет, он в Квебеке. Значит, это тот парень, который с вами работал? Ну, не будем комкать разговор. Поговорим, когда приедете.

Меньше чем через два часа «лэндровер» Алекса подлетел на большой скорости к «Звезде Вермиллиона». Красного джипа на паркинге уже не было. Алекс поднялся в комнату Габриэля. После короткого объяснения «глава службы безопасности» включил магнитофон. Алекс слушал молча, обхватив голову руками. Закончив прослушивание, он встал, прошелся по комнате и сказал:

– Хорошая работа, Габи. Спасибо. Да, это тот самый Пьер Леже, с которым я отбирал образцы. С ним нужно срочно связаться, но как раз номер телефона мы не знаем. Я думаю, они уже звонят ему. Не этот рыжий ирландец, а те, на кого он работает. У тебя есть какая-нибудь идея?

– Идея простая, мистер Франк. Надо поговорить с Кристиной. Она еще в баре. Скажите, что вам нужно срочно связаться с Пьером. Вы ведь знаете его. Она вам поверит. Я могу поговорить с ней по-польски. Знаете, здесь, на краю света, услышать родную речь – это сближает.

– Сколько времени прошло с того момента, как рыжий ушел из ресторана?

– Ровно два часа и десять минут, – ответил Габриэль, взглянув на часы.

– Уверен, что он уже позвонил боссу. А тот, наверное, успел связаться с Пьером. Но делать нечего. Идем в бар. Другого пути не вижу.

Ресторан был пуст. Кристина скучала за стойкой. Алекс и Габриэль подошли к бару. Девушка приветливо улыбнулась.

– Что желают джентльмены?

– Два джина с тоником, пожалуйста, – сказал Габриэль по-польски.

– Пан говорит по-польски? Пан из Польши? – Кристина не могла скрыть радостного удивления.

– Мои родители из Польши. А я родился в другом месте.

– А где сейчас ваши родители? – продолжала расспрашивать Кристина, приготавливая напиток.

– В Южной Африке.

– Так далеко. А мои родители живут в Галифаксе. Знаете, это Новая Шотландия, на Атлантическом побережье. А я вас запомнила – вы сегодня купили у меня сигареты и спички. Но как вы догадались, что я из Польши? – Кристина с подкупающей непосредственностью пересказывала с вопроса на вопрос.

– Во-первых, акцент. А во-вторых, такие красивые девушки есть только в Польше.

Кристина покраснела. Она действительно была очень привлекательна, с приятным лицом и хорошей фигурой.

— Меня зовут Кристина, а вас?

— Меня Габриэль. А сейчас, Кристина, мой коллега Алекс хотел бы поговорить с вами. Но только на английском, — с улыбкой закончил Габриэль свою часть беседы.

— Чем я могу помочь мистеру Алексу? — Кристине очень хотелось быть чем-нибудь полезной таким приятным посетителям.

— Я думаю, вы можете мне помочь. Дело в том, Кристина, что я знаю Пьера...

— Матка Боска! Вы знаете Пьера? — Кристина была взволнована этими сюрпризами, которые следовали один за другим, — разговор по-польски, а теперь вот Алекс, который знает Пьера.

— Пьера Леже я знаю очень хорошо. Могу даже сказать, что благодаря мне вы с ним познакомились. Это ведь я привез его в Вермиллион. И мы вместе работали в поле. Если бы не он, я бы не справился с электробуrom.

— А, так вы, мистер Алекс, из той фирмы, на которую он работал? Вы не представляете, как я рада с вами познакомиться. Пьер рассказывал про вас много хорошего. Он говорил, что за неделю в поле узнаешь человека больше, чем за целый год в городе.

— Спасибо, Кристина. Я тоже рад познакомиться с вами. О Пьере я самого лучшего мнения. Он надежный работник и хороший человек.

— Да, он такой хороший, — глаза Кристины заблестели, казалось, еще немного, и она заплачет от волнения.

— Понимаете, Кристина, получилось так, что перед отъездом я не успел взять у него адрес и телефон. А сейчас мне нужно срочно с ним связаться. Это касается работы. У вас, конечно, есть его телефон?

— Да, конечно, мистер Алекс. И вы знаете, как раз сегодня один человек уже попросил его. Он сказал, что поможет Пьеру с работой.

— Очень может быть. Такие специалисты, как Пьер, нужны многим фирмам. А кто этот человек? Он сейчас здесь?

— Нет, уехал час назад. Он заходил попрощаться и сказал, что его босс уже знает о Пьере и очень им заинтересовался. Это какая-то большая нефтяная фирма.

— Ну что ж, надеюсь, у Пьера будет хорошая работа. Так вы мне дадите телефон?

— Да, конечно, мистер Алекс. Я его знаю наизусть, — Кристина продиктовала номер.

— Спасибо, Кристина.

— До свидания, Кристина. Мы желаем вам с Пьером большого счастья, — Габриэль сказал это по-польски, и Кристина благодарно улыбнулась.

— Спасибо, мистер Алекс, спасибо, мистер Габриэль. Да хранит вас святая Богородица, — девушка перекрестила их в воздухе.

Как только они переступили порог комнаты, Алекс набрал номер в Квебеке. Ответил женский голос: «Пьера нет дома. Он будет не скоро. А кто его спрашивает? Мистер Франк? Простите, но я вас не знаю. Я его мама. Куда он уехал? Он улетел в Калгари. Ему позвонили насчет работы и попросили срочно приехать. Что ему передать? Вы потом позвоните? Хорошо. До свидания».

6

Билл Дэвис сам встретил Пьера в аэропорту и отвез в гостиницу компании, занимавшую несколько квартир в многоэтажном доме.

– Располагайтесь, мистер Леже. Отдыхайте. Завтра утром за вами заедут, и мы встретимся в офисе компании. Могу я называть вас Пьер?

– Да, конечно, мистер Дэвис. Но мне все-таки не совсем понятно...

– Потом, потом, – остановил его Дэвис, – обо всем поговорим в офисе. А пока отдыхайте. До встречи.

Пьера не покидало ощущение, что произошла какая-то ошибка, что его принимают за кого-то другого. Когда ему позвонили и сказали, что его рекомендовали как опытного электромеханика и что фирма хотела бы пригласить его на интервью, он больше обрадовался, чем удивился. Но когда последовала просьба вылететь в Калгари ближайшим рейсом, к радости добавилось недоумение. Однако он рассудил, что в любом случае не должен отказываться от этого приглашения. На месте все выяснится, подумал Пьер, к тому же фирма оплачивает поездку, так что он ничего не теряет. А если все сложится удачно, то можно будет повидаться с Кристиной. Мысль о Кристине рассеяла последние сомнения.

Встретивший его Билл Дэвис, отрекомендовавшийся сотрудником компании, вел себя просто и дружелюбно. По пути из аэропорта в город он говорил только о погоде и о недавно закончившемся калгарийском родео. Пьер посчитал невежливым во время такой беседы задавать вопросы о работе.

В большом кабинете на тридцать втором этаже небоскреба кроме Дэвиса были еще два человека. Дэвис представил их Пьеру.

– Мистер Норман Флеминг, мистер Джек Тэйлор, – должности Дэвис не назвал.

– Познакомьтесь, джентльмены, – это мистер Пьер Леже. Я полагаю, его знания и опыт будут полезны нашей компании.

Пьер не на шутку растерялся. Все трое были явно не рядовые работники. Да и в таких кабинетах ему не приходилось бывать. А последние слова Дэвиса звучали так, будто речь идет не о простом электромеханике, а о крупном инженерере.

– Я думаю, джентльмены, мы начнем с того, что мистер Леже расскажет нам о своем прошлом опыте – с каким электрооборудованием и силовыми агрегатами ему приходилось иметь дело. Прошу вас, Пьер, – Дэвис дружески и ободряюще улыбнулся.

– В общем-то, я электромеханик, – начал Пьер в сильном смущении, – по специальности работаю шесть лет. Знаком с электроподстанциями, электрооборудованием на транспорте, на буровых установках. Ну и знаю, конечно, многие малогабаритные агрегаты с электроприводом. Например, электробуры разных систем. Вот, пожалуй, и все.

– Ну что ж, прекрасно, Пьер, – сказал Дэвис. – Как я вам уже говорил, наша компания нефтяная. Поэтому нас прежде всего интересует то, что связано с изучением геологических пластов, в том числе почвы. Вот вы упомянули буровые установки и электробуры. Не могли бы вы уточнить, с какими именно агрегатами вы знакомы?

– Мне приходилось работать только на маломощных мобильных установках, смонтированных на траках. Они бурят на небольшую глубину, всего несколько сот метров. На тяжелых стационарных установках я не работал.

– Хорошо. А как насчет ручных электробуров, которые бурят на глубину нескольких метров?

– О, с этим инструментом я знаком хорошо. Знаю пять-шесть разных систем, но принцип действия у них одинаковый. Так что можно сказать, если знаешь одну систему, то знаешь их все. Полгода назад я работал этим инструментом для одной фирмы на севере Альберты.

– Фирма канадская или иностранная?

– Этого я не знаю, мистер Дэвис.

В разговор вступил Джек Тэйлор, самый молодой из троих.

— То, что вы сейчас сказали, Пьер, очень интересно. Дело в том, что при строительстве легких наземных сооружений, таких, например, как складские помещения или мастерские, нужно знать свойства верхнего слоя грунта. На севере грунт своеобразный. Там, как вы знаете, встречается заболоченная почва. Поэтому перед началом строительства грунт проверяется электробуром. Наша компания планирует в скором времени строительство в тех районах. Хотелось бы знать, где именно вы работали и какой там грунт. Ваш опыт очень важен для нас. Не могли бы вы показать этот район на карте?

Все трое вместе с Пьером подошли к большому столу, на котором уже была приготовлена детальная карта северной части провинции. Пьер увидел знакомые названия — река Стин, холмы Камерон, озера Маргарет, Зама и Бисчо. Все эти места он исколесил с мистером Франком полгода назад.

— Вы знаете, мистер Тэйлор, у меня ведь не было карты. Карта находилась у работника фирмы. Мне просто показывали точку, и я на ней работал.

— Понятно, Пьер. Но мы и не просим показать точки. Покажите только районы. Вот, например, вам знакомо озеро Маргарет и его окрестности? Вы там работали?

— Да, там было около пятидесяти точек.

— Прекрасно, Пьер. Вот мы и нашли общий язык. Ну, а озеро Зама и вот этот участок реки Стин?

— Да, и там тоже были точки.

— Сколько?

— Примерно сорок-пятьдесят.

— Замечательно. Теперь переходим вот в этот угол, где находятся озеро Бисчо и холмы Камерон. Что вы могли бы сказать об этом районе?

— На этих холмах мы сначала работали два дня на шестидесяти точках, а потом вернулись и сделали около сорока дополнительных.

— А почему вернулись?

— Не знаю. Мне сказали, что надо что-то уточнить.

— Вернулись сразу или через какое-то время?

— Через восемь дней.

— Теперь такой вопрос, Пьер. Чтобы определить свойства грунта, нужно отобрать образцы и отправить их на анализ в лабораторию. Вы это делали?

— Да, это и была главная цель бурения. С самого низа отбирали грунт — песок или глину — и насыпали его в пластиковые цилиндры от фотопленки.

— Спасибо, Пьер. Очень интересные вещи вы нам рассказали, — закончил Джек Тэйлор.

— Норман, вы хотите что-нибудь спросить? — обратился Дэвис к Флемингу.

— Да, я бы хотел узнать вот о чем. Состояние грунта зависит от времени года. Когда именно вы работали в этом районе, Пьер?

— Могу сказать точно — мы начали восемнадцатого февраля, а закончили двадцать восьмого.

— Спасибо, Пьер.

— Ну, с вопросами как будто все. Мы вам очень благодарны, Пьер. А сейчас подошло время ланча. К сожалению, мы не сможем составить вам компанию. Но что-то придумаем.

С этими словами Билл Дэвис вызвал молодого сотрудника.

— Знакомьтесь. Это Патрик Диксон, а это мистер Пьер Леже. Патрик, у меня к вам большая просьба — не могли бы вы составить компанию нашему гостю в каком-нибудь хорошем ресторане? Я, к сожалению, очень занят и не могу это сделать сам. Пьер, после ланча мы продолжим разговор. Желаю приятно провести время.

После ухода Пьера и Патрика Дэвис вызвал секретаря и распорядился приготовить чек на имя Пьера Леже. Он назвал сумму.

Когда Дэвис, Флеминг и Тэйлор остались одни, в кабинете наступило долгое молчание. Наконец, Дэвис прервал его.

– Норман, вы научный консультант компании. Я бы хотел услышать ваше мнение, – обратился он к профессору Флемингу.

– У меня еще нет определенного мнения, Билл. И я не хотел бы сейчас делать поспешные выводы. Но две вещи очевидны, и на них следует обратить внимание. Первое – отбор образцов или, как мы это называем, почвенная съемка была проведена на всех шести блоках, включая наш. И второе – съемка выполнялась почти за два месяца до тендера, когда, строго говоря, никто не имел права работать на этой территории.

– Спасибо, Норман. Мы будем иметь это в виду. Но вряд ли сейчас можно привлечь кого-то к ответственности за нарушение закона о земельной собственности. Что скажет начальник отдела разведки? – обратился Дэвис к Джеку Тэйлору.

– Джентльмены, я полагаю, что, сопоставив все факты, мы уже сейчас можем прийти к вполне определенным выводам. Итак, что мы знаем? Первое – некая неизвестная компания проводит детальную почвенную съемку всех шести блоков за два месяца до тендера. Второе – она выбирает для себя блок, который, по общему мнению, бесперспективен. Обратите внимание – именно на этом блоке они провели дополнительный отбор образцов через восемь дней после первого отбора. Не назавтра, а через восемь дней. Это значит, что первая партия образцов уже была проанализирована, и только тогда возникла необходимость что-то уточнить. А после уточнения они приняли окончательное решение в пользу приобретения блока. Как мы все хорошо знаем, так бывает только в процессе разведки. Поэтому я убежден, что с помощью почвенной съемки они уже вели разведку. На пяти других блоках они ничего не уточняли. Им все было ясно после первого отбора. И они не сделали заявку ни на один из них. Третье – сразу после тендера они начинают бурение на этом так называемом бесперспективном блоке и получают нефть. Никто не слышал, что до бурения они проводили сейсморазведку. У них для этого просто не было времени. Четвертое – сейчас они бурят две новые скважины по классической треугольной сетке, как будто им уже заранее известно, что там тоже есть нефть. Мы это хорошо видели с вертолета. Пятое – беспрецедентные меры секретности, когда простой рабочий мгновенно замолкает, как только его спрашивают о скважине. И, наконец, шестое – никто в нефтеразведочном бизнесе никогда не слышал о компании «Дабл Эй» из Гибралтара. Хотите знать мое мнение, джентльмены? Мы имеем дело с методом прямого обнаружения нефти (Тэйлор сделал ударение на этих словах), разработанным в условиях секретности одной из хорошо известных международных корпораций, которая предпочитает укрываться под вымышленным названием, чтобы сбить с толку конкурентов. И если я прав, то на пяти других блоках, включая наш, нефти нет.

Снова наступило молчание. И снова Билл Дэвис, на правах старшего по должности, прервал его.

– Логично, черт побери! Хотя и звучит как приговор всем нам. Я имею в виду не только «Игл Корпорэйшн», но и сотни других компаний. И в первую очередь эти многочисленные сейсморазведочные сервисные фирмы. Но, может быть, не все так мрачно, Джек? Я не узнаю вас. Не замечал, чтобы раньше вы были таким пессимистом. Я сейчас как-то незаметно поддался этому вашему умению навязывать свою точку зрения. А нет ли во всем этом элемента случайности? Вспомним почти невероятную историю, когда в начале века на одном из разведочных участков скважина, за неимением лучших ориентиров, была пробурена в той точке, где опустилась на землю кружившая невдалеке ворона. И открыли крупное месторождение. Но после этого ни одна ворона не указала, где нужно бурить.

– Я бы хотел напомнить Джеку, – продолжил профессор Флеминг в манере университетского лектора, – что с тех пор, как в тридцатых годах русский геолог Василий Соколов впервые выдвинул идею прямых поисков нефти по газовым аномалиям в почве, были проверены и другие возможные индикаторы. Но все они, включая метод Соколова, оказались бесполезными, хотя каждая новая идея сопровождалась сенсационной шумихой и большими ожиданиями. Вспомним такие индикаторы в почве и в приповерхностном слое воздуха, как битумные, радиоактивные и магнитные аномалии и даже особый химический состав хвои и листьев деревьев, растущих над месторождениями. Выяснилось, что ни один из этих признаков индикатором нефти не является. Поэтому сегодня сама идея прямого обнаружения залежей отвергнута столь же безоговорочно, как идея вечного двигателя, заявки на изобретение которого уже давно не принимаются патентными бюро всего мира. В области прямого обнаружения дело обстоит точно так же – все, что можно, уже испробовано, и никаких прорывов здесь ждать не приходится.

– Джентльмены, вы подменяете объяснение конкретных и впечатляющих фактов, с которыми мы имеем дело, теоретическими рассуждениями и экскурсами в прошлое, – твердо возразил Тэйлор. – Я бы не стал столь категорически утверждать, что отвергнута сама идея. Идея осталась. Просто ее пока не удалось реализовать. Но наука не стоит на месте. Там, где одни потерпели неудачу, другие могут добиться успеха. Кроме того, нельзя утверждать, что в области прямого обнаружения совсем не было успехов. Они были, но носили частный характер и не приводили к кардинальному решению задачи. Проблема в том, что удачи приходят и уходят, а неудачи накапливаются. Это дискредитирует идею и препятствует ее разработке. *Non progredi est regredi*². Кстати, Норман забыл упомянуть еще один «индикатор», который используется в Израиле, – поиски нефти по «закодированным указаниям» Библии. Затея весьма одиозная, разумеется. Ничего, кроме смеха, вызвать не может. Тем не менее нашлись и у нее сторонники. Впрочем, у каждой нации свои галлюцинации. А что касается методов, основанных на природных физических и химических аномалиях, то в прошлом они действительно оказались безрезультатными. Это правда. Но утверждения, заключающие в себе некоторую долю правды, самые опасные. При поисках нефти, как и в любой творческой работе, вопросительный знак важнее восклицательного, которым обычно завершается категорическое утверждение. Вопросы и сомнения ведут к успеху. Чрезмерная уверенность нередко заканчивается конфузом. Прошу извинить меня, Норман, но ваши аргументы напоминают печально известное прошение об отставке, поданное директором патентного бюро США в семидесятых годах девятнадцатого века, в котором этот честный малый мотивировал свое решение тем, что все основные открытия и изобретения уже сделаны и поэтому ему нет смысла оставаться на своем посту. Я абсолютно убежден, что в данном случае мы имеем дело с подлинным прорывом в нефтяной разведке, с настоящим прямым обнаружением. И раньше или позже все мы будем положены на лопатки. Возможно, у нас остается не так уж много времени. Поэтому я считаю, что все это необходимо незамедлительно обсудить на Совете директоров в Чикаго. Ситуация очень серьезная. И проблема не только техническая, но и стратегическая. Наше преимущество в том, что мы узнали об этом раньше других компаний. И мы должны воспользоваться этим. Я еще не знаю, как, но должны. Предусмотреть проблему – значит уже наполовину решить ее. А что касается моего пессимизма, как вы, Билл, это назвали, то позволю заметить – оптимисты изобрели самолет, а пессимисты – парашют. И когда у нашего самолета заглухнут двигатели, нам придется вспомнить об этом изобретении пессимистов.

² Не идти вперед – значит идти назад – лат.

После решительного и эмоционального выступления Тэйлора снова на несколько минут воцарилось молчание.

— Хорошо, — сказал наконец Дэвис, — я проинформирую президента и предложу вынести этот вопрос на Совет директоров в Чикаго. Не возражаете, Норман?

— Как я могу возражать? Я всего лишь консервативный профессор, не верящий в прогресс науки, — Флеминг не мог скрыть обиды.

— Думаю, сегодня мы можем на этом закончить. Благодарю вас, джентльмены, — завершил дискуссию Дэвис.

После ухода Тэйлора и Флеминга секретарь принесла конверт с чеком и сообщила, что мистер Леже ожидает в приемной.

— Пригласите, — сказал Дэвис.

Он снова встретил Пьера дружеской улыбкой.

— Ну, как был ланч, Пьер? Вам понравилось?

— О да, мистер Дэвис. Все было очень хорошо. Спасибо.

— Очень рад. Теперь к делу. Мы здесь обсудили то, что вы нам рассказали. И пришли к выводу, что ваш опыт будет несомненно полезен компании, когда мы приступим к строительству, о котором говорил мистер Тэйлор. Но было бы неразумно задерживать вас в Калгари сейчас, до начала работ, и обрекать на вынужденное безделье. Мы понимаем, что этим неожиданным приглашением нарушили ваши планы и доставили определенные неудобства. Поэтому располагайте своим временем, а мы свяжемся с вами, как только определятся сроки строительства. И небольшая личная просьба, Пьер, — я бы не хотел, чтобы то, о чем здесь говорилось, вышло за пределы этого кабинета. Дело в том, что планы компании, включая строительство, — вещь сугубо конфиденциальная. Надеюсь, вы понимаете. — Сказав это, Дэвис протянул Пьеру фирменный конверт компании. — Здесь чек, покрывающий расходы на проезд, и гонорар за то, что вы любезно проконсультировали нас в своей профессиональной области. Полагаю, вы найдете сумму удовлетворительной. Очень рад был познакомиться с вами, Пьер. И примите благодарность от моих коллег.

— Спасибо, мистер Дэвис. Я, право, не очень понимаю...

— Естественно, естественно... Иногда требуется время, чтобы все осмыслить.

С этими словами Дэвис мягко взял Пьера под локоть, и они направились к двери. Около лифта они попрощались, обменявшись крепким рукопожатием. В лифте Пьер открыл конверт, наполовину вытянул из него чек и прочитал: «Уплатить Пьеру Леже пять тысяч долларов». Увидев столь внушительную сумму, он лишь пожал плечами, как бы признавая, что не стоит и пытаться что-либо понять. Пьер вышел на Восьмую авеню, отыскал местное отделение своего банка, вложил чек и снял тысячу долларов наличными. После этого он отправился в гостиницу и забрал вещи.

7

Кристина, стоя спиной к залу, расставляла бутылки на полках бара. Закончив это занятие, она повернулась к стойке.

— Матка Боска! Джизус Крайст! Пьер, ты! — Кристина готова была перепрыгнуть через стойку.

Они обнялись и расцеловались. Потом, перебивая друг друга, стали рассказывать о событиях последних дней. Уехав из Калгари, Пьер решил, что странные и загадочные сюрпризы остались теперь позади. И предвкушал другой сюрприз, который готовил Кристине своим неожиданным появлением. Поэтому то, что он узнал от нее в первые же минуты, снова вернуло его к недавним событиям. Он был и вовсе озадачен, когда Кристина сказала, что мистер Алекс сейчас в Вермиллионе и что он хотел с ним связаться. Услышав об этом, Пьер вышел в лобби

и спросил у Фрэда – у себя ли мистер Франк? Алекса в номере не было. Фрэд сказал, что обычно он возвращается поздно, но его сотрудник мистер Каминский иногда приезжает раньше. Было семь часов вечера. Пьер порядком проголодался, и Кристина заказала ему обед. Пока он ел, она сидела рядом, и они продолжали говорить, перескакивая с одной темы на другую. В это время в ресторан вошел Габриэль и направился к своему постоянному столику.

– Это мистер Габриэль, – тихо сказала Кристина, – он коллега мистера Алекса, и он говорит по-польски. Хочешь, чтобы я ему сказала о тебе?

– Пожалуй, лучше я сам к нему подойду.

Пьер встал и подошел к столику Габриэля.

– Простите, сэр. Кристина сказала, что вы коллега мистера Франка. Меня зовут Пьер Леже.

Лишь профессиональная выдержка позволила Габриэлю сохранить спокойствие, когда он услышал это имя. Только вчера оно впервые прозвучало в его наушниках. И тогда этот человек находился за три тысячи километров отсюда. Босс безуспешно разыскивал его. И вот он здесь, стоит перед ним и смущенно улыбается. Габриэль встал и протянул Пьеру руку.

– Очень рад, мистер Леже. Меня зовут Габриэль Каминский. Присаживайтесь, пожалуйста. Ваш приезд весьма кстати. Мистер Франк хотел поговорить с вами.

– Да, я знаю. Кристина мне рассказала. А когда мистер Франк будет здесь?

– Это мы сейчас узнаем.

Габриэль вынул из кармана мобильный телефон и набрал код.

– Мистер Франк, где вы сейчас? Выезжаете со второго номера? Очень хорошо. У меня для вас приятный сюрприз. Со мной рядом сидит Пьер Леже. Нет, я не шучу. Хотите поговорить с ним? Передаю телефон.

– Здравствуйте, мистер Франк. Рад слышать вас, – Пьер не скрывал волнения.

– Через два с половиной часа? Хорошо. Я жду вас. До встречи.

Он передал телефон Габриэлю.

– Понял, мистер Франк. Хорошо, я спрошу.

Габриэль обратился к Пьеру.

– Скажите, мистер Леже, вы здесь один? Я имею в виду – с вами никто не приехал?

– Нет, я приехал один.

– А кто-нибудь знает, что вы поехали сюда?

– Нет, я никому не говорил. Уехал, и все. Никто не знает куда. Да меня об этом и не спрашивали.

– Очень хорошо. Ну, не буду вас задерживать. Вы, конечно, хотите побыть с Кристиной. Славная девушка, – улыбнулся Габриэль.

Он вышел из гостиницы, проверил паркинг и окрестные улицы. Все было в порядке, ничего подозрительного.

Алекс и Пьер встретились как старые друзья.

– Рад видеть тебя снова, Пьер. Мне кажется, ты приехал не только повидаться с Кристиной. Есть еще какая-то причина? Или я ошибаюсь?

– Я тоже рад видеть вас, мистер Франк. Не знаю, что и сказать. Сюда-то я приехал только ради Кристины. Другой причины нет. Но вот из Квебека я поехал не сюда, а в Калгари. Ну, а от Калгари до Вермиллиона всего-то девятьсот километров. Так что не заехать просто не мог.

– Что же привело тебя в Калгари, если не секрет? Кристина говорила, что тебе хотели предложить работу.

– Не думаю, что это секрет. Хотя меня и просили особенно не рассказывать. А в общем, какая-то странная история. Пожалуй, стоит ее вам рассказать. Может быть, вы мне объясните, что все это значит.

И Пьер рассказал о том, что произошло. Алекс внимательно выслушал, задал несколько уточняющих вопросов, и ему все стало ясно. Собственно говоря, это не было для него неожиданностью. Он был готов к такому развитию событий, как только узнал, что Пьер срочно вылетел в Калгари. Но теперь ситуация стала совсем прозрачной.

– Как называется компания? – спросил он.

Вопрос застал Пьера врасплох.

– Не знаю, мистер Франк. Они мне не сказали, а посмотреть вывеску на здании я как-то не сообразил. Действительно, глупо. Провел у них целый день, а названия не знаю.

– Ты говоришь, что они дали тебе чек. На нем должно быть написано.

– Чек я вложил в банк. Пойдите, пойдите, он был в конверте. Может быть, на нем написано, – Пьер порывлся в бумажнике, нашел сложенный вдвое конверт и протянул его Алексу, – вот, посмотрите.

– «Игл Корпорэйшн», – прочитал Алекс. – Ну что ж, очень крупная компания. А означает все это вот что, Пьер. Они наши конкуренты. Каким-то образом они узнали, что ты работал с нашей фирмой, и захотели выудить кое-какую информацию. Ну а чтобы это выглядело благопристойно, придумали трюк с работой. Надеюсь, ты понимаешь, что больше они о тебе не вспомнят. Ты тоже можешь забыть о них.

– Я что-то сделал не так, мистер Франк? Это может навредить вашей фирме?

– Пьер был искренне обеспокоен.

– Ну, как тебе сказать? Лучше бы ты с ними не встречался. Я пытался тебя предупредить, но опоздал. Твоя матушка сказала, что ты уже улетел в Калгари. Не переживай. Что произошло, то произошло. Твоей вины в этом нет. Скорее здесь моя оплошность. А теперь у меня еще один вопрос – знаешь ли ты имена тех троих, кто с тобой беседовал?

– Да, мистер Франк. Главным был Билл Дэвис. А двое других – Джек Тэйлор и Норман Флеминг.

– Спасибо, Пьер, – Алекс записал имена. – Ну, еще раз повторяю – не переживай, все будет в порядке. И не оставляй надолго Кристину. Она очень хорошая девушка и любит тебя, – в голосе Алекса прозвучали почти отеческие нотки.

8

Алекс дождался полуночи, когда в Израиле наступило утро, позвонил Шмуэлю и рассказал о последних событиях. Тот был очень обеспокоен. По своему обыкновению, прежде чем дать собственную оценку ситуации, он спросил мнение собеседника.

– Что будем делать, профессор? У тебя есть идеи?

– Да, я все обдумал. Решение может быть только одно – максимально форсировать разведку Камерона. Работа и так идет в хорошем темпе. Но теперь этого недостаточно. Нужны четыре станка одновременно. Мы должны закончить все дела за полтора месяца и лечь на дно в Гибралтарском проливе. Иначе нам прищепят хвост.

– Что для этого нужно?

– Только деньги. Мы не уложимся в бюджет. Нужны еще около двух миллионов в ближайшие дни.

– Считай, что ты их имеешь, профессор. Действуй.

Через день Алекс в сопровождении Габриэля отправился в Калгари и подписал новый контракт с «Дриллинг Энтерпрайз». Одновременное разбуривание месторождения четырьмя станками сделало работы намного дороже, но эта сторона дела его теперь не беспокоила. Компания обязалась начать доставку оборудова-

ния со своих полевых баз немедленно и уже через неделю приступить к бурению двух дополнительных скважин.

Вечером, ужиная с Габриэлем в ресторане и просматривая «Калгари Геральд», Алекс увидел объявление о международной конференции по вопросам конъюнктуры нефтяного рынка, которая начиналась на следующий день в гостинице «Холидэй Инн». Там же был указан телефон для регистрации участников. Он позвонил и попросил внести его в список.

Конференция открывалась в десять, но люди начали собираться, как обычно, на час раньше, чтобы встретить знакомых и поболтать. Билл Дэвис подошел к столу регистрации, получил пластиковую нагрудную карточку со своим именем и названием компании и взял лист участников, чтобы расписаться. Компании были указаны в алфавитном порядке. Он нашел в списке «Игл Корпорэйшн», а строкой выше значилась «Дабл Эй»³. В графе «Представитель» стояло имя Алекс Франк. «Опять эта “Дабл”, – подумал Дэвис, – мы как будто скованы одной цепью – блоки рядом и в списке рядом». Отойдя от стола, он начал бродить по фойе, всматриваясь в нагрудные карточки. Дэвис никогда раньше не встречался с кем-либо из этой таинственной компании, которая занимала сейчас все его мысли. Ему было просто любопытно взглянуть на этого Алекса Франка. Наконец, он нашел его. Это был худощавый седоволосый человек среднего роста, южно-европейской внешности, лет около пятидесяти. Франк разговаривал по мобильному телефону. Дэвис подошел ближе, но не мог разобрать короткие отрывистые фразы. Язык был явно не английский. Однако в конце разговора он отчетливо услышал «арри-ведерчи».

«Итальянец, чертов итальянец, – подумал Дэвис. – Так вот кто играет с нами в кошки-мышки». В этот момент его кто-то окликнул.

– Хэлло, Билл! Как поживаешь?

Он обернулся и увидел своего давнего приятеля Ларри Эванса, вице-президента английской компании «Альбион Энерджи».

– Хай, Ларри! Рад тебя видеть, – приветствовал его Дэвис.

Отойдя с Эвансом в сторону и поддерживая соответствующую обстановке легкую беседу, Дэвис на время забыл о «Дабл Эй». Габриэль, наблюдавший с небольшого расстояния за всем происходившим вокруг Алекса, подошел к нему и сообщил, что некто по имени Билл Дэвис из «Игл Корпорэйшн» только что крутился около него, вслушиваясь в телефонный разговор.

– Где он? – спросил Алекс.

– Вон тот, в светлом костюме, беседует с кем-то.

– О'кей, Габи. Я думаю, стоит узнать, о чем они говорят. Запиши их.

Габриэль, который не был зарегистрирован и не имел нагрудной карточки, незаметно пристроился рядом с собеседниками, делая вид, что внимательно изучает программу конференции. В лацкан его пиджака был вставлен высокочувствительный микрофон в виде круглого значка члена Ассоциации нефтяных инженеров. Какое-то время разговор шел о пустяках, Дэвис и Эванс вспоминали общих знакомых. Но затем Дэвис переменял тему.

– Слушай, Ларри, у меня к тебе серьезный вопрос. (Габриэль опустил руку в карман и нажал кнопку магнитофона.) Слышал ли ты там у вас в Европе что-нибудь о компании «Дабл Эй»?

– «Дабл Эй»? Нет, не приходилось. Это что, филиал Си-Ай-Эй?⁴ – Эванс рассмехался.

– Я бы предпочел, чтобы это был филиал. Но дело серьезнее. Они в нашем бизнесе, работают в Альберте. А порт приписки у них Гибралтар.

³ В английском алфавите Дабл (Double) и Игл (Eagle) расположены рядом.

⁴ ЦРУ

– Какого черта! В Гибралтаре нет нефтяных компаний. Уж я-то знаю. Там много всяких темных финансовых групп, но серьезных компаний, а особенно нефтяных, там точно нет.

– В том-то и дело, Ларри. Гибралтар – это крыша. У меня сильное подозрение, что под этим названием действует какая-то крупная итальянская компания. В общем, запомни – «Дабл Эй». Если что-то узнаешь – буду очень обязан.

– О'кей, Билл, буду иметь в виду. А чем они тебя так зацепили?

– В общем-то ничего особенного. Просто какие-то аутсайдеры, ведут себя вызывающе, работают не по правилам.

– Понятно, – согласился Эванс, – так бывает.

Габриэль перемотал кассету и подошел к Алексу.

– Хотите послушать сейчас, мистер Франк, или потом?

– Что-нибудь интересное?

– Думаю, что да.

Они отошли к дальнему столику и сели в кресла. Габриэль положил на стол магнитофон и прикрыл его программой конференции. Алекс вставил наушник.

– Интересно, – сказал он, прослушав запись, – этот мистер Дэвис чем-то другим, кроме нас, занимается? А кто такой Ларри?

– Ларри Эванс из «Альбион Энерджи», – ответил Габриэль.

Алекс достал записную книжку и внес в нее новое имя.

– Любопытно, откуда эта версия насчет итальянцев? – удивился Габриэль.

– Трудно сказать, – ответил Алекс, – может быть, здесь что-то личное. Но это его проблема.

– Нам это может пригодиться, мистер Франк. Во всяком случае, о такой версии забывать не стоит.

– Ну что ж, у тебя на это карт-бланш, Габи. А сейчас мне что-то расхотелось слушать эти скучные доклады. Не двинуться ли нам в обратный путь к нашему Камерону.

9

Заседание Совета директоров в чикагской штаб-квартире «Игл Корпорэйшн» продолжалось уже целый час. Сначала многие члены Совета не очень понимали, о чем идет речь. Лишь некоторые из них обладали достаточными техническими знаниями, чтобы представлять себе весь процесс разведки, начиная от выхода на совершенно не изученную девственную территорию до выделения на ней наиболее перспективных локальных участков, бурения первой поисковой скважины, ее испытания и всех последующих операций, вплоть до определения границ месторождения и запасов нефти. В советы директоров промышленных корпораций входят не только специалисты, но и банкиры, экономисты, юристы, бывшие высокопоставленные правительственные чиновники и отставные генералы. Технологическими вопросами они не занимаются. Их интересы лежат в области стратегии бизнеса. Поэтому Биллу Дэвису и Джеку Тэйлору, приглашенным на Совет в качестве докладчиков, потребовалось приложить усилия и ответить на многочисленные вопросы, прежде чем все его члены осознали, что речь идет не об узких технических вопросах, а о стратегии. Стратегии выживания корпорации. Как только они это поняли, уровень и направление дискуссии быстро изменились.

Один из директоров, юрист по образованию, спросил Тэйлора – нельзя ли легальным путем получить патентное описание метода и технологии, которые применяет «Дабл Эй»? Тэйлор ответил, что он более чем уверен в отсутствии патента. Авторы должны быть наивными людьми, чтобы полагаться на патентную защиту метода и видеть в ней гарантию своих эксклюзивных прав. Речь идет не о товарном издании, которое при незаконном изготовлении конкурентом можно

легко обнаружить на рынке и начать судебное преследование. Мы имеем дело с методом, который, в случае его раскрытия, может использоваться любой нефтяной компанией как угодно долго без того, чтобы об этом стало известно. А патентное описание технологии, несмотря на то, что в нем намеренно опускаются наиболее важные детали ноу-хау, все же дает возможность специалистам понять главный принцип. «Поэтому я убежден, — заключил Тэйлор, — что люди из «Дабл Эй» избрали другой способ защиты. Они просто засекретили все, что связано с методом. Даже название компании вымышленное. Скорее всего за ним скрывается какая-то известная корпорация, обладающая достаточными финансовыми и техническими средствами для осуществления прорыва там, где все остальные потерпели неудачу».

— Вы говорите, что даже название компании вымышленное. Ну, а хотя бы ее национальная принадлежность известна? — спросил юрист.

— Мы лишь знаем, что «Дабл Эй» зарегистрирована в Гибралтаре, — ответил Дэвис, — но это, конечно, не говорит о ее национальной принадлежности. Скорее, это часть общего плана конспирации. По некоторым признакам можно заключить, что компания итальянская. Но полной уверенности в этом нет. Мы не знаем, где находятся ее главный офис и лабораторная база, каковы источники финансирования.

В это время зазвонил мобильный телефон Дэвиса. Он извинился, отошел в дальний угол зала, о чем-то быстро переговорил и вернулся.

— Джентльмены, только что мне сообщили, что «Дабл Эй» начала бурение еще двух скважин на блоке Камерон. Таким образом, у них одновременно работают четыре буровые установки. Для разведочного этапа это беспрецедентно, если учесть, что они не проводили предварительные сейсмические исследования, которые необходимы для выбора точек бурения.

— Не могли бы вы более подробно прокомментировать эту новость? — спросил другой член Совета, президент одного из крупных банков.

— Из этого сообщения можно сделать два вывода. Во-первых, они полностью уверены в том, что все четыре скважины дадут нефть. Иными словами, они игнорируют так называемый принцип зависимых скважин, когда каждая последующая бурится в зависимости от результатов предыдущей. Тем не менее, речь, видимо, идет не о неоправданном риске, а о каких-то других критериях оценки нефтеносности, которые нам неизвестны. И, во-вторых, по каким-то причинам они намерены закончить разведку как можно скорее. Учитывая размеры блока Камерон, для его разведки требуются минимум пять скважин, образующих в совокупности четыре смежных треугольника. Это именно то, что они делают. Работа ведется очень профессионально и грамотно, — закончил Дэвис.

Дискуссия приобретала все более конкретный характер. Почти все присутствующие так или иначе выразили свое отношение к проблеме. И только один человек еще не проронил ни слова. Это был вице-председатель Совета директоров Джон Андерсон. Впрочем, такое молчание было в его стиле. Во время заседаний Совета он обычно следовал принципу Джона Рокфеллера, родоначальника династии миллиардеров, стоявшего у истоков американского нефтяного бизнеса. Старик Рокфеллер не начинал говорить, пока не выслушивал всех остальных. Он считал, что руководитель должен вести себя подобно сове из его любимого стихотворения:

Жила на дубе мудрая сова,
Изрядно повидав, скупая на слова,
Лишь молча слушала и много узнавала —
Ей подражать и нам бы не мешало.

(Перевод автора)

После декламации этого четверостишия Джон Рокфеллер обычно добавлял: «Человек учится говорить очень рано, молчать — очень поздно».

Джон Андерсон был введен в Совет директоров около года назад, после завершения военной карьеры. Последние десять лет он занимал одну из ключевых должностей в управлении стратегической разведки и завязал тесные связи в сфере большого бизнеса. Несколько крупных промышленных компаний предложили ему руководящие посты, но он выбрал «Игл Корпорэйшн», так как за время работы в разведке оценил уникальный характер нефтяного бизнеса, в котором тесно переплетаются национальные и глобальные стратегические интересы. Он был буквально одержим нефтью, о которой знал почти все. Андерсон любил приводить слова Гарольда Айкса, госсекретаря по внутренним делам в правительстве Рузвельта, сказанные им в конце Второй мировой войны: «Скажите мне, как будут распределены нефтяные ресурсы, и я скажу вам, как долго продлится мир». Джона Андерсона отличало от других членов Совета умение быстро схватывать суть любой проблемы, будь то техническая, финансовая или юридическая. И вот теперь, слушая вопросы и комментарии коллег, он ясно видел, что никто из них не может выйти за рамки своей основной профессии, подняться над ней и оценить ситуацию в целом. Андерсон решил, что настало время вступить в разговор.

— Джентльмены, — обратился он к Совету директоров, — я полагаю, что всю эту историю с «Дабл Эй» следует рассматривать не с точки зрения конкурентной борьбы, нормы прибыли, юридических коллизий или совершенствования технических средств. Эти стандартные подходы неприменимы к возникшей ситуации, ибо сама ситуация нестандартная. Речь идет о выживании нашей корпорации в условиях, когда мы оказались отброшенными на технологические задворки. Наши суперсовременные сейсмические станции, компьютерные системы обработки информации, наши оснащенные по последнему слову науки исследовательские лаборатории оказываются в этих условиях ненужным балластом, так как появился метод, позволяющий обнаруживать нефть без них. Нас можно уподобить стрелку из лука в век снайперских винтовок с лазерным прицелом. В этой ситуации есть только два способа выжить — или метод «Дабл Эй» будет работать на нас, или мы должны сделать так, чтобы ни метод, ни «Дабл Эй» не существовали. Позвольте мне высказать свою мысль предельно четко — ни то, ни другое не произойдет само по себе. Речь идет о проведении операции, сходной с военной, в которой должны участвовать группы разведки, подавления и захвата. Разумеется, я не имею в виду воинские подразделения. Работа должна быть выполнена нашими людьми с привлечением специалистов из соответствующих частных агентств. Полагаю, что смогу использовать также собственные связи. Говоря о сходстве с военной операцией, я подразумеваю лишь методы планирования, исполнения и контроля. Все это будет стоить больших денег. Очень больших. Но если мы будем бездействовать, то потеряем намного больше. А в конечном итоге потеряем все. Мы не можем позволить себе бесконечно обсуждать эту проблему на своих заседаниях. Группа координации оперативной работы должна быть создана уже сегодня. Хочу высказать еще одно соображение. Проблема «Дабл Эй» затрагивает интересы всех без исключения нефтяных компаний. Однако привлечение к операции хотя бы одной из них означает заведомый провал. Поэтому мы будем действовать одни. И соответственно, в случае успеха, мы будем единственными, кто выиграет. Неудача станет общей. И последнее. Я хотел бы задать вопрос мистеру Дэвису. Надеюсь, Билл, «Дабл Эй» не подозревает, что является объектом вашего пристального внимания? Я имею в виду встречу с этим парнем из Квебека и другие шаги, которые я оцениваю как вполне профессиональные.

— Безусловно, сэр. Они ничего не знают, — уверенно ответил Дэвис.

— Это очень важно, Билл. Важно, чтобы они и впредь ничего не знали. В этом залог успеха, — генерал в отставке Джон Андерсон, бывший начальник отдела специальных операций, снова чувствовал себя в привычной стихии.

День выдался долгий. Алекс и Габриэль на двух машинах объехали все скважины, обсудили технические и организационные вопросы, убедились, что бурение идет нормально. Они всегда ездили одновременно на обоих «лэндроверах». В Вермиллион вернулись поздно вечером. На паркинге гостиницы, где обычно стояли три-четыре примелькававшиеся машины, они увидели незнакомый «форд транзит» с надписью на бортах: «Биологические исследования. Университет Альберты».

— У вас гости, Фрэд? — спросил Габриэль дежурного клерка.

— Биологи, сэ.р. Приехали днем, часа в два.

Алекс и Габриэль поднялись в свои комнаты. Они порядком устали, мечтали поскорее принять душ и лечь спать. Но уже через двадцать минут Габриэль тихо постучался к Алексу. Войдя, он приложил палец к губам и показал записку: «У меня были визитеры. Нашел три “жучка”. Нужно проверить вашу комнату». Обследовав ее портативным детектором, он обнаружил микрофоны в настольной лампе, телефонном аппарате и под столом. Габриэль указал на них Алексу, но снимать не стал. Затем взял лист бумаги и написал: «Это — “биологи”. Мы с вами сейчас должны немного поговорить и упомянуть какую-нибудь итальянскую компанию. Затем прощаемся. “Спокойной ночи” по-итальянски “буона ноттэ”. Начинайте». Алекс кивнул.

— О'кей, Габриэль. Сейчас в Милане семь утра. В офисе еще никого нет. Свяжемся с ними завтра. Вы подготовили отчет по бурению для руководства «Петролеум Италияно»?

— Да, все готово. Завтра можно отправлять.

— Хорошо, Габриэль. Буона ноттэ.

— Буона ноттэ, синьор Франкони.

Габриэль ушел, хлопнув дверью. Рано утром они спустились в ресторан и заняли свой постоянный столик. Вскоре появились трое незнакомых посетителей — двое мужчин и интересная молодая женщина. Они сели за соседний столик и стали обсуждать меню. Женщина довольно откровенно посматривала на Габриэля. Поймав его взгляд, она улыбнулась, обнажив красивые ровные зубы. Габриэль ответил вежливой сдержанной улыбкой. Алекс молча наблюдал. Затем написал на бумажной салфетке: «Биологи?» Габриэль кивнул, вытер салфеткой губы и сунул ее в карман.

Позавтракав, они вышли к машинам и обсудили ситуацию. Было решено оторваться от «биологов» и переехать в городок Стин Ривер, в ста пятидесяти километрах к северу от Вермиллиона. Он расположен почти рядом с блоком Камерон, но через него проходит оживленный хайвей Маккензи. Именно поэтому Алекс в свое время отказался от соблазна устроить там свою базу. Преимущество Вермиллиона в том, что он лежит в стороне от этой магистрали. Но сейчас, когда в нем появились такие любопытные соседи, переезд в Стин Ривер стал единственным выходом из положения. Произошло то, о чем Алекс говорил во время последней встречи у Шмуэля — скаутов сменили профессионалы, у которых совсем другая хватка. Расплатившись за гостиницу, они погрузили в машины свой небольшой багаж и отправились на север.

Билл Дэвис уже не первый раз читал короткое сообщение группы разведки, как ее называл Джон Андерсон и которая была нанята в частном агентстве «Независимые детективы»: «Прослушиванием установлено, что “Дабл Эй” является подразделением компании “Петролеум Италияно”, главный офис в Милане. Сегодня утром Алекс Франкони (настоящая фамилия) и его помощник покинули Вермиллион и отбыли в неизвестном направлении. Жду указаний. Фрэйзер». Дэвис снял трубку и набрал телефон Джека Тэйлора: «Зайдите, Джек».

– Вот, Джек, полюбуйте, – сказал он, передавая ему текст, – этот мистер Франк лишь мелкая рыбешка. Рядовой исполнитель. К тому же он не Франк, а Франкони. Конспиратор хренов. Мозговой центр у них в Милане. Там же, вероятно, и лабораторная база.

– Все правильно, Билл. Абсолютно правильно. Я с самого начала считал, что это дело рук какой-то крупной корпорации, у которой есть технические и финансовые возможности для такого прорыва. «Петролеум Италияно» эта задача вполне по силам.

– Должен сказать, Джек, что получаешь интеллектуальное удовлетворение, когда оказываешься прав в такой неопределенной ситуации. Ведь мы с вами буквально по крупичкам собирали информацию и пришли к двум правильным выводам. Во-первых, что это крупная компания, а во-вторых, что это итальянцы. Пока у нас с ними идет состязание умов. И мы его выигрываем. Надеюсь, выиграем и все остальное. А сейчас надо сообщить об этом нашему генералу.

Дэвис попросил секретаря соединить его с Джоном Андерсоном в Чикаго.

– Хэлло, мистер Андерсон. Только что получено сообщение группы разведки, – Дэвис прочитал текст. – Хотелось бы знать ваше мнение. Я имею в виду указания Фрэйзеру и вообще дальнейшие действия.

Несколько минут Дэвис слушал молча.

– Хорошо, мистер Андерсон, – сказал он наконец, – я вас понял. Мы отзовем его.

Дэвис повернулся к Тэйлору.

– Генерал считает, что операцию в Вермиллионе можно сворачивать. Там мы больше ничего не узнаем. Надо будет лишь проследить за результатами бурения, но это сделают скауты. Он планирует перенести все действия в Милан, поближе к «Петролеум Италияно». И намерен заняться этим лично, используя свои итальянские связи. О'кей, отзываю Фрэйзера. Я даже рад, что отныне это забота больших шишек в Чикаго, а не наша. Мы свое дело сделали.

11

Доктор геофизики Роберто Массини, элегантный мужчина лет сорока пяти на вид, с живым выразительным лицом, похожий на Марчелло Мастрояни, был поглощен грустными размышлениями. Рабочий стол в его кабинете на виа Сан Дона-то, где находится главный офис компании «Петролеум Италияно», был завален проектами, которые требовали срочного рассмотрения. Но он не мог заставить себя думать о делах, когда вся его жизнь вдруг начала разваливаться. Долгие годы он упорно и целеустремленно строил свою профессиональную карьеру. Работал в самых поганных местах с гиблым климатом, вдали от цивилизации. И, наконец, к пятидесяти годам компания оценила его опыт, знания и преданность. Роберто был переведен в Милан и назначен начальником отдела новых разведочных технологий. Его зарплата и бенефиты намного возросли. А главное, прекрасная Италия – это не Нигерия, Габон или Индонезия, где он провел свои лучшие годы.

Роберто с головой ушел в работу. Задача его немногочисленного отдела состояла в том, чтобы следить за всеми новинками в области разведки, оценивать их и давать экспертные заключения о целесообразности использования компанией. Помимо этого, у него была и собственная сфера ответственности – рассмотрение идей и предложений, авторами которых являлись сотрудники компании и которые поступали в отдел по внутренним каналам. По установившемуся правилу все они, независимо от ценности, считались конфиденциальными. Несмотря на то, что большинство предложений были либо плодом фантазии авторов, либо отражали недостаточное знание предмета, иногда попадались действительно хорошие идеи,

которые заслуживали поддержки и реализации. Роберто называл себя «мусорщиком», который разгребает груды хлама в поисках редких ценных находок.

«Петролеум Италияно» — это большая международная корпорация, имеющая филиалы во многих нефтедобывающих странах мира. В ней заняты тысячи сотрудников. Поэтому у Роберто всегда хватало работы. Он научился определять ценность предложений с первого взгляда на диаграммы и чертежи. И даже разработал собственную классификацию, в которой среди прочих были и такие категории: велосипед, вечный двигатель, плагиат, заявка на Нобелевскую, опоздание на десять лет, опережение на сто лет. Время от времени на его рабочем столе появлялись проекты, воплощавшие заветную мечту каждого разведчика — прямое обнаружение нефти. Почти все они повторяли старые отвергнутые идеи, о чем авторы или не знали, или забыли. Вот и сейчас он занимался пухлой папкой материалов, полученных от двух геофизиков из шотландского филиала компании, которые утверждали, что разработали метод прямого обнаружения с помощью сейсморазведки. В папке были аккуратно собраны все относящиеся к делу карты, таблицы и диаграммы с детальным описанием предлагаемой технологии. Основой ее, по заявлению авторов, являлось различие в акустическом сопротивлении между нефтяным пластом и всеми другими породами. Месяца два назад Роберто напомнил им, что явление это известно и что метод, основанный на нем, называется методом «яркого пятна», которое такое различие создает на сейсмограмме. Но, к сожалению, результаты его применения не всегда однозначны. Из Шотландии пришел обстоятельный факс, из которого следовало, что авторы хорошо представляют себе недостатки метода. Поэтому они разработали усовершенствованную компьютерную программу, которая позволяет существенно повысить его эффективность. После некоторых сомнений и колебаний Роберто решил вынести обсуждение этого предложения на технический совет компании. Он пригласил авторов в Милан и теперь ждал их приезда. «Кто знает, — думал Роберто, — возможно, эффективность и удастся немного повысить. Надо попробовать».

Но, кроме работы, у доктора Массини была и личная жизнь, в которой все вдруг пошло кувырком. Многие годы, вдали от Италии, он был лишен широкого круга общения, заботился только о семье, карьере и банковском счете. Оказавшись после всего этого в Милане, имея достаточно свободных денег и будучи еще не старым человеком, он вдруг обнаружил, что, помимо семьи и работы, существует что-то еще. И случилось неизбежное. Мария ворвалась в его жизнь стремительно и заполнила ее всю, без остатка. Она была красива, на двадцать лет моложе Роберто и благосклонно приняла его ухаживания. Он совершенно терял голову, когда слышал ее нежный ласковый шепот — «О, мой Марчелло». Последовал сокрушительный бракоразводный процесс, в результате которого жена и трое детей получили все нажитое за долгие годы имущество, а в качестве алиментов — львиную часть его зарплаты. Роберто остался без дома, с сильно урезанным банковским счетом и скромным ежемесячным доходом. Надо было начинать жизнь сначала, но красавица Мария хотела все сразу и по самой высокой категории — квартиру, мебель, машину, туалеты, поездки на дорогие курорты.

... Доктор Массини сидел за своим рабочим столом и размышлял о том, как жить дальше. Вскоре должно было состояться обсуждение шотландского предложения на техническом совете, но его голова была занята совсем другими проблемами. И в таком состоянии он находился не день и не два, а почти всю неделю. Телефонный звонок прервал его невеселые мысли.

— Доктор Роберто Массини? Здравствуйте. Меня зовут Витторио Роккарди. Я работаю в области общественных связей в солидной консалтинговой фирме. Мне бы хотелось встретиться с вами. И, если не возражаете, не в формальной обстановке.

– Витторио Роккарди? Простите, синьор Роккарди, но ваше имя и род занятий мне ни о чем не говорят. Нельзя ли уточнить, с какой целью вы хотите встретиться?

– Видите ли, доктор Массини, это крайне сложно сделать по телефону. Могу только заверить, что наша встреча будет для вас весьма интересна.

– Я, право, не понимаю... Но если вы полагаете... Ну что ж, давайте увидимся... А о чем все-таки речь?

– Спасибо, доктор Массини. Уверю, вам будет интересно. Как насчет сквера около замка Сфорца? Не возражаете? Тогда назовите, пожалуйста, время.

– Сегодня вечером я как раз свободен. Восемь часов вас устроит? – Роберто стал ощущать какое-то вязкое любопытство. – А как я вас узнаю, синьор Роккарди?

– Не беспокойтесь, доктор Массини. Я подойду к вам. Итак, замок Сфорца, восемь часов. До вечера, доктор Массини.

Ровно в восемь Роберто подошел к скверу. Точность была его отличительной чертой. В ту же минуту к нему направился высокий седой мужчина аристократической внешности, с военной выправкой.

– Здравствуйте, доктор Массини. Благодарю за любезное согласие встретиться со мной, – мужчина приподнял шляпу и представился: – Витторио Роккарди, адвокат.

– Здравствуйте, синьор Роккарди. Где мы будем разговаривать? Здесь, в сквере?

– Нет, конечно. Давайте зайдем в кафе «Гротта Адзурра»⁵ напротив. Очень уютное местечко.

Они заняли столик и заказали по чашечке кофе с бисквитом.

– Слушаю вас, синьор Роккарди.

Роккарди улыбнулся.

– Да, да, доктор Массини. Я понимаю, вы заинтригованы этим неожиданным звонком. Сейчас я все объясню. Дело в том, что я представляю очень большую промышленную корпорацию, которая интересуется, ну скажем, некоторыми техническими разработками, сделанными в «Петролеум Италия».

При этих словах Роберто начал подниматься со стула, не оставляя сомнений, что намерен закончить разговор и уйти.

– Подождите, подождите, доктор Массини, – Роккарди почти силой усадил его на место. – Прошу вас, дослушайте. Вы можете уйти в любой момент. Но сначала дослушайте. Это вас ни к чему не обязывает.

Роккарди на мгновение утратил спокойную уверенность и сделал тяжелый выдох.

– Сейчас, сейчас я все объясню. Знаете что, доктор Массини, позвольте мне быть с вами предельно откровенным. Но только прошу вас – не делайте больше попыток закончить разговор. Поверьте, он важен для вас не меньше, чем для меня. Итак, предельно откровенно. Те, кого я представляю, знают все о ваших финансовых затруднениях. Абсолютно все. Прошу прощения за бесцеремонность... И предложение, которое я уполномочен сделать, решит не только ваши нынешние проблемы, но вы будете избавлены от них до конца жизни. А я желаю вам прожить до ста лет. Я предлагаю десять миллионов долларов. Десять миллионов! – с ударением повторил Роккарди.

Воцарилось молчание. Лицо Роберто оставалось спокойным и непроницаемым, но было слышно, как шуршит накрахмаленная салфетка в его руках.

– Даже если завтра вы уйдете из «Петролеум Италия», вы не будете бедным человеком, – добавил Роккарди, не отводя глаз от пальцев собеседника, лихорадочно теребивших салфетку.

⁵ «Голубой грот» – итал.

Роберто почувствовал, что погружается в какое-то липкое сладостно-мерзкое состояние. В голове, как удары молоточков, застучали бессвязные слова: десять миллионов – Мария – десять миллионов – Мария – о, святая Дева Мария, укрепи дух и разум... Желание встать и уйти почему-то пропало. «Странно, – подумал он, – почему не уйду? Ведь сейчас он потребует что-то ужасное... украсть... убить».

– Что я должен сделать? – слова сорвались с его языка помимо воли.

– Вот это уже серьезный вопрос, – голос Роккарди вернул Роберто к реальности, – с него мы и начнем. Нам известно, что в вашей компании разработан метод прямого обнаружения нефти. Я не специалист, вы лучше меня знаете, что это такое. Сейчас я хочу только услышать от вас подтверждение, что это действительно так, что такой метод разработан.

– Ну, допустим... – неопределенно произнес Роберто.

– Нет, это меня не устраивает. Никто не будет платить десять миллионов за «допустим». Да или нет?

– Да, – голос Роберто был таким твердым, что это удивило его самого.

– Прекрасно. Это именно то, что я хотел услышать. Впрочем, мы знаем об этом и без вас. Ваше «да» нужно лишь как доказательство, что вы серьезный партнер. Ну, а теперь соединим обе части вместе. Мы от вас получаем детальное описание метода со всей технической документацией, а вы от нас – десять миллионов.

– Да, но... – начал было Роберто.

– Никаких «но». Для вас это сделка всей жизни. Другого такого шанса не будет, доктор Массини. Так что не стоит заниматься пустыми разговорами. Давайте переходить к деталям, – Роккарди говорил жестким повелительным тоном.

– Я должен... э, я должен... э, подумать, – язык плохо повиновался Роберто, мысли разбегались.

– Сколько времени вы намерены думать?

– Завтра... Ответ завтра.

– Хорошо. Подождем до завтра. А пока у меня к вам два вопроса. Первый – когда может быть готова вся техническая документация? И второй – вы должны сообщить мне название банка и номер счета. В какой банк нам следует перевести деньги?

– В какой банк? Я думаю, в швейцарский. Но я должен поехать в Лугано и открыть счет. Это займет один день. Копия документации? Для этого потребуется еще день. Итого два дня.

– Договорились. Надеюсь, вы не собираетесь с кем-то советоваться?

– Нет, не собираюсь.

– Предупреждаю, Массини, не делайте глупостей. Я представляю очень серьезных людей. Они не любят шутить.

На следующий день полковник военной разведки Витторио Роккарди сообщил своему старому другу генералу Джону Андерсону, что кропотливая работа, на которую у него ушло почти два месяца, успешно завершена. Он назвал стоимость сделки, которая не превысила максимальную сумму, санкционированную Андерсоном, и от которой зависели его собственные комиссионные. Роккарди добавил, что упорно торговался, начав с одного миллиона. Но Массини меньше чем о десяти и слышать не хотел, заявив, что товар стоит намного больше и что сам он рискует головой.

Еще через два дня полковник получил пухлую папку с технической документацией, а десять миллионов долларов были переведены в банк «Кредит Свисс» на имя Роберто Массини. Роккарди раскрыл папку и прочитал на титульном листе: «Яркое пятно». «Кодовое название» – решил опытный разведчик. Вслед за этим доктор Массини внезапно уволился из компании из-за резкого ухудшения здоро-

вья, вызванного семейными неурядицами, и уехал из Италии в неизвестном направлении. Его сопровождала молодая красивая спутница. Перед отъездом он как хороший католик посетил церковь Санта-Мария делле Грацие на Корсо Верчелли и вознес благодарственную молитву Деве Марии за чудесное избавление с помощью посланного ею синьора Роккарди от всех своих житейских проблем. А падре Антонио был несказанно удивлен и обрадован щедрым пожертвованием, которое сделал этот незнакомый, но ревностный прихожанин.

— Могу ли я узнать, сын мой, кого мы должны благодарить за выражение столь искренней любви к Святой церкви? — спросил падре.

— Упомяните в своей молитве, святой отец, новообращенного сына церкви Карло Тибальди, — ответил незнакомец.

Роберто понимал, что произошла какая-то загадочная ошибка и что очень скоро синьор Роккарди или те, кого он представляет, захотят снова встретиться с ним. Он не был заинтересован в такой встрече. Слова о серьезных людях, которые не любят шутить, не выходили у него из головы. Поэтому отныне доктор геофизики Роберто Массини перестал существовать. Вместо него появился преуспевающий бизнесмен Карло Тибальди. По настоянию Марии он слегка изменил свою внешность и стал еще больше похож на Марчелло Мастрояни...

12

Все четыре дополнительные разведочные скважины на блоке Камерон обнаружили тот же нефтяной пласт, что и первая. Он выделялся на каротажных диаграммах настолько отчетливо, что Алекс решил не тратить время на проверку его пластоиспытателем, а сразу спускать обсадные колонны, цементировать их и прострелять перфораторами. После этих операций на устье каждой скважины была установлена фонтанная арматура, называемая на языке нефтяников «рождественской елкой» из-за сходства с этим обвешанным игрушками деревом. Сходство создавали многочисленные горизонтальные трубки, манометры, вентили, расположенные на главной вертикальной трубе, как на «стволе». Все скважины были подготовлены к добыче нефти. На этом этап разведки закончился.

Месторождение, о существовании которого не было известно еще полгода назад, красовалось среди пологих холмов Камерон своими покрытыми голубой краской «рождественскими елками», как новенький с иголки океанский танкер, готовый к спуску со стапелей. Оно фактически и было гигантским подземным танкером, огромным природным резервуаром, заполненным нефтью, дремавшей миллионы лет под двухкилометровой толщей горных пород. И вот теперь пять скважин, как тонкие иглы, проткнули этот резервуар и дали выход нефти на поверхность. Скоро, по воле своего нового хозяина, она вырвется из пласта, как джинн из бутылки. Будет ли этот джинн служить добру или злу? И кто станет его хозяином? Сегодня Камерон еще всецело принадлежит группе «Дабл Эй». Но это только сегодня. Пройдет немного времени, и здесь появятся другие владельцы. Они пробурят десятки новых скважин, называемых эксплуатационными, построят нефтесборные сооружения и насосные станции, проложат нефтепроводы. Холмы Камерон изменятся неузнаваемо. Нетронутый природный ландшафт уступит место безобразному индустриальному пейзажу. Такова цена, которую наша маленькая планета платит за так называемый технический прогресс, которым одержимы населяющие ее неразумно разумные существа. В конце концов они погубят ее. Но таков закон самоуничтожения, заложенный в живой природе. Подчиняясь ему, микробы и вирусы, живущие в организме человека, уничтожают этот организм, хотя он и является их единственной средой обитания. Так же ведут себя люди по отношению к планете Земля. «Она вертится», — утверждал Галилей

вслед за Коперником. «Но не настолько, чтобы отвернуться от людей», — подумал Алекс.

Все эти странные мысли пришли в голову неожиданно и настроили его на философский лад. Раньше ни о чем подобном он не задумывался. Если встать на такую точку зрения, то получается, что всю свою жизнь он только и занимался уничтожением природы? «Чушь какая-то, — подумал Алекс. — Вот что значит расслабиться после нескольких месяцев плотной работы. Всякая ерунда лезет в голову. И потом, опять эта литературщина — джинн из бутылки, добро и зло... Еще не время размягчать серое вещество. Есть неотложные дела».

А дела, действительно, были. В первую очередь следовало подсчитать запасы нефти. Алекс начал с того, что уточнил границы месторождения. По форме оно напоминало изящный удлинённый овал. Нарисовав его на карте и написав внутри большими буквами КАМЕРОН, он получил настоящее эстетическое удовольствие. Вспомнились слова погибшего на войне поэта: «Я с детства не любил овал...» Знал бы он, сколько красоты, завершенности и миллионов тонн нефти может заключать в себе эта геометрическая фигура. Ее можно не только полюбить, но и сделать своим алтарем. И приносить на нем жертвы богам. Каким богам? Богу профессионализма. Богу удачи. Богу прямого обнаружения. Ну и, конечно, золотому тельцу. Да, тельцу. Ибо один из законов великого Мэрфи гласит: «Неважно, о чем говорят, — речь всегда идет о деньгах». И закон этот еще никто не опротестовал и не подверг сомнению...

Через несколько дней, после сложных вычислений, учета всевозможных коэффициентов и физико-химических параметров нефтяного пласта, подсчет запасов был закончен. Нефти на месторождении оказалось больше, чем Алекс вначале предполагал. Соответственно и норма прибыли после его продажи должна превысить ту, которая когда-то произвела такое впечатление на Шмуэля. Из Израиля прилетел адвокат Рон Берман. Совместно они оформили необходимые финансовые отчеты, расплатились с «Дриллинг Энтерпрайз» и «Вэлл Сервисез», переведя деньги со швейцарского счета группы «Дабл Эй». Затем привели в порядок юридические документы на владение месторождением в соответствии с законами провинции Альберта. Теперь настало время приступить к завершающему этапу — поиску покупателей. Этот вопрос следовало решать вместе со Шмуэлем и Андреем. Поэтому Алекс, Рон и Габриэль заканчивали последние дела и готовились вылететь в Израиль. Два других сотрудника службы безопасности, Гидеон Эйтан и Морис Шахар, улетели на неделю раньше.

А в это время в «Игл Корпорэйшн» бушевал небывалый скандал. Как только руководству корпорации стало известно, что именно купил Джон Андерсон за десять миллионов долларов, началось внутреннее расследование. Руководство хотело выяснить, кто еще причастен к этой сделке и нет ли здесь преступного сговора с целью присвоения денег компании. Очень быстро было установлено, однако, что Андерсон — единственный инициатор и виновник всего дела. Никаких корыстных побуждений в его действиях обнаружено не было. Следственная комиссия пришла к выводу, что причиной столь нелепой акции были лишь абсолютная некомпетентность и использование методов, чуждых профессиональным нормам и традициям корпорации. Это проявилось не только в том, что сделка была заключена без предварительной научно-технической экспертизы, но и в том недопустимом давлении, которое Андерсон оказал на финансовый отдел, потребовав ее немедленной оплаты. Бравый генерал был выведен из Совета директоров, и ему было заявлено, что впредь он не может работать ни в одном из подразделений компании. В его личном деле появилась запись: «Не подлежит трудоустройству в “Игл Корпорэйшн”». На этом карьера Джона Андерсона в нефтяном бизнесе закончилась.

Во избежание ущерба репутации компании расследование велось строго конфиденциально и были приняты меры для предотвращения утечки информации. Но, как это обычно бывает, слухи о скандале сначала распространились внутри компании, а затем выплеснулись за ее пределы. Поскольку мало кто знал, что именно произошло и за что уволен вице-председатель Совета директоров, появлялись всевозможные догадки, одна невероятнее другой. Они обрастали сенсационными подробностями и вскоре превратились в своего рода местный фольклор. Единственным неизменным стержнем всех этих историй было утверждение, что «Игл Корпорэйшн» приобрела где-то в Европе у какого-то проходимца за огромные деньги что-то такое, что оказалось совершенно ненужным и бесполезным. С этим были согласны все. Но что именно было приобретено, не знал никто. Поэтому каждый рассказчик придумывал собственную версию. Наконец, произошло то, чего руководство компании опасалось больше всего, – история докатилась до газет. Доброе имя «Игл Корпорэйшн» начали склонять в лучших традициях желтой прессы. Поскольку официальные представители компании отказывались от каких-либо комментариев, журналисты добывали информацию из сомнительных источников, добавляя к ней изрядную долю собственных домыслов.

Алекс, Рон и Габриэль летели прямым рейсом из Торонто в Израиль. Сразу же после взлета стюардессы раздали газеты. Габриэль не спеша перелистывал таблоид «Сан», когда на глаза ему попался крупный заголовок: «Орел схватил не ту добычу»⁶, под которым был подзаголовок в виде вопроса: «Кто подставил генерала?» В статье рассказывалась почти детективная история. Некто Джон Андерсон, бывший генерал разведки, а ныне вице-председатель Совета директоров «Игл Корпорэйшн», якобы узнал по своим секретным каналам, что в одной из европейских стран проживает некий гениальный изобретатель. Он придумал совершенно необычный прибор, который спускается в бурящуюся скважину, позволяя оператору на поверхности визуально наблюдать все, что в ней происходит, и распознавать нефтяные пласты. Андерсону сообщили, что многие нефтяные компании охотятся за этим прибором, поэтому изобретатель ушел в подполье, опасаясь за свою жизнь. Генерал решил во что бы то ни стало раздобыть изделие. Он задействовал свои старые европейские связи, и, наконец, подпольщик был обнаружен на квартире любовницы. В статье подробно описывались ее женские прелести. После долгих и трудных переговоров, в которых любовница принимала активное участие, изобретатель согласился продать чертежи за сумму, названную его подругой. Автор статьи не имел точной информации на этот счет и поэтому ограничился лишь приблизительной цифрой – около пятнадцати миллионов долларов. Сделка состоялась. Изобретатель получил свой гонорар, а генерал Андерсон – чертежи и всю техническую документацию. И вот тут произошло самое пикантное. Когда был изготовлен образец прибора, оказалось, что это увеличенный до размеров скважины обыкновенный медицинский проктоскоп, которым пользуются для обследования прямой кишки. Разразился грандиозный скандал. Опозеренный Андерсон вынужден был уйти в отставку. В статье говорилось также, что он поклялся разыскать афериста и рассчитаться с ним. Но автор справедливо полагал, что гениальный изобретатель и его не менее гениальная подруга вряд ли продолжают с нетерпением ждать генерала в своей прежней скромной квартирке. Поэтому он советовал своему герою забыть об изобретателе, а вместо этого найти тех, кто его действительно подставил.

Давясь от смеха, Габриэль передал газету Алексу.

– Мистер Франк, прочтите. Здесь речь идет о наших старых знакомых.

Алекс прочитал статью и долго не мог вымолвить ни слова – его душил смех. Наконец, он пришел в себя.

⁶ «Игл» – Eagle – по-английски «орёл»

— Габи, если в этом есть хотя бы доля правды, то бюст Андерсона нужно установить в «Игл Корпорэйшн». Он прославил компанию. А все же интересно — кто его подставил? (Ни ему, ни Габриэлю и в голову не приходило, что именно они погубили карьеру бедного генерала. И лишь много времени спустя Алексу стала понятна связь между их методом, аферой Андерсона и «Петролеум Италияно».) Впрочем, — продолжал он, — подобные аферы случались и раньше. Одна из наиболее громких связана с крупнейшей французской нефтяной компанией «Элф-Аквитан» и произошла в начале восьмидесятых. Она получила широкую известность в нефтяном мире как «афера нюхающего самолета». Несколько ловких «изобретателей» продали компании электронную аналитическую систему, которая устанавливалась на самолете и позволяла якобы по химическому составу заборного воздуха обнаруживать нефтяные месторождения при облетах исследуемой территории. Анализатор воздуха назывался «сниффер», что означает «нюхатель». Его испытания проводились в условиях полной секретности в течение трех лет. Ввиду огромного экономического потенциала «изобретения» в финансировании проекта негласно участвовало французское правительство. Президент Жискара Д'Эстен лично санкционировал выделение средств из специального фонда, предназначенного для непредвиденных ситуаций. Видимо, Франция решила взять реванш за отказ от парохода Фултона при Наполеоне и стать владычицей «нефтяных морей». В наш век это более важно, чем «править морями», как поется в британском гимне. Однако этим амбициям не суждено было сбыться. Хотя испытания «сниффера» с участием самих «изобретателей» прошли успешно, но в конечном счете все обернулось грандиозным надувательством и потерей ста миллионов долларов. Скандал расследовался специальной правительственной комиссией, которая пришла к выводу, что «Элф-Аквитан» стала жертвой беспрецедентного мошенничества. Под угрозой оказались не только репутация компании, но и престиж президента. Поэтому отчет комиссии был засекречен и предан гласности только при Франсуа Миттеране, который сменил Д'Эстена в Елисейском дворце. Помню, «Фигаро» писала тогда с сарказмом, что нефтяные компании все еще не могут расстаться с мечтой о методе прямого обнаружения, который на самом деле не более реален, чем «философский камень», способный превращать металлы в золото. Журналисты больше разбираются в алхимии, чем в нефтяной геологии, — закончил Алекс с улыбкой.

Продолжение следует

Rainer Maria RILKE

DER LESENDE

Ich las schon lang. Seit dieser Nachmittag,
mit Regen rauschend, an den Fenstern lag.
Vom Winde draußen hörte ich nichts mehr:
mein Buch war schwer.
Ich sah ihm in die Blätter wie in Mienen,
die dunkel werden von Nachdenklichkeit,
und um mein Lesen staute sich die Zeit.
Auf einmal sind die Seiten überschienen,
und statt der bangen Wortverworrenheit
steht: Abend, Abend... überall auf ihnen.
Ich schau noch nicht hinaus, und doch zerreißen
die langen Zeilen, und die Worte rollen
von ihren Fäden fort, wohin sie wollen...
Da weiß ich es: über den übervollen
glänzenden Gärten sind die Himmel weit;
die Sonne hat noch einmal kommen sollen.
Und jetzt wird Sommernacht, soweit man sieht:
zu wenig Gruppen stellt sich das Verstreute,
dunkel, auf langen Wegen, gehn die Leute,
und seltsam weit, als ob es mehr bedeute,
hört man das Wenige, das noch geschieht.

Und wenn ich jetzt vom Buch die Augen hebe,
wird nichts befremdlich sein und alles groß.
Dort draußen ist, was ich hier drinnen lebe,
und hier und dort ist alles grenzenlos;
nur daß ich mich noch mehr damit verwebe,
wenn meine Blicke an die Dinge passen
und an die ernste Einfachheit der Massen,
da wächst die Erde über sich hinaus.
Den ganzen Himmel scheint sie zu umfassen:
der erste Stern ist wie das letzte Haus.

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИКА В ЗЕРКАЛЕ КЛАССИКИ РУССКОЙ

Райнер Мария РИЛЬКЕ

ЗА КНИГОЙ

Я зачитался, я читал давно,
с тех пор как дождь пошёл хлестать в окно.
Весь с головою в чтение уйдя,
не слышал я дождя.

Я вглядывался в строки, как в морщины
задумчивости, и часы подряд
стояло время или шло назад.
Как вдруг я вижу, краскою карминной
в них набрано: закат, закат, закат...
Как нитки ожерелья, строки рвутся,
и буквы катятся куда хотят.
Я знаю, солнце, покидая сад,
должно ещё раз оглянуться
из-за охваченных зарёй оград.
А вот как будто ночь по всем приметам.
Деревья жмутся по краям дорог,
и люди собираются в кружок
и тихо рассуждают, каждый слог
дороже золота ценя при этом.

И если я от книги подыму
глаза и за окно уставлюсь взглядом,
как будет близко всё, как станет рядом,
сродни и впору сердцу моему!

Но надо глубже вжиться в полутьму
и глаз приноровить к ночным громадам,
и я увижу, что земле мала
околица, она переросла
себя и стала больше небосвода,
а крайняя звезда в конце села —
как свет в последнем домике прихода.

Перевод Бориса Пастернака

ФРАГМЕНТЫ

(из книги «Почтовая лошадь»)

ШАПОЧНЫЙ РАЗБОР

МАСТЕРА И УЧЕНИКИ

Литераторы старшего поколения, начинавшие до революции или в двадцатые годы, уходили из жизни. Я попал к шапочному разбору.

От Пушкина это поколение отделяло всего несколько десятилетий. Это была тонкая пленка высочайшей культуры. Революция взболтала общество, и на поверхность вышли низы, часто талантливые, но как правило бескультурные. Им предстоял такой долгий путь к вершинам культуры, что на него не хватало жизни.

Уходившие литераторы уносили с собой не только культуру и мастерство, но и нравственные законы. Например, отношение к младшим. Их по-настоящему заботило, кто будет продолжать их дело, и волновало появление каждого нового таланта, большого или малого. Само собой разумелось, что младшие всем существом стремятся оправдать это отношение старших.

Я общался с мастерами, и с меня сходило семь потов стыда, потому что сведений о культуре я почти не имел, а понятия у меня были дикие, — сказала война, блокада и гибель семьи. И я навсегда благодарен старшему поколению за стоическое терпение.

Через много лет, всё с той же неизменной благодарностью сердца перечитываю письма из архивной папки. В этих письмах есть великодушные слова в мой адрес. Если я их привожу, то ради памяти мастеров, их заботы об учениках, их самоотверженной готовности прийти на помощь. Что же касается моих работ, читатель сам вынесет им приговор, и никакое заступничество тут не поможет.

Школу я оканчивал в 1950 году, война только-только отошла в совсем близкое прошлое, и большая часть мужского населения донашивала гимнастерки и кителя. Отец погиб во время блокады, мать работала участковым врачом, а я писал стихи и был предоставлен самому себе. Беда была в том, что наша семья никогда не соприкасалась с людьми литературы и искусства. Множество вопросов, а спросить некого.

Но произошло, одно за другим, три чуда. Первое — то, что мой одноклассник и лучший друг Илья оказался сыном художницы Александры Николаевны Якобсон, и я впервые увидел настоящего мастера с настоящим отношением к искусству. Александра Николаевна и ее муж, художник Миней Ильич Кукс, сразу отнеслись ко мне, как к еще одному сыну. Не знаю, что они видели в моих юношеских стихах и переводах, но что я пылал страстью к искусству, как пышет жаром больной с температурой за сорок, — это было для всех очевидно.

За этим чудом последовало другое: через некоторое время Александра Николаевна подарила мне книгу. На чистом начальном листе она нарисовала два окошечка с занавесками и написала: «Юному соседу по Парнасу». То есть признала за своего, пусть начинающего, но настоящего. Это было так важно для меня! А третьим чудом оказалась, собственно, сама книга, сборник переводов Самуила Яковлевича Маршака «Вересковый мед», да еще и с рисунками Лебедева. Я стал читать, в сердце мне ударило эхо иноязычной, но таинственно родной поэзии, и на десятой странице я уже твердо знал, что переводить стихи я буду всю жизнь. А вот чего я не мог знать — что всю жизнь буду любить переводы Маршака и всю жизнь с ним творчески спорить.

Александра Николаевна познакомила меня с домом Виталия Валентиновича Бианки и еще с одной семьей художников – Василием Адриановичем Власовым и Татьяной Владимировной Шишмаревой. С их сыном Борисом я подружился. А отец Татьяны Владимировны, академик Владимир Федорович Шишмарев, позвонил Михаилу Леонидовичу Лозинскому, который в то время уже очень болел и никого не принимал. По рекомендации Шишмарева я оказался в доме Лозинских. Стал учеником Михаила Леонидовича, а после его смерти разобрал и описал его архив. Наметился еще один путь, от Виталия Валентиновича Бианки к Евгению Львовичу Шварцу.

От одного мастера к другому – таким был счастливый путь моей студенческой юности. Счастливый, хотя время было смутное, наверху шла борьба за власть, исход и последствия которой трудно было предвидеть. Пламя Гулага еще догорало, оно вполне могло разгореться снова, и мастера передавали друг другу нового ученика, как младенца на пожаре.

БИАНКИ

Радужный гостеприимный дом маститого писателя, в котором каждую субботу собиралось дружеское сообщество биологов, охотников, молодых и немолодых литераторов – каким счастьем для меня, в то время студента, была возможность приходить в этот дом, встречать доброжелательный взгляд Виталия Валентиновича, слушать литературные разговоры, иногда читать свои переводы классических английских поэтов. С этими переводами я, разумеется, выглядел в доме Бианки белой вороной, но это несколько не мешало общению, а хозяину, вероятно, доставляло истинное развлечение. Именно здесь подошел однажды ко мне ботаник и поэт Кронид Всеволодович Гарновский и спросил:

– Отчего бы вам не перевести баллады о Робин Гуде? По-моему, они вам очень подойдут.

И я начал переводить, и с головой ушел в перевод. В то время моей главной проблемой было – усидеть за столом: все время хотелось прыгать в высоту и бежать стометровку. И к этому состоянию как нельзя лучше подошли робингудовские баллады с их упругим непоседливым существом.

Была в доме и своя загадка. Имя Виталия Бианки широко известно, его книги издаются громадными тиражами по всему миру, но кто он? Да, у него, как у каждого настоящего писателя, есть свой мир, но это мир зверей и птиц. Где большой психологический роман, с любовью на фоне эпохи? Где повести и рассказы, в которых главные герои – люди, а не представители мира животных? И от кого из великих классиков он ведет свою литературную родословную?

Разгадка пришла ко мне уже после того, как не стало Виталия Валентиновича. Крылов! Иван Андреевич Крылов. Этот путь в литературе – особый, редкостный и славный путь. И не нужен Виталию Бианки традиционный роман: характеры его лесных персонажей говорят сами за себя, незаметно учат читателя глубже всматриваться не только в природу, но и в свою совесть, ибо по тому, как относится человек к природе, можно судить о самом человеке.

В одну из литературных суббот я прочел перевод стихотворения Киплинга «Перемирие с медведем» («The Truce with the Bear»). По-русски это название звучало слишком прозаично, и я назвал перевод именем медведя: «Адам-За», – я был еще настолько молод, что мог позволить себе подобную вольность. Сам же перевод был сделан с увлечением, но увы, опять-таки по молодости лет – не в размере подлинника. Вместо шестистопного акцентного трехсложника – правильный восьмистопный хорей с цезурой после четвертой стопы. Вот это стихотворение:

Редьярд Киплинг

АДАМ-ЗА

Взяв палатки и двухстволки, наши люди каждый год
По ущелью Матинеи отправляются в поход.
Каждый год бредет в колонне, то в начале, то в конце,
Мэттен – старый грязный нищий с перевязкой на лице.

Он плетется вслед за нами – без зубов, без губ, без глаз.
Он бормочет, заикаясь, надоевший свой рассказ.
Он трясется, старый Мэттен, заикаясь, он твердит:
«Не щади, сагиб, медведя – он тебя не пощадит.

Был остер кремень в мушкете, порох сух и смазан ствол,
И на Адам-За, медведя, я охотиться ушел.
Я в последний раз увидел, как снега в горах лежат,
Собираясь на медведя пять десятков лет назад.

Из насиженной берлоги сквозь колючие кусты
Адам-За бежать пустился на открытые хребты.
Он помчался с полным брюхом, испуская стон и рык.
Два хороших перехода — и медведя я настиг.

Два хороших перехода — и к концу второго дня
Он тащился, задыхаясь, в полумиле от меня.
Палец мой лежал на спуске, я не знал, что значит страх,
И тогда медведь поднялся и пошел на двух ногах.

Человеческой походкой, на меня смотря с мольбой,
Шел, подняв, как на молитве, обе лапы над собой.
Я глядел, как ходит брюхо, презирал я и жалел
Умоляющего зверя, что попался на прицел.

Я жалел и удивлялся, и не выстрелил тогда.
С той минуты потянулись бесконечные года.
Сталь когтей была всё ближе и клыков стальной оскал.
От бровей до подбородка он лицо мое содрал.

Я почувствовал, как кости на лице моем горят,
И к ногам его свалился — пять десятков лет назад.
Он возился и хихикал, а потом убрался прочь.
Мне осталась ваша жалость, надо мной повисла ночь.

Я слышал, что новым ружьям не нужны кремень и трут.
Их быстрее заряжают, и они вернее бьют.
Но подайте мне монету — я открою вам глаза,
О беспечные сагибы, на коварство Адам-За.»

Там, под тряпкой, рдело мясо, темным пламенем горя.
Этот старый нищий Мэттен с нас монеты брал не зря.
«Поднимите зверя шумом в жаркий полдень из кустов,
Пусть сагибов не смущает этот подлый стон и рев.

Но, сагиб, настанет время, ты прицелишься — и вот
Человеческой походкой на тебя медведь пойдет.
Человеческой походкой на тебя пойдет медведь,
И его свиные глазки будут жалобно глядеть,

И его стальные лапы будут подняты с мольбой.
Знай, сагиб, что это значит: это смерть перед тобой».

На привале, темной ночью, без зубов, без губ, без глаз
Старый, грязный нищий Мэттен повторяет свой рассказ.
Он ощупывает ружья, греет руки у костра.
Завтра мы идем в долину, завтра — славная игра.

Он трясется, старый Мэттен, заикаясь, он твердит:
«Не щади, сагиб, медведя — он тебя не пощадит».

То ли описание встречи с медведем пробуждало в хозяине совершенно реальные воспоминания, то ли перевод и в самом деле в какой-то степени передал поэзию Киплинга, но Виталию Валентиновичу стихотворение понравилось. С тех пор каждую субботу в середине вечера хозяин дома поворачивался ко мне и доброжелательно говорил:

— Ну, а теперь попросим прочесть «Адам-За».

Первые две-три субботы гости слушали стихотворение вполне серьезно. Потом я увидел, что с началом чтения слушатели прячут глаза и сдерживают смех. Но хозяин был неумолим. На субботах появлялись новые люди, и Виталий Валентинович хотел, чтобы они непременно услышали стихотворение Киплинга. Приходилось снова и снова читать злополучный перевод, хотя само его название уже вызывало сдержанный смех постоянных гостей.

Елена Израилевна Рывина даже сочинила экспромт, пародируя мой перевод баллады «Робин Гуд и епископ»:

Я по субботам прихожу
Обычно в этот дом,
Где «Адам-За» в трехсотый раз
Я слушаю с трудом.

— О пощади, о пощади,
Прекрасный наш поэт!
Все время слушать то ж да тот ж,
Ей-богу, силы нет.

— Не пощажу, не пощажу, —
Сказал он наотрез
И двести двадцать восемь строк
Прочел в один присест.

А еще через несколько суббот она прочла двестише в размере «Адам-За»:

Я сижу, трясясь и плача, я теряю аппетит.
Не щади, сагиб, поэта — он тебя не пощадит.

ДРАГУНСКИЙ

Популярность «Денискиных рассказов» Виктора Юзефовича Драгунского была неописуемой. Можно сказать, что их читала и хохотала над ними вся Россия разом. Я сам видел, как деревенский мальчик, читая рассказ, от смеха упал вместе с табуреткой. Новорожденных повально называли Денисами. Читательские письма приходили мешками.

Было среди них и мое письмо. Я послал Драгунскому рассказ «Катя» и приглашение от редакции районной газеты, где я тогда работал, приехать погостить на Север. В ответном письме Виктор Юзефович писал:

«... Теперь о главном. Кто написал рассказ “Катя”? Дайте его фамилию — автора то есть. Постараюсь напечатать. Мне понравился рассказ — в нем свежесть и льдинка. Незнакомый язык — поэтому юмор до меня очень доходит. Хорошо, что коротко — лаконично, — все это меня прельстило, выношу похвалу и благодарность от имени русской литературы, хотя и вижу, что Чехов, Бунин и Платонов влияли на создателя вещи, — но это ничего, компания подходящая. 3-х летняя девчушка говорит:

— Страмовка, чудо погано! Убью тебя!

Это серьезно и весело. Добро и правда. И верно, что она задничкой бьет в дверь, пока отойдет. Кстати, я бы так и написал.

Портрет учительницы — традиционен и сладковат. Я бы посолил — может быть и старая с грубыми жухлыми руками.

Класс “победоносно запевает”. Тут слово “победоносно” — сомнительно, хотя то, что хотелось передать, — доходит, впечатление радостной горластости достигается».

С рассказом «Катя» Драгунский обошел многие московские редакции. Но мужики в рассказе пьют, а как раз в это время шла очередная кампания борьбы с пьянством. Редакции рассказ отвергли.

ЗАБОЛОЦКИЙ

Шварцы и Заболоцкие тесно дружили семьями. Однажды Евгений Львович при мне говорил с Николаем Алексеевичем по телефону, и у меня было странное ощущение нереальности происходящего: оба Заболоцких, автор «Столбцов» и автор поздних стихотворений, существовали для меня в вечности, а не в нынешнем дне.

Летние месяцы я иногда проводил в деревне недалеко от Смоленска. И однажды написал письмо Николаю Алексеевичу, пригласил его приехать на лето. Мне очень хотелось познакомить Заболоцкого с местными жителями, например, с Василием Яковлевичем Сухоруковым, помимо сильного и оригинального ума обладавшего не менее сильными сверхъестественными способностями. Помню, как привезли на телеге страшно раздувшуюся корову – ее укусила в вымя гадюка, как Василий Яковлевич парился в бане, готовясь к врачеванию, как вылечил животное травами и заговорами, и как через три дня корова мирно ушла домой, привязанная к той же телеге.

Мы уже готовили для Заболоцких пустовавший дом, мыли полы, обтирали стены, проветривали. Но пришло письмо, которое доставило мне и огорчение, и радость.

«Обстоятельства и намерения мои в отношении лета несколько изменились. Лето я проведу на Оке в г. Тарусе Калужской обл. Это в 130 км от Москвы, там живут мои друзья, счастливые обладатели машины; они шефствуют над моей скромной особой, которая по нездоровью действительно нуждается в некоторых удобствах. Таким образом отпадает план провести лето с Вами, в относительном далеке от Москвы. Сердечно благодарю Вас за внимание и простите, что не смог воспользоваться Вашим предложением.

Ваш перевод поэмы Лонгфелло я прочитал с удовольствием и пользой для себя. Он выгодно отличается от многих иных переводов этой книги, т.к. сделан с любовью, мастерством и талантом. Желаю Вам новых успехов и рассчитываю на то, что в дальнейшем мы с Вами познакомимся поближе.

Ваш Н. Заболоцкий»

КАВЕРИН

Автор столь любимого мною в отрочестве романа «Два капитана» почти безвыездно жил в Москве, и я послал ему письмо о Севере, о том, что меня окружало. Завязалась переписка. Привожу выдержки из нескольких писем.

«Вы меня очень обрадовали новым письмом. Я его прочитал своим семейным вслух. Во-первых, оно написано отлично, таким спокойным, ясным, русским языком, что и слух, и глаз невольно отдыхают. Во-вторых: я знал, конечно, что несмотря на все многолетние бедствия, исконная интеллигенция все-таки сохранилась. Но что исконная русская деревня еще жива – это для меня новость.

Нет, Вы должны об этом написать. И в письме видны, как живые, люди. Что же будет, когда возьмется Вы за рассказы о таких Агафоновых? Если Вы так богаты наблюдениями – конечно, я от Агафоновых не откажусь, хоть они – да и все Холмогоры – бесконечно далеки от моего будущего романа.

Конечно, у меня есть проза Евгения Львовича. Знаете ли Вы, что его друзья собрали и вскоре выпустят сборник воспоминаний о нем. Там будет и моя небольшая статья.

По-прежнему: меня интересует все. Рад буду прочитать Ваши новые рассказы. Пишите».

«Спасибо Вам за новые интересные письма. Первый том¹ посылаю одновременно с этим письмом.

¹ Первый том собрания сочинений Каверина. И. И.

Вы спрашиваете меня, что Вам писать²? Но Вы уже пишете то, что Вам надо писать. Соедините случаи, характеры, природу, поверья — вот Вам и книга. Вопрос только в композиции и еще в том, что всего этого должно быть много. Так писал прекрасный, мой любимый С.В.Максимов. Композиция у него, как Вы знаете, разная. Одна, так сказать, горизонтальная: «Год на Севере», другая — вертикальная: «Бродячая Русь Христа ради». У Вас в руках «инвентарь», который непременно станет картиной. Я вижу ее уже в Ваших письмах.

Что касается Ваших переводов — они хороши, и не стоит, мне кажется, оставлять это прелестное занятие. Но, мне кажется, Вы сильнее как потенциальный прозаик».

«Сердечно поздравляю Вас с рождением сына. Это — прекрасно. Со своей стороны, Вы можете поздравить меня с рождением внуки (четвертой). Это тоже очень хорошо, тем более, что у нее — тыняновский лоб.

Меня очень порадовало оглавление Вашей книги. Я совершенно уверен, что это будет удача, в особенности, если Вам удастся добиться свободы, т.е. забыть, что литература — это дело, требующее какого-то особенного, благоговейно-торжественного отношения. С литературой надо обращаться, как с женой, т.е. любовно, просто и смело. С чувством, что ей все равно некуда деваться и никуда она от Вас не убежит. Тогда-то и получаются хорошие дети».

«Жизнь идет, за годы, что мы не виделись, произошло немало событий, о которых стоило бы рассказать при встрече. Рад, что у Вас все в жизни складывается так хорошо. Любовь к литературе и оптимизм так же помогают Вам, как всю жизнь помогали мне».

ШВАРЦ И ПАНТЕЛЕЕВ

Не больше десяти раз я был у Евгения Львовича Шварца на Посадской, раза три — на даче в Комарове. С первой минуты пораженный и плененный Шварцем, я приходил к нему, зная о нем мало. Разве я мог знать тогда, что передо мной автор «Дракона»? Школьник выпуска 1950 года — это в некотором роде историческое явление по отсутствию информации.

Знакомый композитор предложил написать либретто оперы по пьесе Шварца «Тень». Окончив первый акт, я отнес его Шварцу.

Сквозь робость и смущение вижу большого, рыхловатого и какого-то породистого человека. Стоя с рукописью в руке посреди комнаты, он с воодушевлением читает вслух то единственное место, которого в его пьесе не было, — арию Ученого о человеческих руках:

Глядишь, рука, дрожащая от горя,
А в ней счастливца легкая рука.

Потом с серьезным, почти деловым видом говорит:

— Шекспир... Вот возьму и вставлю в новое издание. И не докажете, что это вы сочинили. Кто вы такой? Никто. А я — известный писатель Евгений Шварц.

Это сказано так прелестно, с такой тонкой игрой, что мне сразу становится легко и свободно. И уже не мешают собственные руки и ноги.

В магазине я увидел пишущую машинку. Стоила она тысячу семьсот рублей. Денег у меня не было, а продавщица, как водится, дала сорок минут срока.

Я вбежал во двор дома Шварца вслед за чьей-то «победой». Как тут же выяснилось, в «победе» приехал он сам. Машина плавно развернулась, и Шварц в дохе и круглой меховой шапке тяжело вылез наружу. Меня он не заметил. Я зашел сбоку и сказал скороговоркой, понизив голос:

— Евгений Львович — остается двадцать минут — пишущая машинка — тысяча семьсот!

² Задавая этот вопрос, я имел в виду — о чём писать в письмах Каверину, что именно его интересует в жизни провинции, но Вениамин Александрович понял вопрос шире. И.И.

Конечно, Шварц оценил мизансцену. Картинный разворот машины, богатая шуба — всё это был чистый театр, внезапное богатство в последнем акте, ибо Евгений Львович всю жизнь боролся если не с нуждой, то с бедностью. Деньги появились поздно. Машина и доха были куплены лишь по настоянию Катерины Ивановны.

Оценил он и мою скороговорку. Дерзость тоже была вполне театральной и требовала такого же ответа.

Шварц не обернулся. Вынул из кармана пачку денег — ехал он из банка, где в то время получали какие-то виды гонораров — неторопливо отсчитал сколько следовало и отдал через плечо. А затем, так и не обернувшись, внушительно проследовал в подъезд.

Через полчаса пишущая машинка стояла на его рабочем столе, для обозрения. Евгений Львович сказал Катерине Ивановне:

— Как приятно, что куплена нужная вещь. Для работы.

Потом повернулся ко мне:

— А ведь я был уверен, что вы берете на пропой.

На Посадской за чаем весьма самоуверенная кинорежиссерша рассказывала о всякой всячине. В том числе о необыкновенно тяжелом фурункулезе, постигшем ее перед войной.

Шварцу в тот вечер нездоровилось. К тому же Катерина Ивановна наливала гостям вино, а ему — безалкогольную вишневую плазму. Разговор о фурункулезе ему совсем уже не понравился. И когда гостя сообщила, что ее, по счастью, вылечил знаменитый Бадмаев и взял всего сто пятьдесят рублей, Евгений Львович участливо заметил:

— В самом деле, дешево. Это выходит — по рублю за фурункул.

И гостя надолго умолкла.

Я ловил и рассказы окружающих о Шварце. Любые подробности.

Художник Миней Ильич Кукс зашел однажды к Евгению Львовичу на комаровскую дачу. Вместе они отправились через дорогу в магазин: врачи прописали Шварцу лекарство, которое полагалось принимать на водке. Маленьких бутылок в магазине не оказалось, купили поллитровую. Евгений Львович истово проделал лекарственную процедуру, на что водки ушло десять капель. Потом поднял бутылку, посмотрел на свет и предложил:

— Допьем остаток?

За разговором они остаток и допили — благо Катерина Ивановна уехала в город — и тут же уснули глубоким сном до самого вечера.

В послевоенные годы Евгения Львовича, случалось, приглашали на беседы в Большой дом (так в разговорах называли ленинградское управление КГБ). Приглашали и Миней Ильича. После одной такой беседы они встретились у выхода, и Евгений Львович сказал задумчиво:

— Не понимаю, что им от нас нужно? Всё, как будто, в порядке. Две хорошие русские фамилии: Кукс и Шварц.

Однажды в присутствии Шварца кто-то не слишком уважительно отозвался о Чехове.

Шварц переменялся мгновенно. Лицо побледнело, речь стала особенно отчетливой. Глядя на невежду в упор, он проговорил, словно диктуя:

— Вы не умеете читать. Вам н е н а д о читать.

Воспоминания о Евгении Львовиче я отослал Алексею Ивановичу Пантелееву. Он — лучший друг Шварца, ему и судить. Вскоре пришло письмо:

«Я прочел Ваши короткие воспоминания и не узнал в них Евгения Львовича Шварца. Кроме точно запомнившейся реплики в защиту Чехова — всё неправда. У Шварца никогда не было дохи. Он не имел банковского счета. Даже играючи, в шутку, он не мог бы выговорить: “Я — известный писатель”.

В ответном письме я поблагодарил Алексея Ивановича за прямоту. Но вступил с ним в спор:

«Всё было именно так. Евгений Львович меня поразил, это обострило восприятие, и всё существенное запомнилось точно.

Вы совершенно правы относительно дохи. Эта моя товароведческая оплошность произошла оттого, что Катерина Ивановна называла шубу Евгения Львовича именно дохой, — и я поддался

воспоминанию. Имел же я в виду вообще богатое зимнее платье. Как сказано в Ваших воспоминаниях, “шуба была, что называется, богатая...”

Прилагаю постскрипtum, в котором нет ничего спешного, — когда-нибудь, может быть, прочтете».

Вот некоторые места из этого постскриптума.

«Хотя мне и было двадцать три года, но внутренний мой возраст составлял тогда лет семнадцать, так я и держался. Иначе как мальчика, слегка помешанного на Байроне и Китсе, Евгений Львович меня и не воспринимал. Слова его по поводу стихов либретто “Тени” я помню совершенно четко. Он сказал их легко, между прочим, с прелестной юмористической интонацией, и в комнате мы были одни, и никакого серьезного явления я не представлял собой — а так, мальчик очень увлеченный и подающий некоторые надежды.

С покупкой машинки дело было так. В Пассаже появился один-единственный экземпляр “Оптимы” — большая новость. К машинке уже приторговывался некий полковник, и мне в самом деле было дано сорок минут на принос денег. Я звонил Бианки, Якобсон, Власову — деньги можно было получить завтра, послезавтра, через два часа, но не тотчас. Оставалась последняя возможность — Катерина Ивановна. Она сказала мне по телефону: “Евгений Львович уехал за деньгами в банк, должен скоро вернуться. Приезжайте на всякий случай, может быть, успеете”. Я взял такси. Шофер бранился, потому что перед нами всё время шла какая-то “победа” и задерживала нас. Как потом выяснилось, в “победе” ехал Евгений Львович. Далее произошла описанная мною сцена. И молчаливая выдача денег, и фраза о “пропое” — всё точно.

При Вас Евгений Львович мог бы и не сказать какой-нибудь фразы. Или сказал бы ее другому. Еще при ком-нибудь сказал бы еще иначе. Конечно, не потому, что изменил бы себе или Вам. Разные люди обращаются к разным граням одного и того же человека. Комбинация этих граней бывает неуловимой.

Мне кажется, это одна из причин, почему написанное мною Вы сочли неправдой.

Должен сказать, что к воспоминаниям вообще я отношусь как к необходимому злу. Терпеть не могу, когда вспоминают, не имея что вспомнить, когда лезут в племянники к умершему, когда длинно пишут о пустяках, когда сводят счеты и кокетничают. Бывает и хуже: не зависящие от вспоминающего обстоятельства не позволяют коснуться ни одной из действительных радостей и бед ушедшего человека. И вот мы читаем о долгих часах общения, смутно подозревая, что на эти долгие часы оба собеседника были поражены глухонемой: никаких следов настоящего разговора».

В следующем письме Алексей Иванович сменил гнев на милость:

«Должен сказать, что этот постскрипtum показался мне интереснее, живее, значительнее тех, специально написанных воспоминаний о Шварце, которые Вы прислали мне прежде. Всему веришь — и рублевым фурункулам мадам К., и тому, как Евгений Львович и Миней Ильич лечились водкой, и двум хорошим русским фамилиям... Если к этим черточкам веселого Шварца прибавить вспышку гнева, вызванного неуважительным отношением к Чехову — получится если не готовый портрет, то очень четкий эскиз к портрету...»

Воспоминания Евгения Львовича Шварца («Телефонная книга») были изданы спустя много лет. В них я прочел несколько строк о моей матери (она как дежурный районный врач бывала у Шварца) и о себе. Получил весть из дальнего, дальнего края.

ШОСТАКОВИЧ

На открытке — почерк великого композитора, общепризнанного гения. Что же он пишет никому не известному студенту?

«Многоуважаемый

Игнатий Михайлович!

Ваши переводы я получил. Отвечаю с большим опозданием, т.к. долго не был в Москве. Переводы очень хороши. Если будет время и возможность, обязательно ими воспользуюсь.

С лучшими пожеланиями

Д.Шостакович».

Получив эту открытку, я вспомнил эпизод из жизни Ромен Роллана. В молодости он испытал полное разочарование в себе и в своих силах. И вот, придя домой в расположении духа, близком к самоубийству, он нашел письмо — от Льва Толстого. Роллан еще раньше послал Толстому отчаянную исповедь и забыл об этом, настолько не надеялся получить ответ. Но получил — длинное, исповедальное, участливое, ободряющее письмо.

Лев Толстой отвечал на все письма, ответил и неизвестному французскому студенту. Роллан воспрял духом, и дела его пошли на поправку.

ВАЛЬТЕР СКОТТ О ФУТБОЛЕ

Был такой месяц декабрь, когда я выиграл множество пари. Встретив в какой-нибудь редакции доброго приятеля, забрасывал удочку:

— Спорим на бутылку коньяку, что я напечатаю перевод из Вальтер Скотта в газете «Футбол-хоккей»?

— Спорим, — заглатывал наживку приятель. — Ни за что не напечатаешь.

Я доставал из портфеля газету, и приятель читал:

«Уважаемая редакция!

Готовя к переизданию сборник моих переводов английской и шотландской поэзии, я перечитывал стихи Вальтер Скотта и к своему удивлению наткнулся на стихотворение о футболе.

Я узнал, что сигналом к началу матча в Шотландии во времена Вальтер Скотта служил костер, зажженный на вершине горы. Что играли, разоблачившись. Что игра носила атлетический характер (упоминается падение на вереск). Что после игры утоляли жажду вином (надо понимать, легким и в небольшом количестве), причем пили в первую очередь за болельщиков.

Но главное — Вальтер Скотт (1771-1832) написал стихотворение на ту же тему, что советский поэт Василий Лебедев-Кумач. «Эй, вратарь, готовься к бою», — писал Лебедев-Кумач и сравнивал вратаря с часовым-пограничником. А Вальтер Скотт напоминал, что одно и то же знамя реет над полем игры и над полем боя.

Посылаю вам свой перевод этого стихотворения. Оно включено в книжку, которая выйдет в наступающем году. Название — «Дерево свободы», издательство «Детская литература».

С уважением...»

Далее следовало стихотворение:

Вальтер Скотт

ПЕСНЯ

*по случаю водружения знамени
перед большим футбольным матчем
на Картерхоу*

С отдаленных холмов игроков собирая,
Загорелся костер на вершине горы,
И отважные горцы, как гончая стая,
Несутся по вереску к месту игры.

Поднимем же знамя! Оно над горами
Немало столетий летело, как дым.
Пусть реет со славой над нашей забавой,
Мы в битве кровавой его защитим.

Коль захватчики с юга грозили войною,
Это знамя смирало разбойничий пыл.
Возле древка вставляли могучей стеною
Суровые воины, полные сил.

Пусть эхо войны никогда не проснется.
Но если нагрянет упрямый гордец,

То прежде, чем нашей святыни коснется,
Он тысячи встретит бесстрашных сердец.

Снимайте одежду и, счастью доверяясь,
Вперед! Ничего, если ливень пошел.
Есть беды страшней, чем паденье на вереск,
И жизнь, если вдуматься, тоже футбол.

А после забавы, охвачены жаждой,
Мы выпьем за тех, кто следил за игрой.
В обеих ватагах пусть славится каждый,
А храбрый игрок – настоящий герой.

Поднимем же знамя! Оно над горами
Немало столетий летело, как дым.
Пусть реет со славой над нашей забавой,
Мы в битве кровавой его защитим.

Притель нехотя отправлялся в магазин за бутылкой, которая и распивалась в дружеской компании. Что делать – пари. Неожданное и для одной из сторон беспроигрышное.

РАЗМЕРОМ БАЛЛАДЫ

Екатерина Васильевна Серова, автор многих книг для детей, искренне возмущалась тем, с каким трудом пробивали путь к читателю переводы баллад о Робин Гуде. И однажды прочитала мне стихи. Они написаны размером самих баллад, но Екатерина Васильевна усложнила задачу: зарифмовала не только четные, но и нечетные строки.

Воскрес из мертвых Робин Гуд,
И вдруг – какой сюрприз! –
Писательский избрал он труд
И вот попал в Детгиз.

Сто звонких песен и баллад
Он сдал секретарю:
– Смотри, какой бесценный клад
Детгизу я дарю! –

Потом к редактору попал
Прославленный герой.
Ему сказали: – Матерьял
Совсем еще сырой.

– Сырой? – обиделся стрелок. –
Да он лежал века!
– Ну что ж, еще хоть лет пяток
Пусть полежит пока. –

Натуру буйную смилив,
Уняв порывы гнева,
Спросил герой: – Где тут шериф?
– Пожалуйста, налево³.

С почтеньем двери отворив,
Вошел к шерифу Робин.

³ Налево от входа помещался кабинет директора издательства.

– Прошу простить, – сказал шериф, –
Мне вторник неудобен.

Прошу вас в пятницу, к пяти. –
А в пятницу ответ:
– Я в среду вас прошу зайти. –
Среда – шерифа нет⁴.

Поэтов шайку в полчаса
Скликает Робин Гуд
И в комаровские леса⁵
Они гурьбой бегут.

Вновь Робин весел и здоров,
Щадит простой народ
И лишь одних редакторов
Живыми не берет.

⁴ Обычная тактика директора.

⁵ Комарово – пригород Ленинграда, где находился Дом творчества писателей.

ПИСЬМО ИЗ БАВАРИИ

ПИСЬМО ИЗ БАВАРИИ

... Ну что вам сказать? По-видимому, существует в природе (в природе человека?) эта болезнь: Nostalgia, Heimweh, Тоска по родине. И, как в случае с любой болезнью, некоторым удаётся её благополучно избежать, другие, переболев в острой форме, совершенно выздоравливают, а есть и такие, у которых она переходит в хроническое пожизненное страдание.

Прошлым летом в Петербурге мне попались на глаза мои собственные письма пяти- или даже шестилетней давности. Дети, когда уезжали в Германию, конечно, их оставили, и я, разбирая мои старые бумажки, письма эти аккуратно сложила и привезла обратно в Мюнхен, потому что они все-таки правдивее, чем какие-нибудь воспоминания, написанные позже. Как пишут воспоминания: перелистывают записные книжки, сосредоточенно покусывают ручку (или гладят клавиатуру) и, вперившись взглядом в потолок и в прошлое, возбуждают в себе давние чувства по поводу минувших происшествий. Или их придумывают — и чувства, и происшествия. А письма, даже если там не вся правда, всё равно честнее, на них ведь, действительно, «кровь событий». Не вся, правда... Конечно, не вся правда. Читая свои письма, удивляюсь — нигде не пишу, что первый год — это год тяжёлой болезни, не знаю, как её назвать — ностальгия, депрессия... а уж описать совсем невозможно. Когда-то, опираясь на костыли, я стояла у окна в клинике Военно-медицинской академии и смотрела, как быстро передвигают ногами снующие внизу на улице озабоченные прохожие — мне непонятно было, как это получается у людей — ходить (ничего, потом сама научилась). И здесь, в Германии, я долго не понимала, как люди смеются, жуют, пьют пиво, о чем беседуют за столиками в кафе, зачем едут куда-то в чистых автобусах, как преодолевают отсутствие смысла и жжение в сердце.

Перед нашим отъездом на кухне у меня сидел Конашенок — больной, старый, запущенный, по-прежнему сильно пьющий, одинокий и всеми брошенный.

«Ну, тогда поехали с нами», — сказала я Володе. «В Германию!? — закричал он. — Ни за что. Они убили мою бабушку. Как я могу поехать в Германию?». А я поехала, хотя отец мой погиб под Ленинградом. Ну, стреляйте теперь меня. Те, кто остались в родном краю. (Написала и спохватилась — поймала себя на этих словах, просто какой-то приём у меня получается. Старенький немец сделал мне замечание в магазине — я достала из ящика булочку рукой, а не специальными щипчиками, потому что из этих щипчиков булочка постоянно выскальзывает. Немец был абсолютно прав, но я ужасно, ужасно не люблю, когда мне делают замечания. «Dann werden Sie mich erschießen, oder...?»,¹ — спросила я его вполне вызывающе. Старик уставился на меня испуганными глазами и почти убежал — насколько могут бегать восьмидесятилетние старики, толкая впереди себя нагруженную тележку. Немцы очень боятся, что их упрекнут в дискриминации ауслендеров².) Честная подруга Лариса пишет стишок: «Покуривая в нежном холодке,/ разглядываю фрукты на лотке,/ меж тем как рядом бродят человечки,/ которые топили нами печи./ И если у судьбы на поводке/ явилась я, как будто так и надо,/ сюда за пышной кистью винограда,/ то, видимо, достойна печи ада —/не то что печи в ближнем городке». Ближний городок — это не иначе как Дахау. До сих пор еще вздрагиваю, когда читаю на указателях: Dachauer Str.³

А профессор из Петербурга, который приехал сюда с тяжело больной женой, на коммунальной кухне в общежитии сказал печально: «Хотелось использовать эту возможность — уехать в страну,

¹ Теперь вы меня расстреляете? (нем.)

² Иностранцев (нем.)

³ Улица Дахау (нем.)

где человеческая жизнь все-таки имеет какую-то ценность и убийство остаётся ненормальным явлением». Племянника профессора в Петербурге в подъезде собственного дома не убили, но искалечили, а больную жену здесь, в Мюнхене, начали немедленно лечить, и диализ уже не был такой неразрешимой проблемой.

Я смотрю в спину грустному профессору и мысленно перечисляю имена друзей и знакомых ближнего круга, убитых, избитых, ограбленных в родном городе. Ну что, вспомним по этому поводу всем известные цитаты насчет презрения к Отечеству и досады, если иностранец неосторожно разделит это чувство? Странное дело — лично у меня досада возникает, даже если это чувство попытается разделить раздраженный российскими безобразиями соотечественник. По-видимому, свойственное нам чувство противоречия находит на каждый разумный чужой довод тоже очень разумный, но наш собственный довод, опровергающий первый, — и так до бесконечности.

Например, по поводу цены жизни вспоминается мне такая сценка. В кабинете врача сидит пациент, которому нужно делать байпасс (или клапан ставить — неважно), но денег на операцию у него никаких нет, и вот пришел этот больной к врачу уже просто так, как к доброму знакомому, но в отсутствие денег абсолютно беспомощному, попрощаться собственно пришел, поскольку уезжает в Германию, где сделают ему операцию бесплатно. Врач желает ему счастливого пути и в заключение беседы задумчиво произносит: «Ну, хорошо — проживете вы еще десять лет, но ведь без Родины...». Но Родина наша — это страна молодости и здоровья. А если нет молодости и здоровья, то нужны какие-никакие денюжки.

Кажется, ностальгия или, как сказал молодой психиатр, ситуационная депрессия началась у меня с первых немецких слов «Achtung, achtung!»⁴, которыми нас разбудили в пять часов утра в Нюрнберге. Кто же не помнит этих слов, так же, как и слов: *хенде хох, хальт, хайль гитлер, капут, фройндшафт, дойче убер алес, бугер, брат, цукер*. Кем-то подсчитано, что люди, совсем не учившие язык, все-таки знают довольно много немецких слов, чуть ли не больше пятидесяти, а то и ста, просто из воздуха, из литературы, особенно военного времени, конечно. Поэтому когда новые немолодые ученики уверяли в институте Гёте, мол, «ни одного слова не знал по-немецки», это они лукавили. Это мода такая среди эмигрантов распространилась — скрывать свою первоначальную немецкую базу, по-видимому, чтобы оттенить свои успехи в языке, или, наоборот, оправдать неудачи. Поэтому факт изучения немецкого языка в школе или институте скрывается. Любопытно наблюдать человеческую природу в новых условиях. Эмиграция предоставляет для этого большие возможности. Человек оказывается вырванным не только из привычной среды, но также из прежней референтной группы, из прежнего мнения этой группы, и можно, так кажется человеку, начать все сначала. Медсестра называет себя врачом, кандидат технических наук — доктором, скромный стихотворец или краевед объявляет себя лауреатом неведомых премий. Ну хочется быть человеку значительнее. Не будем осуждать, будем снисходительны, тем более, что обязательно найдется какой-нибудь свидетель прежних лет, явится и с наслаждением разоблачит.

Вообще говоря, признаемся: эмиграция, особенно теперешняя, не всегда изгнание и беда. Очень часто это расширение опыта, новые впечатления и, между прочим, новые знания, а также необходимое человеческой судьбе разнообразие. Но это понимаешь только потом, а сначала сердце разрывает непроходящая тоска, тревога, желание спешно побросать в чемодан старенькие пожитки и первым самолетом улететь в свой бедный покинутый дом. Отвлекают — довольно успешно — занятия немецким языком, молодое студенческое оживление в институте Гёте, и постепенно начинают даже просачиваться в эту депрессивную жизнь ручейки забавного и смешного.

В нашей группе было несколько молодых иностранцев. Все — милые, приветливые, очень симпатичные, но создавалось впечатление, что прилетели мы с разных планет — какое-то совершенно другое образование получили они. Ну не знает американочка, кто такой Фолкнер, англичанин не читал Байрона, с отвращением отвергают они всякую французскую шуштуру, вроде Бальзака и Флобера, но... у меня возникло стойкое подозрение, что этим англоязычным людям неведомо такое имя, как Шекспир. Вежливый красавец Джованни, владелец предприятия по разведению рыб, сказал нашему преподавателю, который отлучался из аудитории: «Вас спрашивал кто-то, вероятно, господин Гёте». Молодой итальянец, по-видимому, воспринимал Гёте как хозяина заведения. (Ну можно ли представить, чтобы в России самый распоследний

⁴ Внимание, внимание! (нем.)

двоечник не знал Шекспира, — я имею в виду, что имя он это все-таки слышал. Хотя, вспоминаю ... когда Михаил Т. не хотел жениться на своей последней жене, он такой довод приводил: она не знает, кто такой Наполеон. «Ну, это ты брось, школу-то она закончила, в школе *“Войну и мир”* проходили». «Когда *“Войну и мир”* проходили — она болела», — почему-то с торжеством выкрикнул М. Т., и все не нашлись, что ответить.).

И вместе с тем, Джованни, вероятно, успешно разводит своих рыб, и фирма процветает, вот он и немецкий приехал учить, для дела ему нужен немецкий — с клиентами разговаривать и всё понимать в контрактах, чтобы немцы ему чего-нибудь не *впарили*, так я понимаю. И пожилая португальская монахиня учит немецкий (учитель уважительно называет её — сестра Бригитта), чтобы лучше ухаживать за больными. И девушке из разорванной Югославии хороший немецкий язык необходим — она работает в Мюнхене, но знать Чехова — не обязательно, достаточно, что она, кажется, слышала про Лео Толстого.

Может быть, для торжества цивилизации и не требуется эта несчастная глубокая культура, которой так гордится тоненький слой в России. А ведь в цивилизованной (простите за выражение) стране людям легче жить, если уж вы так думаете о людях.

«Галя, а вы, вообще-то, русская?» — так, помнится, недоуменно спросила Галю Глинку старенькая и немощная уже Мария Николаевна Изергина, сидючи в кресле на веранде своего Коктебельского дома и наблюдая, как Галечка самозабвенно трудится в огороде. И действительно, Галечка — очень работающая. А национальность её, как ни странно, абсолютно русская. Вот ведь как плохо обстоит дело у русских людей с репутацией, если все вокруг, да и они сами, удивляются своему работолобию.

Немцы же, как всем известно, напротив — хорошие работники. Но и это, оказывается, часто не более чем предрассудок.

Вообще, по поводу немцев существует два основных предрассудка. Первый, что они все фашисты, а второй: они необыкновенно пунктуальны. И если с первым ничего поделать нельзя, то со вторым они борются изо всех сил. Счет за страховку не приходит, чиновник теряет важные бумаги, компьютер ошибается при начислении зарплаты, бухгалтер пожимает плечами и отрицает свою вину.

И то, что все немцы честные, неподкупные, никогда не обманывают, и даже такого слова, как «непорядочный» в их языке нет (это писатель Пьецух утверждает), тоже, как вы догадываетесь, обыкновенный миф.

С первым обманом и хамством мы столкнулись сразу же, наняв автобус-такси от Мюнхенского аэропорта до Нюрнберга. Наш водитель продемонстрировал лучшие манеры московских и питерских таксистов. Он довольно быстро домчал нас до Нюрнберга по автобану — скоростная трасса, скорость строго предписана и никуда не свернешь, — но там, в Нюрнберге, пользуясь нашей общей ослепленностью, незнанием местности и языка, бесконечно катался по городу, пока даже самые ненаблюдательные и растерянные из нас не заметили, наконец, что мы совершаем повторяющиеся круги по одним и тем же улицам, и не начали роптать. Тогда он просто остановился у того самого огромного стадиона «Цеппелин», где Гитлер принимал многолюдные парады обезумевших сограждан, расслабленно положил руки на руль, никак не реагируя на возмущенные и жалкие пiski на варварских языках у себя за спиной. А счетчик меж тем щелкал как положено. Через некоторое время он глянул на часы, почему-то решил, что «пора», и в мгновение ока подвез нас к высоочному зданию с огромными буквами «Grundig» на крыше, куда нам, собственно, и надо было. А здание это возвышалось уже давно над окрестным пейзажем. Вредный немец обманывал нас нагло и беззастенчиво.

А все-таки национальные мифы существуют. Общественное сознание не желает расставаться с этими жесткими, окостеневшими конструкциями, интуитивно руководствуясь теорией вероятности, всяческой статистикой и, скажем так, народным законом больших чисел. И когда я в Российском консульстве указываю соотечественнице на огромные круглые часы, которые давно и невозмутимо стоят, она закатывает глазки, поднимает брови, мы хихикаем и понимаем друг друга — в Мюнхене все часы работают исправно, даже самые причудливые и старинные, только в Российском консульстве всё никак не соберутся вызвать мастера.

К слову (раз уж зашла речь о нашем консульстве) — в Мюнхене, конечно, бывают очереди, ну, например, за билетами в Филармонию, если прибывает долгожданный какой-нибудь пианист или Мариинский балет, но это чинные, интеллигентные, спокойные очереди, а вот таких озверелых очередей, какие стоят в Российское консульство по январям, немцы еще не видали. Это стоят

немолодые российские граждане, тесно прижатые друг к другу, вцепившись друг в друга мертвой хваткой, — а то ведь могут и вытолкнуть — в забытом облаке богатого и звучного родного языка, слегка раздраженного в связи с обстоятельствами и пронизывающим ветром января, и слова иногда вспархивают над толпой не то чтобы очень приличные; а стоят они за справочками о том, что они еще живы и потому желают и дальше получать свои законные пустяковые пенсии на покинутой родине. Стоят, охватив друг друга за локти, слившись в единый взволнованный человеческий ком, немцы-переселенцы и евреи из культурных столиц (и провинциальных русских немцев на этот раз жалче — они живут преимущественно в маленьких городках или даже деревнях, приезжают издалека, а справки выдают только до часу дня, за один день, бывает, и не управившись, — так и уезжают, несолоно хлебавши). Изредка выходит из консульства какой-нибудь шестерочный чин — глаза полны презрения, голос тренирован на окрик «Ну-ка назад, назад, говорю, подай, ничего не знаю, в час дверь закрою, ногу убери, а ну убери ногу», дверь закрывается, бьётся в стекла человеческая мошкара, на вопросы никто не отвечает.

Местные немцы, между прочим, стараются никого не коснуться — в толпе ли, в очереди — главное, не обеспокоить соседа, и в банках у них есть такая черта, на полу нарисована, за которую заходить не принято — подошел впереди тебя стоящий человек к стойке банка, и между вами метра три, не меньше, не должен ты слышать и видеть, какие такие операции совершает этот человек, стой и жди своей очереди и черту не переступай. А в сберкассе — ну, теперь называется Сбербанк — на проспекте КИМа в Петербурге старушенция за моей спиной так и норовила сунуть нос в мои бумажки, сердилась, что рукав мой ей мешал, поправляла очки, вытягивала шею, «да, пожалуйста, бабушка, смотрите, у меня секретов нет...» — старушка почему-то обиделась.

... Читаю в записных книжках Фазиля Искандера: «В Германии в метро вдруг увидел лифт. Для чего это? — спросил у своего спутника-немца. Для инвалидов, — сказал он». Несколько секунд не понимаю, что удивило писателя, — забыла я, оказывается, что в Петербурге нет лифтов в метро, вот как давно я уже здесь живу, не понимаю теперь, как без этих лифтов обходятся инвалиды, старики и мамы с детскими колясками. Далее Искандер рассуждает об истинном народолюбии и заботе о человеке. И я подтверждающе киваю головой: человек здесь все равно остается человеком, даже если он преступник, наказан законом и сидит в тюрьме. Недавно появился интернетовский сайт, на котором предлагается всем желающим выставить оценки немецким тюрьмам. Заключение, их родственники и тюремные сотрудники ставят тюрьмам оценки-звездочки от одной до пяти (как отелям). Первое место занимает тюрьма «Санта Фу» в Гамбурге. Бывший зэк пишет: «В этой тюрьме очень хорошее питание, приятные комнаты, милые охранники и мягкий распорядок дня. Я надеюсь туда вернуться». Самой плохой оказалась тюрьма в Ганновере, так что старайтесь в Ганновере ничего не нарушать, — правда, еда везде хорошая. Достоинство человека — вещь важная, нельзя человека унижать. Над братской могилой расстрелянных во времена разгрома Баварской республики солдат-предателей водружен камень, на камне надпись: «У каждого из них была мать. Они достойны сожаления.» — и подпись: цех булочников. Какими, однако, благородными и человечными были эти немецкие булочники до Второй мировой.

... На стеклянную двери нашего дома (дом большой, многоквартирный, центр Мюнхена, никто эту стеклянную дверь не пинает, не бьёт, сначала меня это удивляло, потом привыкла) висит объявление:

«Am Montag den 30 Januar wird das Wasser ab 12.00 Uhr für ca. ½ Stunde abgestellt, um Reparaturen auszuführen. Danke für Ihr Verständnis».

Означает: в понедельник 30-го января с 12 часов приблизительно на полчаса вода будет отключена в связи с ремонтом. И благодарят нас (жильцов) за понимание — ну, это у них дежурная присказка.

Подумать только, предупреждают, что минут тридцать-тридцать две воды не будет. Если ремонт затянется до сорока минут, они побегут другое объявление вешать, и вообще, их взгреют.

Еще больше, чем стеклянная входная дверь, поражало поначалу круглогодичное присутствие в доме горячей воды чудной чистоты и прозрачности. (Непонятно, когда они проводят «профилактические работы», как выражались в наших жилконторах, может быть, их хитрое водопроводное хозяйство не нуждается в этих работах? Загадка.)

Когда в европейском городе Петербурге отключали горячую воду на месяц, в разгар лета, объявления, помнится, все-таки вывешивали, но дата включения отплывала всё дальше и дальше,

и взволнованные люди бежали друг к другу, звонили в жилконтору и писали жалобы, не в силах спокойно дожидаться, когда же из безжизненного сухого крана со страшным рычанием и ржавыми плесками хлынет желтая, теплая, мутная, с дурным запахом вода.

В трудные раннеперестроечные времена я сдавала комнату иностранным дамам, преимущественно из Дании, пожелавшим неизвестно почему учить русский язык. Когда в июне отключили горячую воду, великодушная Лиз успокаивала меня рассказами о своей семье, которая после войны тоже жила в доме без горячей воды, и они с матерью по субботам ставили на плиту огромный чан, грели воду и мыли младших детей, и ничего, пережили как-то, и мы переживём, вот приятель её сына вообще в африканской деревне месяц жил.

Но все-таки я придумала выход — я привела Лиз ко мне на работу. Я всё еще числилась в Оптическом институте, но перешла в какой-то мифический международный отдел — с подачи кратковременного директора, бывшего нашего аспиранта Лёни Глебова (он выбран был, кстати, трудовым коллективом, были такие безумные времена, помните?), который сразу же дал мне должность старшего научного и планировал развернуть невиданной широты контакты с зарубежной наукой. И ведь действительно — развернул. Сейчас он, кажется, во Флориде, говорят, процветает, но плохо переносит жару. Так вот. В этом нашем филиале, занимавшем здание бывшей школы на проспекте КИМа, был с древних школьных времен спортивный зал — и при нем душ. Так что с горячей водой мы как-то выкрутились, правда, приходилось каждый раз подкупать охрану — институт ведь страшно закрытый. Не то что иностранец — просто посторонний человек должен был пройти всяческие тщательные проверки, прежде чем переступить порог института. Но в перестроечные дни что только не стало возможным.

И я очень радовалась, что Лиз оказалась такой неприхотливой, практически своей. Однако когда отключили еще и холодную воду, причём без всякого предупреждения, моя так стремительно обрусевшая датчанка сникла, погрузилась, примолкла... но я напомнила ей о скандинавском юноше в засушливой африканской деревне, и мы взяли ведра и пошли на кольцо всех трамваев и троллейбусов, на угол Наличной и Кораблестроителей, не такая уж окраина гордого города Санкт-Петербурга, — там колонка была. И вместе с нами с ведрами, бадейками, бидонами, а дети с алюминиевыми чайниками (где только люди их хранили), шли, перекидываясь смешочками, жители наших обезвоженных домов; и Лиз начала улыбаться и решила считать всё это еще одним русским приключением.

Так что не надо так уж сокрушаться и делать из горячей воды какой-то культ или знак недостижимой цивилизации. Тем более, что все, кое-как пробившиеся хотя бы в тонкий средний слой, поставили электрические водогреи, ну а многочисленные остальные поют друг другу частушку: «Нет воды горячей в кране — вот и лето, россияне».

... Кто-то из киношных друзей рассказывал, как в конце съемочного дня инициативная группа поехала на танке за водкой. Очень спешили — магазин должен был вот-вот закрыться. Танк остановился перед магазином. А танк-то был фашистский, со свастикой на боку, и солдаты из танка повыскакивали немецкие, с автоматами, всё сметая на пути к прилавку. Что тут началось! Какой ужас! Бабы вопли. Продавщица забилась в чулан и тоненько там выла, не хотела открывать.

Местные мужики, разобравшись, актерам прилично накостыляли.

«Вы что, мужики, тра-та-та-та, — кричали актеры, утирая настоящую кровь из разбитых носов, — совсем уже? Идиоты... Ну не было у нас другого танка... Понятно вам? Какой был, на таком поехали. А вы бы не поехали?»

Водку изрядно отметеленным киношникам в конце концов продали. Победители и побежденные вместе потом и распивали. А происходило это все в поселке Мельниково. Красивые места. Россия их у финнов отобрала.

Мюнхен. Выхожу на Одеонсплац, поднимаюсь по эскалатору.

Сверху, с площади, несется непривычный шум. Смотрю вверх, и спазм мгновенного и безумного ужаса останавливает сердце. Галерея полководцев сверху донизу украшена красными полотнищами с черной свастикой. Площадь заполнена бушующей толпой. Перед Тиатинеркирхе колышутся фашистские стяги. Идет митинг. Кричащие рты. Взметнувшиеся вверх руки.

Требуется какое-то время, чтобы я пришла в себя и сообразила, что снимают кино.

Прохожу мимо Резиденции, мимо того места, где в двадцать третьем году начинающие наци, еще без свастик и стягов, убили четырех полицейских («Хрустальная ночь» Мюнхена —

вся впереди), успокаиваюсь и даже улыбаюсь, но сердце, однако, долго стучит, и я вспоминаю воющую в чулане продавщицу.

... У них всё другое, даже нищие. Обычно они устраиваются рядом с банками или закусочными. Один такой нищий, неряшливый мужик средних лет, по виду — чистый пропойца, сидел постоянно перед «Макдональдсом». Однажды я прохожу мимо и вижу на асфальте его шляпу с мелочишкой на дне (но есть и некрупные купюры), вижу его подстилку, а самого его нет. Он стоит за прозрачным стеклом — ест гамбургер, пьёт кофе. Оставил ненадолго рабочее место. У него пауза, как здесь говорят, то есть обеденный перерыв. На его шляпу с деньгами никто не покушается, а кто-то на роликах, прокатываясь мимо, даже бросает монетку. Так что — процесс идет.

Другой нищий обосновался рядом с Постбанком на Зонненштрассе. На асфальте лежат костыли, между ними шапочка для подаваний. Нищий — молодой, чистенький, лицо гладкое, сидит на каменной тумбе, закинув одну ногу (увечную?) на другую, оживленно и весело болтает с кем-то по мобильному телефону. Но монетки кидают — если просит, значит ему надо. Никто не осуждает.

Вспоминаю нищую бабу в Петербурге. Я часто видела её в метро, в том месте, где людской поток, миновав изогнутый переход от «Гостинного двора» к станции «Невский проспект», спускался на несколько ступенек вниз. Вот тут она и сидела — на голом, заплеванном каменном полу, задрав выше колен свою рванину, чтобы все видели её голые толстые ноги в синих и красных, ужасных каких-то, пятнах. Народ пугливо огибал её, а одна тётка все-таки приблизилась ... и свирепо в неё плюнула. Иногда юнцы с ней заговаривали, кричали гадости, подталкивали к ней вырывающегося чахлого малолетку. Но чтобы денежки какие-нибудь подавали — этого не было. Непонятно, как только её толпа не затаптывала. А, может быть, потом и затаптали. В конце концов она куда-то исчезла.

Кстати, недавно узнала, что в Москве популярна у богатых игра в нищих и бомжей. Стоит, между прочим, как я слышала, довольно дорого, пять тыщ (ну, долларов, конечно). Толстосумов переодевают в лохмотья, особо гладких здоровяков гримируют, наводят на лица синюшность и болезненную одутловатость, глаза окружают трагическими тенями, а губы скорбными складками, и подвозят этих обитателей «дна» к платформе в час пик, когда из города в ближайший пригород возвращается уставший рабочий люд, рассаживают и дают последние наставления. Наконец, приходит электричка, вываливается на платформу мрачная и темная толпа. И всегда находятся в этой толпе такие люди, которые бросят в протянутые руки, коробочки и шапки какую-нибудь мелочишку.

Выигрывает (это ведь всё-таки игра, и есть в ней соревновательный элемент) тот, кто больше всех нашибает денег.

Организует такие представления некий Князев (имя забыла, но фамилия точная). Он владелец и вдохновитель замечательно процветающей фирмы. Они с фантазией работают. Например, вот так. Провинциального водителя останавливает на подъезде к Москве гаишник, журит его за то, что машина грязная, и даёт сто рублей, чтобы машину помыл. Едет дальше. Через некоторое время снова останавливают. На этот раз гаишник говорит, что нельзя за рулем быть таким лохматом, и даёт снова сто рублей, чтобы постригся. Чуть проехал — снова тормозят. ГАИ (т. е. теперь это называется ГИБДД — жуткая аббревиатурка, говорят, снова переименовали?...) вместе с милицией. Милиционер протягивает сто рублей — а время предновогоднее. «Купи, — советует, — подарок жене».

Вот такая акция. Богатеи платят три тыщи долларов, чтобы поиграть роль гаишника или милиционера, дешевле стоит, чем роль нищего, расходы фирмы, видимо, поменьше.

... Кажется, одного слова «воруют» уже недостаточно для краткого описания России — пожалуй, следует добавить «врут». Хотя... воровство подразумевает враньё, обман, умение прикинуться порядочным, честным. Причем врут — ну все поголовно. Бессребреница и смелая женщина Новодворская в передаче радио «Свобода», желая защитить героя капиталистического труда Чубайса от нападок непросвещенного слушателя, поучает этого бедного как на карман, так и на голову человека: «Не ищите святости там, где речь идет об экономике». И в горле моём застревают жалкие слова (порядочность, ха-ха, нравственность), потому что эта пламенная революционерка повторила буквально слова бандита-банкира, вышедшего на крыльцо к рыдающим и ограбленным вкладчикам — не побоялся, — а чего, собственно, бояться, когда рыдают одни глупые женщины

и недоумки, да и охрана рядом. «Нельзя говорить о порядочности, когда речь идет о деньгах», — так сказал толпе надутый чиновник банка «Национальный кредит», удачливый комсомольский жокал в былые времена. А вы хотите, чтобы народ жалел олигархов.

Московских мальчигов выгнали из американского университета за пользование шпаргалками во время экзамена, они выкручивались, старались оправдаться, ссылались на русский менталитет, но ничего не помогло. Рассказывают, что много лет назад новым эмигрантам из России выдавали в Нью-Йорке талоны на обувь, быстрые разумом невтоны, выращенные на просторах родины чудесной, сообразили — набирали коробки с разнообразными ботинками и мчались продавать на гаражный рынок, пока наивные американцы не догадались талоны на выходе отнимать. Здесь в Германии те же невтоны замечательно используют доброту и благотворительность доверчивых немцев. (Богатая же страна. Иду, например, к помойке, вся увита, между прочим, розами — не я, разумеется, а помойка — выбросить мусор и вижу хорошенькую лампу, то есть о такой именно и мечтала, и записочка приклеена, что это, мол, подарок и es funktioniert⁵. А приятель мой на том же маршруте, на крышке помойного чистенького бака нашел полный комплект компьютера: и процессор, и принтер, и монитор, и рядом в целлофановом пакетике лежали описания, и, опять же, сопроводительная записочка с советами и рекомендациями.) Да, так вот, хитроумные невтоны дают объявления во все газеты, что примут в дар в силу печальной своей обездоленности и мебель, и посуду, и любую одежду (но новую). И немцы несут и несут. А невтоны меж тем разбогатели (можете уже и догадаться, каким образом) и сняли специальную квартирку, куда поселили якобы бедных, а на самом деле удачно актерствующих людей с многочисленными детьми, и немцы, пришедшие с дарами, ужасаются невиданной нищете, всплескивают руками, исчезают, обзывают всех друзей, собирают еще какие-то вещи, и бизнес ширится и растет. А находчивые руководители, веселые невтоны, уже кормят целую армию продавцов, которые всем этим добром торгуют на еженедельных фломарктах («фло» — по-немецки — блоха).

...Соотечественников можно узнать сразу — даже на большом расстоянии, в метро, на улице, в магазинах. Не знаю, почему — по одежде (хотя все, как говорили раньше, вполне «прикинутые»), по манере двигаться, по прическам, по выражению лица, по движению губ. Но это как раз понятно — лингвисты утверждают, что при говорении на разных языках работают разные группы лицевых мышц. Глаз это видит. Мужчин из России определить не так просто, как женщин. Мальчигов и девочек почти невозможно, даже тех, кто приехал совсем недавно.

Как-то в Париже Катя бросилась к двум квадратным теткам, тащившим тяжеленные сумки, спрашивать дорогу. Тетки шарахнулись от нас в ужасе. Я остановила Катю: «Ты что, это же наши люди». Впрочем, особой заслуги моей здесь нет — кроме квадратности, у теток были еще и золотые зубы, а лица отличались специфической недоброжелательностью. Европейские старушки, напротив, любезны и разговорчивы. Мы жили почти в центре Парижа, недалеко от улицы Вожирар, той самой, по которой Д'Артаньян въехал впервые в город. Поутру, выходя из гостиницы, Катя обычно обращалась к какой-нибудь старушке с разными вопросами, и не знаю уж, на каком языке мы разговаривали, но старушки долго не хотели нас отпускать. Так мы и стояли на парижской улице (rue Baromet), на краю сточной канавки (по ней быстро текла вода, может быть, канавка существовала с давних средневековых времён), припекало октябрьское приятное солнце, и неловко было оборвать оживленную старушку.

А в Мюнхене, если вы медленно бредете с картой в руке, явно разыскивая нужное вам место, обязательно подойдет какой-нибудь немец: «Могу я вам помочь?» Не знаю, все ли немцы такие, но баварцы очень любопытны и общительны.

Ищу на окраине Мюнхена дом друзей, никогда здесь раньше не бывала, и оказываюсь в какой-то немецкой Тмутаракани, среди тишины и безлюдных улиц, и спросить некого. На перекрестке я остановилась, разглядывая мелкую карту. Из дома напротив вышел человек, направился ко мне и вместе со мной стал карту рассматривать и водить по ней пальцем. Вдруг хлопнул себя по лбу, кинулся обратно, закричал по-немецки «забыл очки, счас вернусь», и действительно, скоро вернулся с очками. Но тут оказалось, что карта моя не только очень мелкая, но и крайне не полная. Человек снова побежал домой и принес толстый том — атлас здешних мест, и мы, наконец, быстро во всем разобрались. Не надеясь на мою понятливость, он начертил на листочке (из дома захватил) план, нарисовал опознавательные домики (школа, магазин,

⁵ Работает, исправна (нем.)

кирха) и проставил стрелочки. Помахал на прощанье рукой – «Алес гуте». «Иннен аух, – ответила я, – унд филен, филен данк!»⁶.

...В красивом провинциальном городке на берегу Штарнбергского озера гостя из Москвы зашла в маленький ювелирный магазинчик выбрать себе серёжки на память, чтобы вспоминать в Москве эту весну, эту цветущую Баварию, где каждый балкончик и каждое оконце так хотят тебе понравиться. Магазинчик почти пуст, улыбчивая молоденькая продавщица очень старается, раскрывает все коробочки и закрома. Прибегают другие продавщицы, тоже молоденькие и милые, тащат какие-то дополнительные зеркала, чтобы клиентка рассмотрела себя со всех сторон. Потом кто-то предлагает выйти из магазинчика на улицу – посмотреть, как сияют при солнечном свете красненькие камешки. И когда иноземная гостя в новых сережках, очень довольная, отправляется к своему временному пристанищу, продавщицы еще долго машут ей вслед прощальными руками и кричат: «Классе, кууль, тооль, аусгеайхнет...»⁷ Почему они это делают, почему так сияют улыбками? Нет ли здесь притворства? О, мы подозрительны, мы не верим в простую человеческую доброжелательность.

Звоню из Мюнхена в Россию, в Петербург, в некое чиновничье управление. Снимают трубку. Спрашиваю: «Скажите, пожалуйста, это Управление такое-то?» «Почему вы звоните во вторник?» – кричит в ответ молодой злобный голос. «А когда я должна звонить?» «У нас приемные дни только понедельник и среда». «Извините, я не знала, могу я задать вопрос, я звоню из Германии». «Ну и что, что из Германии?», и связь обрывают. Ну почему, почему нет у наших чиновников и чиновниц уроков формальной любезности, почему их никто не учит владеть своим голосом и интонацией и говорить нормальные человеческие слова. И это при таком расцвете в России черного и белого пиара и всяких имиджмейкеров.

Ну и что из этого следует? Да ничего не следует, кроме того, что лично мне больше по вкусу любезность, пусть даже и не очень искренняя, чем откровенное недоброжелательство и хамство.

С другой стороны, неизвестно еще, отдаст ли немец последнюю рубашку в том смысле, что «сам погибай, а товарища выручай», а русский отдаст и выручит.

«Да ничего подобного, – кричит Ирина, – а вот не хочешь: только ты уедешь, он в дачу твою залезет, украдет всё, что осталось, всё, что можно еще украсть, подушки потопчет, разрежет, пух по веранде раздует и над всем этим безобразием твой старый зонтик раскроет – это для смеху, юмор такой».

«И то верно. Но рубашку последнюю свою отдаст».

«Рубашку отдаст», – соглашается Ирина.

Я часто встречаю немцев, сердца которых ранены Россией навсегда, они учат русский язык, чтобы читать сами знаете кого. К моему удивлению, кроме Толстого и Достоевского, они читают еще и других кое-каких классиков – пожилой читатель (не славист) досадует на Гоголя, зачем он свою повесть «Вий» исправлял и переделывал, испортил только, первая редакция этому немцу, видите ли, больше нравится. Однако, оказывается, они знают и современную литературу. Мы устраивали в Мюнхене вечер Татьяны Бек, и немецкая девушка Лиза, владелица частной шпрахшуле⁸, предоставившая нам бесплатно своё помещение, удивленно раскрыла глаза: «Как, это дочь Александра Бека?» Сама Лиза говорит по-русски практически без акцента (она как раз – славистка) и всё-всё читает, все наши толстые журналы. Мы как-то обсуждали эту странную русскую болезнь у немцев. Где причина и где следствие. То ли русский вирус непостижимыми путями проник в немецкое сознание, и они поэтому стали учить язык, то ли изучение русского языка накладывает на них узнаваемую печать русской прелести и русского разгильдяйства. Лиза щедра, неугомонна, эмоциональна, очень образованна и абсолютно непрактична.

В доме у Мартины висит на стене портрет графини Шарлотты фон Ливен («моя урурургроссмуттер»⁹, – говорит Мартина), статс-дамы Екатерины Второй, руководившей образованием детей императорской семьи. Подлинник в Эрмитаже, в Петербурге. Вся грудь у Шарлотты в российских орденах. На другой стене портрет барона Мантойфеля, генерала, участника Крымской войны. И показывая портреты других своих предков, Мартина всегда подчеркивает: «Вот видите,

⁶ Всего доброго! – И вам тоже. И большое, большое спасибо! (нем.)

⁷ Прекрасно, замечательно! (нем.)

⁸ Школа изучения языков (нем.)

⁹ Пра-пра-прабабушка (нем.)

на них российская военная форма. Они честно служили России». И я не сомневаюсь. Слово «честь» она произносит так естественно.

Стоим с друзьями на платформе У-бана¹⁰, ждем поезда. Подходит какой-то молодой человек — услышал русскую речь. Он работал несколько лет в Москве, хочет поговорить по-русски. Приближается наш поезд, человек успевает только произнести: «Россия — это душа». Буквально так. И мы уезжаем, уплываем за стеклами вагона.

В Мюнхене проходит конференция «Физика лазеров», приехали мои друзья, мои бывшие коллеги, между прочим, из Миннеаполиса. Таким маленьким стал земной шар. В вагоне метро болтаем по-русски. Подходит девушка, она была в России. «Ах, русский язык такой трудный, но в России так тепло. Здесь этого не хватает», — признается она. В руках девушка вертит птичье перо, оно вот только что упало ей с неба, пролетающая птица уронила. Мне хочется сказать ей что-нибудь приятное. «Это — к счастью», — говорю я, указывая на перышко (понятия не имею, существует ли такая примета). Протягивает мне с радостной улыбкой: «Возьмите». Я энергично трясую головой: «Нет-нет. Это именно ваше счастье». Вообразите только — она готова отдать мне своё счастье.

...Природы в Баварии очень много. Когда едешь на чистом, удобном поезде из Мюнхена, допустим, в сторону Гармиш-Партенкирхе через огромные незаселенные пространства, и на горизонте постепенно вырастают величественные Альпы, совершенно не понимаешь, как мог Гитлер задурить голову этому работающему народу и внушить ему дикую мысль двинуться на Восток завоёвывать далёкие земли. Наши бедные селенья. Говорят, что солдаты, вступившие в ненавистную Неметчину, тоже очень удивлялись красоте и богатству немецких деревень, качали головами и задавались тем же вопросом: *ЗАЧЕМ?* И леса здесь настоящие, дремучие и полны грибов. Пошли мы как-то в лес по грибы. Набрали полные корзинки — белые, опята, лисички и какие-то пластинчатые для соленья. Выходим мы из леса, а дорогу нам преграждают двое полицейских и просят предъявить грибы. Первая мысль — мы что-то нарушили. У них ведь на всё нужно разрешение. Например, для ловли на удочку разрешение получить довольно трудно. Соискатель должен сначала прослушать курс про рыб — какие породы водятся в Германии вообще и в Баварии, в частности, когда у них наступает зрелость, когда нерест и т. п., потом сдать экзамен, и только тогда напаяливай червяка на крючок. Вполне может быть, что насчет червяков тоже существует какое-нибудь правило. Вот и для грибов, наверное, нужен какой-нибудь документ. Полицейские — старый, в очечках, очень серьезный, и молодой, ухмыляющийся, с грибным справочником, — осмотрели и обнюхали каждый гриб, сверяясь с этим справочником. Пожилой полицейский иногда неодобрительно взглядывал на молодого: кажется, ему не нравилось весёлое лицо коллеги. Все наши грибы оказались доброкачественными, и нас с миром отпустили и на прощанье даже поулыбались удивленно и уважительно. Хотелось мне им сказать: «Не учи кота ученого...», да что связываться с немчурой...

У ног полицейских, на обочине, слабо светились кучи бледных поганок.

Оказывается, в Мюнхене было много отравлений грибами, вот и поставили полицейских на всех выходах из леса. Забота о человеке — уважаемому Фазилу Искандеру на заметку. Так что — приезжайте. Приезжайте осенью. Пойдем за грибами. Прекрасные здесь леса, прекрасные. Да что говорить, хороша земля Бавария...

¹⁰ Метро (нем.)

Кирилл ПОМЕРАНЦЕВ

СКВОЗЬ СМЕРТЬ

Юрий Павлович Одарченко

Юрий Павлович Одарченко был не только одним из наиболее близких моих друзей, но, вместе с Георгием Ивановым, Ириной Одоевцевой и Владимиром Смоленским, моим учителем искусству поэзии, хотя сам не достиг в ней большого мастерства (такого, например, как Георгий Иванов). Прибавлю, что несколько лет мы жили в одном и том же доме; это позволяло мне часто с ним общаться и вести беседы не только «за жизнь», но о том, что «по ту сторону» и жизни, и добра, и зла. Он был изумительным товарищем и другом. Для меня, во всяком случае.

Теперь, когда я пишу «сквозь смерть» о всех замечательных людях, с которыми мне Высшей волею посчастливилось встретиться, и я так неуклюже отдаю им свой долг, мне становится до боли обидно, что я не смог при жизни по достоинству их оценить. Мне нравилась поэзия Одарченко своей оригинальностью и парадоксальностью, но я не сумел разглядеть за ней человека. Некоторые же высказывания и поступки Юрия Павловича я просто воспринимал как его очередные шутки или чудачества. Лишь после его трагической смерти я стал смутно и постепенно понимать, что его поэзия и он сам были о д н о.

У нормальных людей или, точнее, у тех, которых принято считать нормальными, сознание от подсознания отделено настоящим «железным занавесом». В эзотерических школах, начиная с древнейших времен и по наше время, специальными упражнениями готовят учеников к безболезненному, без «шока», проникновению в подсознательный мир духовных существ, заполняющих эту область человеческой души. И подготовка может длиться десятилетиями. Это знает, хотя и неполно, психоанализ, в частности, школа Юнга и его последователей. Но существуют люди, у которых этот занавес уже с рождения более или менее проницаем. Такими, например, были Гоголь и Гойя. Я, конечно, не сравниваю по значительности Одарченко с Гоголем или с Гойей — этим займется история, но лишь отмечаю одну из основных черт их общего душевно-духовного мира.

Друзья и знакомые относились к Ю.П. как к добродушному чудаку, и мне не помнится, чтобы кто-нибудь принимал всерьез его поэзию; никому не приходило в голову в нее вдуматься. Исключение, пожалуй, составлял Георгий Иванов, который благодаря своему необычайному чутью к искусству и — само собой — к поэзии, понимал, что стихи Одарченко есть нечто совершенно новое.

Пользуясь формулой автора «Портрета без сходства», я бы сказал об Одарченко, что ему «искалечил жизнь обман двойного зренья». Он с таким «зрением» родился и как поэт искал способа (то есть словосочетаний) описать увиденное. Отсюда и строки:

Я расставляю слова
В наилучшем и строгом порядке —
Это будут слова,
От которых бегут без оглядки.

Но что может «изреченная мысль»? Поэтому и от стихов Одарченко никто не побегал. Разве что — если кто вдумывался в его стихи — по коже порой пробегал холодок. Бежал же, но уже от самого себя, он сам. Так, во всяком случае, мне казалось во время наших откровенных бесед. Я уже несколько раз об этом писал. Он мне рассказывал о каком-то знакомом ему французском писателе, который выпивал, «чтобы допить до чертиков», чуть ли не по десяти рюмок перно (французская анисовая водка), после чего ему действительно «лезла в голову всякая чертовщина», а он из нее «стряпал свои небылицы», которые охотно покупались издателями.

— А я, — жаловался Ю.П., — вижу эту чертовщину без всякого перно. Даже наоборот: у меня алкоголь ее прогоняет.

Сколько раз во время таких разговоров он вдруг ни с того, ни с сего быстрым жестом, словно ловил муху, ловил на мне (как и на других) «чертей», «юрких, зелененьких... а рожи-то, рожи!» — с самым серьезным видом объяснял он. И действительно, он их видел, что было очевидным из непосредственной искренности как его жеста, так и его слов.

Все это отлично знал Достоевский, рассказывавший, как Свидригайлов объяснял Раскольникову, что, «если привидения являются только больным», это не значит, что привидений нет, но лишь то, что «привидения могут видеть только больные». В этом отношении характерно стихотворение:

Мальчик катит по дорожке
Белое серсо.
В беленьких чулочках ножки,
Белое серсо.
Солнце сквозь листву густую
Золотит песок,
И бросает тень густую
Кто-то на песок.
Мальчик смотрит, улыбаясь —
Ворон на суку.
А под ним висит, качаясь,
Кто-то на суку.

Мальчик, конечно, не видел. Но Одарченко «увидел»: «кто-то» — смерть мальчика. Даже взрослые редко задумываются над тем, что с каждым новым рождением рождается и новая смерть. Четыре тысячи лет назад в «Бхавагад-Гите» Кришна говорил своему любимому ученику Арджуне, что как только человек рождается, он уже начинает умирать. Толстой уверял, что о смерти начал думать еще ребенком.

Но вот примеры уж буквально «двойного зрения»:

Есть совершенные картинки:
.....
Когда усердно мать хлопчет,
Одеть теплей сыночка хочет,
Чтоб мальчик грудь не застудил,
А мальчик в прорубь угодил.

Когда скопил бедняк убогий
На механические ноги,
И снова бодро зашагал,
И под трамвай опять попал.

И недаром эти картинки называются «совершенными»: они примеры *завершенной* жизни, и не так, как мог предположить человек, но как было в «Высшем решено совете».

В эмиграции Одарченко не ценили, да и мало понимали. Не понимали даже маститые критики и литературоведы, ряд которых, вместо того чтобы вдумываться в его стихи, предпочитал издавать свои беспомощные вещи. Но поэты из Советского Союза, одно время часто приезжавшие в Париж, буквально балдели, когда я им читал его стихи. Они ощущали в них что-то совершенно новое и глубокое, чуть ли не откровение о нашем времени, как мне сказал один из них, сам замечательный поэт. А Ю. П. не переставал повторять: «Подождите пятьдесят лет и увидите...»

Но видишь, Юра, много, много раньше (он умер в возрасте 57 лет, в 1960 г.). Если бы «через 50», — я бы не дожид и не мог бы гордиться дружбой с тобой и радоваться за тебя. Ведь ты же был изумительным по чуткости и таланту человеком. И, как каждый такой человек, редко с кем делился «самым главным».

Пожалуй, с детьми, но с ними — по-детски. Потому что детей Одарченко очень любил, и они любили его. Одной из причин тому было его изумительное умение не только рассказывать, но и придумывать, порой во время самого рассказа, занимательные сказки, само собой, двуплановые

и страшноватые, что детей не смущало, но оставляло у них чувство таинственности окружающего их мира, а не примитивно псевдонаучного, который им вдалбливают в современных школах. Пересказать его сказки я не могу, во-первых, займет слишком много места, а во-вторых, нужен специальный образный одарченковский язык с его специфической интонацией. Приведу лишь несколько строк, но уже лишь «стишок», написанный в альбом моей племяннице Марине Померанцевой, когда ей было двадцать лет:

Вот земной, Мариша, рай:
Зайчик, зайчик, убегай!

Но охотник злой стреляет
И зайчонка убивает.
Ах, как жаль! Ах, как жаль!
Нету права на печаль.

Я умышленно взял слово стишок в кавычки. Марине, конечно, стало жаль зайчика, как это было бы всякому нормальному ребенку, но и было столь же нормально, что жалость была очень скоро забыта. К тому же забвению способствует и предельно ускорившееся наше научно-материалистическое время, буквально не дающее человеку подумать, как одно событие уже сменяет другое, одно открытие – другое открытие. Но если вдуматься в две последние строки «стишка», от них ведь по-настоящему можно «сбежать без оглядки». А вот и другие «совершенные картинки»:

Мышь без оглядки от кошки бежит.
Волка убьют на охоте.
Птица по синему небу летит –
Платят за птицу по счету.
Ясно. Все ясно...

Но кому приходит в голову это «ясно»? Кто задумывается над тем, что *всеми* считается нормальным, когда люди «платят по счету»? А ведь вся жизнь есть расплата и за свои грехи, и за грехи родителей, и за совершенные страной. Вся жизнь человеческая есть расплата. За чьи же «грехи» платил Одарченко, что родился с «двойным зрением», оказавшимся для него роковым бременем, но сделавшим его замечательным поэтом?

Отлично помню, как однажды, когда я засиделся у него до позднего вечера, он вдруг начал рассказывать мне о том, что творится под нами, под землей, в разных ее пластах, какие там буйствуют, мечутся и борются темные духовные силы, одни «липкие», другие «скользкие», но все страшные, готовые нам землетрясения, вулканические извержения, бунты и войны. Я, конечно, по дурацкому своему обыкновению, не подумал записать. Но вспоминается, что становилось страшновато и создавалось впечатление, что действительно что-то копошится, начинает глухо стучать и вот-вот взорвется. А Ю. П. продолжал рассказывать, словно все видит и слышит наяву (для него и было наяву!).

– Неужели не слышишь? Ведь они сейчас землю проломают, наш пол...

Такие рассказы случались не часто, но случались; и ясно чувствовалось, что Ю. П. говорит о том, что действительно видит и слышит, что это видимое не вымысел, не фантазия, но лишь обратная сторона, «изнанка» раздираемого противоречиями и страстями реального мира, в котором мы живем.

Вот как он сам толковал вышедшее из таких видений одно из своих стихотворений:

Медведи стали огурцами
(Я с детства к точности привык),
И повторяю – огурцами.
Многообразен наш язык.
А сколько их в соленой бочке!
В ней русский дух, в ней есть укроп.
Здесь точность требовала б точки,
Но – огурцы. На них укроп...

Неточность вся в последней строчке:
Не снят еще стеклянный гроб.

Когда он мне его прочел, я растерялся, совершенно не понимая, что к чему: медведи, огурцы, бочка, гроб? Юра искренне удивился такой моей тупости: столько лет знакомы, а я не понимаю!

– Да очень просто: медведи – это русские люди, которых большевики «засолили», да так спрессовали, что они стали огурцами в соленой бочке, лежат, не двигаясь, пикнуть боятся.

– Ладно. Но при чем же «стеклянный гроб»?

– Это же стеклянный колпак, под которым в мавзолее лежит мумия Ленина. И до тех пор, пока будет стоять мавзолей, будет держаться и советская власть. Потому-то его так охраняют.

В оккультных кругах это хорошо знают. Об этом говорил и Рудольф Штейнер своим ближайшим ученикам. Я это знал от вдовы Андрея Белого, Аси Тургеневой, долго работавшей с основателем Антропософского общества. Но ни к оккультным кругам, ни к антропософии Одарченко не имел никакого отношения и очень обрадовался, услышав от меня подтверждение своим провидениям.

Он, кроме того, был еще неплохим пианистом и отличным рисовальщиком. В его студии висело несколько картин маслом: «Ночь на Лысой горе», «Шабаш ведьм», вдохновленных его любимым писателем Гоголем; портрет какого-то судьи на Нюрнбергском процессе, голова которого была окружена пробивающейся в нее нечистой силой; словно вылезающие из полотна цветы. На жизнь он зарабатывал рисунками для материй знаменитых Maisons de Couture. И зарабатывал неплохо – рисунки всегда были оригинальными и исполненными с большим вкусом и мастерством.

Скончался он летом 1960 года, когда я с друзьями проводил свой отпуск в савойской деревушке Сервоз близ Монблана. Куда делись его картины, рисунки, рукописи, – никогда не смог узнать.

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРОШЛЫЙ СВЕТ

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЭРЕНБУРГА

Гении — самые пристрастные и субъективные люди на земле, но именно их приговоры чаще всего становятся окончательными. «Циник не может быть поэтом», — если бы эти слова Марины Цветаевой относились исключительно к сущности поэзии, их вполне стоило бы высечь на мраморе, ибо поэзия предполагает взгляд на жизнь как на нечто высокое, и сколько бы поэт ни бичевал ее, сколько бы ни выворачивал ее язвы и мерзости, он остается поэтом лишь до тех пор, пока каким-то образом дает понять, что его горечь и отвращение порождены обидой за поруганный идеал. Однако цветаевский афоризм относился к вполне конкретному литератору Илье Эренбургу, который до конца своих дней желал считать себя поэтом и мог в этой своей мечте утешиться не только серьезными отзывами Брюсова и Волошина, но и чеканной телеграммой Анны Ахматовой: «Строгого мыслителя, зоркого бытописателя, всегда поэта поздравляет сегодняшним днем его современница Анна Ахматова».

Приблизительно в это же самое время вступившего в восьмой десяток «циника» распекал Никита Сергеевич Хрущев за то, что Эренбург полушутя предлагал распространить борьбу за мир на сферу культуры. Мы стоим на классовых позициях в искусстве и решительно выступаем против мирного сосуществования социалистической и буржуазной идеологий, а искусство относится к сфере идеологии, строго напоминал партийный вождь, возможно, не догадываясь, что главный советский плюралист мог бы похвастаться куда более давними и высокими партийными знакомствами, нежели он сам.

* * *

Дерзкий московский гимназист Эренбург и в самом деле упоминался в жандармском рапорте в одном ряду с такими будущими большевистскими тузами, как Бухарин и Сокольников, но, после положенных отсидок и высылки унесши ноги в канонический Париж, где он позволил себе вступить в препирательства с самим Лениным, социал-демократический Павел внезапно преобразился в декадентского Савла:

В одежде гордого сеньора
На сцену выхода я ждал,
Но по ошибке режиссера
На пять столетий опоздал.

Прямо-таки сам Александр Александрович Блок, правда, разбавленный в пропорции один эдак к двадцати:

Девушки печальные о Вашем царстве пели,
Замирая медленно в далеких алтарях...

Я помню, давно уже я уловил,
Что Вы среди нас неживая...

Сегодня я видел, как Ваши тяжелые слезы
Слетали и долго блестели на черных шелках...

И тем не менее, все сопутствующие поиски, блуждания, метания от религиозности и эстетства к неопрimitивизму были все-таки странноваты для начинающего циника... Хотя кто их, циников, знает.

Сияли ризы неземные.
Стоял я в церкви, дик и груб.
Слова безумные и злые
Срывались с неутешных губ.

Заставляя плакать и навеки онеметь грустного белого ангела с изнемогающим челом.
Затем оплакивание ушедшего детства без малого в двадцать один год:

Детство, одуванчик нежный,
Перед жизнью шумной и мятежной
Ты осыпалось и отцвело.
Ты прошло!

Здесь уже не хватает лишь сознательной установки, чтобы почестся первым обериутом. В этом отношении и стихи о любви иной раз представляют собою истинные шедевры:

Ты пуглива, словно зайчик, —
Чей-то шорох услыжала...
Ты не бойся!
В стеганое одеяло
С головой укройся!

Или:

Ты любила утром приходить ко мне
И волосики любила на спине.
И над оспинкой родимое пятно, —
Ведь тебе же нравилось оно.

Для начинающего циника наивность тоже маловероятная. Таковы же и его размышления о собственном еврействе:

Евреи, с вами жить не в силах,
Чуждаясь, ненавидя вас,
В скитаньях долгих и унылых
Я прихожу к вам всякий раз.
Во мне рождает изумленье
И ваша стойкость, и терпенье,
И необычная судьба,
Судьба скитальца и раба.
Отравлен я еврейской кровью
И где-то в сумрачной глуши
Моей блуждающей души
Я к вам таю любовь сыновью,
И в час уныний, в час скорбей,
Я чувствую, что я еврей!

Эренбург сделался интересным поэтом лишь тогда, когда (в направлении поисков, похоже, опередив самого Маяковского) дал волю не сентиментальности, а отвращению:

Тошнит от жира и от пота
От сотни мутных сальных глаз,
И как нечистая работа
Проходит этот душный час.
А нищие кричат до драки
Из-за окурков меж плевков

И, как паршивые собаки,
Блуждают возле кабаков,
Трясутся перед каждой лавкой
И запах мяса их гнетет...
Париж, обжора, ешь и чавкай,
Набей получше свой живот
И раствори в вонючей Сене
Наследье полдня – блуд и лень,
Остатки грязных испражнений
И все, что ты вобрал за день.

Он и собой уже не умилялся:

Я пью и пью, в моем стакане
Уж не абсент, а мутный гной.

И если чем-то рисовался, то разве что подчеркнутым нежеланием заботиться о своем внешнем виде. «С болезненным, плохо выбритым лицом, с большими, нависшими, неуловимо косящими глазами, отяжелевшими семитическими губами, с очень длинными и прямыми волосами, свисающими несуразными космами, в широкополой фетровой шляпе, стоящей торчком, как средневековый колпак, сгорбленный, с плечами и ногами, ввернутыми внутрь, в синей куртке, посыпанной пылью, перхотью и табачным пеплом», — таким увидел Эренбурга-монпарнасца Максимилиан Волошин в 1916 году.

В войне Эренбург-корреспондент тоже не желал видеть ничего красивого, поэтического, но — без этого невозможно и писать стихи о ней, ибо в поэзии ужас и отвращение непременно должны перемешиваться с восторгом — без этого просто нет поэзии. Поэтому его нашумевшие «Стихи о канунах» остались значительным явлением истории литературы, но в собственно поэзии не остались. «Сознательно избегая трафаретной красоты, И. Эренбург впадает в противоположную крайность, и его стихи не звучны, не напевны» (В.Брюсов). «В них меньше, чем надо, литературы, в них больше исповеди, чем можно принять от поэта» (М.Волошин).

Смелый эксперимент по-видимому показал, что поэзия без «красивости» и «литературы» невозможна, поэзия и брюзгливость несовместимы.

Однако первые же известия о «бархатной» весенней революции пробудили боевой дух бывшего подпольщика: Эренбург устремляется в Россию и проживает вместе с нею все ее окаянные дни, уже в ноябре Семнадцатого сложив первую «Молитву о России»:

Господи, пьяна, обнажена,
Вот твоя великая страна!
Захотела с тоски повеселиться,
Загуляла, упала, в грязи и лежит.
Говорят — «не жилища».
.....
О России
Миром Господу помолимся.

«Молитвы» быстро сложились в целый сборник, полурасхваленный за искренность, полуобруганный за истерику и прозаизмы, но вызвавший острые столкновения мнений и не забытый даже через восемь лет как «один из самых ярких памятников контрреволюции нашей эпохи» (С.Родов). Хотя сегодня многие фрагменты этого памятника вполне могли бы использоваться коммунистической пропагандой, оплакивающей конец Советского Союза:

С севера, с юга народы кричали:
«Рвите ее! Она мертва!»
И тащили лохмотья с смердящего трупа.
Кто? Украинцы, татары, латгальцы.
Кто еще? Это под снегом ухает,
Вырывая свой клоч, мордва.

Наконец после обычных в то героическое время приключений Эренбург (с советским паспортом в кармане) снова оказался за границей и, высланный из Франции, в бельгийском местечке Ля-Панн в течение одного летнего месяца 1921 года написал свой первый и лучший роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников». Роман был очень хорош как первое достижение в прозе и просто изумителен как обещание на будущее: Эренбург наконец-то нащупал главный свой талант — талант скепсиса, талант глумления над лицемерием и тупостью всех национальных и политических лагерей. Себя он тоже не пощадил — герой-рассказчик по имени Илья Эренбург, конечно, тоже не более чем карикатура, но... Но и не менее чем. Не всякий бы отважился живописать своего тезку и однофамильца, не гнушающегося и должностью кассира в публичном доме, такими, скажем, красками.

«Мне не свойственно мыслить возвышенно. С детства я горблюсь, на небо гляжу, лишь когда слышу треск самолета или когда колеблюсь, — надеть ли мне дождевик. В остальное время я гляжу под ноги, то есть на грязный, обшмыганный снег, на лужи, окурки, плевики». Угодив в немецкий лагерь (речь, напоминая, идет о Первой мировой войне), «я... скулил и всячески проклинал культуру, писал все, что писать русскому писателю при подобных обстоятельствах полагается: «Россия — Мессия, бес — воскрес, Русь — молюсь, смердящий — слаще». Реальный Илья Эренбург устремился в Россию делать историю, а его персонаж Илья Эренбург в дни октябрьского переворота сидел в каморке, жевал холодную котлету и цитировал Тютчева: «Счастлив, кто посетил сей мир...». «Проклятые глаза, — косые, слепые или дальнозоркие, во всяком случае, нехорошие. Зачем видеть тридцать три правды, если от этого не можешь схватить, зажать в кулак одну, пусть куцую, но свою, родную?»

Похоже, патетическую часть своей личности Эренбург передал демоническому Учителю и Провокатору, а скептическую — Илье Эренбургу, «автору посредственных стихов, исписавшемуся журналисту, трусу, отступнику, мелкому ханже, пакостнику с идейными задумчивыми глазами». Менее циничный писатель наверняка поступил бы обратным образом. И самолично воспел бы индустриальное будущее, когда «Парфенон будет казаться жалкой детской игрушкой в столовых исполинских штатов. Пред мускулами водокачки застыдятся дряблые руки готических соборов. Простой уличный писсуар в величье бетона, в девственной чистоте стекла превзойдет пирамиду Хеопса». Но Эренбург-персонаж убежден, что если из двух слов «да» и «нет» потребуется оставить только одно, дело еврея держаться за «нет».

Это лучше всего удавалось и Эренбургу-художнику: «культурных» пошляков и лицемеров в своих первых романах он изображает с такой проникновенной ненавистью и даже некоторой живописной роскошью, что становится ясно: при всей своей международной известности и звании советского классика свой главный талант Эренбург зарыл-таки в землю. Он мог бы сделаться советским Свифтом, но эпоха требовала не издеваться над своими глупостями и мерзостями, а воспевать себя, к чему Эренбург был наименее приспособлен природой своего отнюдь не бытописательского дарования. Его героями были не индивиды, но идеи, мечты, типы, народы, социальные группы. Он, если угодно, был певец обобщений, что настрого воспрещалось в эру идеологически выдержанного неопередвижности.

Нет, Эренбургу и даже его однофамильцу был все-таки не чужд и пафос: «Только обросшие жиром сердца не поймут трогательного величия народа, прокричавшего в дождливую осеннюю ночь о приспевшем рае, с низведенными на землю звездами и потом занесенного метелью, умолкшего, героически жующего последнюю горсть зернышек, но не идущего к костру, у которого успел согреться не один апостол».

А в 1922 году в книжке «А все-таки она вертится!» (издательство «Геликон», Москва–Берлин) Эренбург в совершенно футуристическом и едва ли даже не фашистском духе воспел «конструкцию», волю и душевное здоровье, граничащее с кретинизмом («свежая струя идиотизма, влитая в головы читательниц Бергсона и Шестова»).

НОВОЕ ИСКУССТВО ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ ИСКУССТВОМ.

«Кончены башни из слоновой кости. Вместо Парнаса — завод, вместо Ипокрены — литр «Пиколо» или кружка пива. Художник живет вместе с простыми смертными, их страстями и буднями».

«Стремление к организации, к ясности, к единому синтезу. Примитивизм, пристрастие к молодому, раннему, к целине. Общее против индивидуального. Закон против прихоти».

Новый дух — это дух

КОНСТРУКЦИИ.

Святая троица нового искусства —

ТРУД. ЯСНОСТЬ.

ОРГАНИЗАЦИЯ.

Современный человек любит не геммы или сонеты Петрарки, а ЗДОРОВЬЕ и ВЕСЕЛЬЕ. Прежнее искусство не организовывало жизнь, а украшало ее, довольствуясь ролью наркотика. Новый стиль создается лишь массовым производством. Наш конструктивный век не допускает торжества декоративной фантазии, потому что современная женщина, прежде всего РАБОТНИЦА, равно как и мужчина. Наставники современного писателя — детективщики, сценаристы, репортеры.

Смерть капиталистического либерализма кладет конец анархии и разброду и в искусстве тоже. Владыкой мира будет ТРУД.

* * *

По-видимому рядом не нашлось своего Войновича, который поинтересовался бы: мерин тоже работает — почему же он не сделался человеком? Впрочем, мир и сегодня не понимает, что человека создал не труд, но воображение, то самое, которое двадцатый век стремился вытеснить *действием*...

Сам же Эренбург в том же «Геликоне» (и почти сразу же в Харькове и в Москве) в 1923 году издал фантазмагорию «Трест Д.Е.» об уничтожении растленной Европы еще одним гениальным циником. Правда, из-за стилистической и пластической обедненности автор представал здесь не столько наследником Свифта или, тем более, Анатоля Франса, сколько предтечей Виктора Пелевина, — он не зря учился у сценаристов и репортеров.

Но зато уже в ближайшие годы в очерке о Веймаре он горько сетует на то, что «у нас не стало вдохновения». О «правых» и говорить нечего, но и «левые» — вот они: «вычисляют, думают, изготавливают декларации, отлучают еретиков, покрывают стены и сердца диаграммами, уравниваниями, схемами, — и все это, чтобы дойти до псевдоконструктивного стула, до закрашенных одной краской досок, до пуговиц». И даже молодой «конструктивист», глядя на чудесный город, меланхолично вопрошает: «А мы вот, оставим ли мы после себя такой Веймар?» Или только этот виадук, мосты, вокзалы, фабрику Цейса, красоту, вдоволь сухую и эгоистичную, современного Фауста с его стандартизированной, а следовательно, и удешевленной душой...

Базаровское «да» миру-конвейеру ненадолго удержалось в душе главного советского еврея. О футуристических восторгах он весьма глумливо отозвался уже в эссе 1925 года «Романтизм наших дней»: несколько молодых людей, увидев американский автомобиль, стали от восторга прыгать, вопить и плевать, подобно дикарям, пляшущим вокруг потерянного рассеянным миссионером клистира. Но по-настоящему культ пользы и гигиены расцвел среди голода и нищеты революционной разрухи: «Вместо традиционных муз поэтов стали посещать по ночам соблазнительные машины и даже сахарные головы... Мы мечтали о пустой по существу цивилизации, как мечтают пленники Уолл-стрит о девственных лесах». В голодной и раздетой Москве бритые спортсмены воспевали динамо и добротный драп, а в индустриальном Берлине растрепанные экспрессионисты вопили о рощах Индии, о любви зулусов и о человеческой душе.

Человеческая душа сложнее любого рационального идеала, ее невозможно насытить никакой фабричной продукцией, явственно давал понять «Романтизм наших дней». Особенно душу еврейскую, тут же добавил в «Романтизм» — «Ложку дегтя» несостоявшийся Свифт: «Я буду говорить сейчас о дегте, то есть о приливе еврейской крови в мировую литературу».

«Критицизм не программа. Это состояние. Народ, фабрикующий истины вот уже третье тысячелетие, всяческие истины — религиозные, социальные, философские... этот народ отнюдь не склонен верить в спасительность своих фабрикантов».

«Мир был поделен. На долю евреев досталась жажда. Лучшие виноделы, поставляющие человечеству романтиков, безумцев и юродивых, они сами не особенно-то ценят столь расхваливаемые ими лозы. Они предпочитают сухие губы и ясную голову.

При виде ребяческого фанатизма, начального благоговения еще не приглядевшихся к жизни племен усмешка кривит еврейские губы. Что касается глаз, то элегические глаза, классические глаза иудея, съеденные трахомой и фантазией, подымаются к жидкой лазури. Так рождается «романтическая ирония». Это не школа и не мировоззрение. Это самозащита, это вставные когти. Настоящих когтей давно нет, евреи давно стерли их, блуждая по всем шоссе мира».

«Всем известно, что евреи, несмотря на тщедушие, любят много ходить, даже бегать. Происходит это не от стремления к какой-либо цели, а от глубокой уверенности, что цели вовсе нет. Хороший моцион — и только. Как больные сыпняком, они хотят умереть на ходу. В конечном счете знаменитая легенда о Вечном жиде создана не христианской фантазией, а еврейскими икрами».

* * *

Все двадцатые Эренбург, подобно Вечному жиду, пропутешествовал по Европе, издавая сразу на многих языках книги превосходных очерков о королях автомобилей, спичек и грез (Голливуд), неизменно скептической интонацией давая понять, что пекутся все они о суете, — что было бы совершенно справедливо, если бы тому же скептическому кодексу подлежали тоже не вполне одетые короли Страны Советов. Но там, в стране восходящего солнца Беломорканала тревогу и брезгливость вызывает все больше «мелкособственническая накипь», изображенная в манере крепкой очеркистики. Правда, и большевики постоянно выглядят схематичными, хотя и честными болванами, слабо, тем не менее, воплощающими ЗДОРОВЬЕ и ВЕСЕЛЬЕ...

Тем не менее, книги Эренбурга неизменно оказывались в центре внимания «мировой общественности», немедленно переводились на европейские языки.

Будни великих строек Эренбург впервые по-настоящему воспел лишь в «Дне втором», вышедшем в Париже в год прихода Гитлера к власти и практически сразу же в «Худлите». Повесть тоже была немедленно переведена на все основные европейские языки и тоже оказалась в центре критической бучи, хотя в художественном отношении и она стояла на уровне хорошего очерка, — лирические же сцены лишь едва подавали признаки жизни (только сам библейский образ второго дня творения обладал определенной изысканностью). Но советскую критику интересовало другое: как он посмел писать о неразберихе и «трудностях». Эренбург, уже вполне освоивший приемы советской демагогии, отбрехивался в манере вполне достойной тех шавок, о которых с большим опережением когда-то высказался лорд Байрон: им велят лаять, а они норовят укусь.

«Гражданская совесть», терпеливо разъяснял Эренбург, не позволила бы ему описывать эти трудности, если бы Кузнецк был только планом, но когда создан не только Кузнецк, но и люди, которые его построили... Правда, в переплавку сгодился не весь человеческий материал — сложный мятущийся интеллигент Володя Сафонов покончил с собой. И не последнюю роль в его гибели сыграла культура, этот наркотик, на котором, как бы выразились сегодня, он «сторчался» (сам Володя употребляет слово «спился»). Вероятно, по той же причине окружающий его триумф воли представлялся ему торжеством примитивности, душевного младенчества.

Критика упрекала Эренбурга и в том, что он не дал колеблющемуся интеллектуалу равно сложного, но не знающего сомнений оппонента, однако не сделал он этого, скорее всего, только потому, что нигде было взять: неколебимость всегда обеспечивается эмоциональной обедненностью. Имитация которой и самому Эренбургу досталась с огромным трудом.

Он и в тридцатые годы беспрерывно колесил по Европе, подобно все тому же Вечному жиду, но пафос его очерковой публицистики и публицистической прозы становился все более простым и отчетливым: фашизм наступал и наступал, и Эренбург становился все менее и менее требовательным к тем, кто теоретически способен был его остановить. Как всякий эстет, сформировавшийся в благополучное время, когда о простом выживании задумываться не приходится, он долгое время ощущал главным врагом пошляка и ханжу, склонного «между двумя свинствами декламировать Шелли или Верлена». Но когда на историческую сцену вышли искренние убийцы, при слове «культура» не только хватающиеся за пистолет, но и стреляющие без всяких раздумий, Эренбург понял, что время капризов и парадоксов миновало, и принялся

верой и правдой служить тому, что представлялось ему наименьшим злом. Однако это не объясняет, почему он уцелел в 37-м, – верой и правдой служили многие. Конечно, он был очень полезен в качестве интеллигентного представителя варварской Совдепии, но такие соображения Сталина не останавливали. Рулетка, скорее всего. И все-таки ужасно хотелось бы узнать, что и на каких весах прикидывал Сталин, в 1942 году присуждая свою премию «Падению Парижа», роману, который и сейчас читается с большим интересом, а многие персонажи так даже и рельефны. Кроме положительных, разумеется.

После Двадцать второго июня голос Эренбурга звучит как колокол на башне вечевой. В ненависти и омерзении к захватчикам он едва ли не превосходит самого Симонова, – не в накале, но в глобализации. «Так убей фашиста», – писал Симонов, но Эренбург выражался гораздо более неpolitкорректно: «Убей немца». «Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал».

«Сколько раз увидишь его, столько раз его и убей», – призывал Симонов, но Эренбург в интимной лирике говорит не об индивиде – о стране:

Будь ты проклята, страна разбоя,
Чтоб погасло солнце над тобою,
Чтоб с твоих полей ушли колосся,
Чтобы крот, и тот тебя забросил.
Чтоб сгорела ты и чтоб ослепла,
Чтоб ты ползала на куче пепла...

Нет, надо перевести дыхание – если в Эренбурге и жил циник, то с первых же дней войны он был поглощен ветхозаветным пророком: утонченный релятивист наконец-то ухватил свою единственную, родную правду.

«Если дорог тебе твой дом», – таков был зачин знаменитого симоновского стихотворения, но Эренбург постоянно напоминал солдатам, что сражаются они не только за свой дом, но и за все человечество, за всю европейскую культуру: «Защищая родное село – Русский Брод, Успенку или Тарасовку, воины Красной Армии одновременно защищают “мыслящий тростник”, гений Пушкина, Шекспира, Гете, Гюго, Сервантеса, Данте, пламя Прометея, путь Галилея и Коперника, Ньютона и Дарвина, многообразие, глубину, полноту человека». И этот космополитизм, возвышавший читателя в его собственных глазах, сделал «сомнительного» Эренбурга любимцем и фронта, и тыла, в том числе и немецкого: в одной партизанской бригаде был издан специальный приказ, запрещавший пускать на самокрутки газеты со статьями Эренбурга. Он получал тысячи писем от фронтовиков и скрупулезнейшим образом отвечал на каждое.

Хотя он и написал однажды: «Мы ненавидим немцев не только за то, что они убивают беззащитных людей. Мы ненавидим немцев и за то, что мы должны их убивать», – но несмотря на все подобные оговорки, фашистской пропаганде не так уж трудно было сделать из Эренбурга еврейско-комиссарское чудовище (даже полузабытый «Трест Д.Е.» был объявлен практической программой лично Эренбурга), специально отмеченное даже в одном из приказов самого фюрера, поэтому со стороны товарища Сталина было довольно-таки неглупым ходом ради дополнительного ослабления полуразрушенной немецкой обороны в апреле сорок пятого публично одернуть Эренбурга в «Правде» устами тогдашнего начальника агитпропа Г. Ф. Александрова: «Товарищ Эренбург упрощает».

Утешением товарищу Эренбургу послужил резко возросший поток писем с фронта и трофейное охотничье ружье, когда-то поднесенное льежскими оружейниками консулу Бонапарту.

* * *

После войны – «борьба за мир», заграничные поездки, выступления, статьи, неизменно «отмеченные высокой культурой», насколько это было возможно, умные и даже во многом справедливые, если забыть, что разоружаться предлагалось лишь одной стороне. Однако и литературную работоспособность он сохранил фантастическую – уже в 1947 году «был удостоен» Сталинской премии его толстенный соцреалистический роман «Буря», в котором если что-то и

было хорошее, то напоминание, что и за железным занавесом живут какие ни есть, но все-таки люди, а не те уроды с плаката «Поджигатель бомбой машет и грозит отчизне нашей — с нами он не справится, бомбою подавится!» Тысяча девятьсот пятьдесят второй год — год расстрела Еврейского антифашистского комитета — принес Эренбургу еще одну премию: Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами».

Эренбург, судя по всему, был против любых еврейских объединений, хоть сколько-нибудь напоминающих гетто, полагая, надо думать, что если еврей не способен занять достойное место в индивидуальном состязании, то он и не стоит того, чтобы его защищать. Но когда после «дела врачей» в 1953 году над русским еврейством нависла опасность — ну, может быть, и не депортации, но, во всяком случае, перехода гонений на какой-то качественно новый уровень, Эренбург сумел приостановить руку «красного фараона», — которую тут же перехватила сама смерть.

Сигналом к атаке должна была послужить публикация в «Правде» некоего письма, подписанного всеми знатными советскими евреями. Смысл письма сводился к тому, что советская власть дала евреям все, а они платят за это черной неблагодарностью, сохраняя массовую приверженность буржуазному национализму...

Этим как бы оправдывались будущие действия власти, оправдывались, подчеркиваю, самой еврейской элитой. Но Эренбург в роковую минуту догадался сделать единственно верный ход — мгновенно настучал письмо Верховному Режиссеру: «Я считаю моим долгом поделиться с Вами моими сомнениями и попросить Вашего совета».

Знаменитый борец за мир между народами сумел найти безупречные идеологически, но при этом и убедительные прагматически дипломатические формулы, которых ему и по сейчас не могут простить ни сионисты за отрицание самого существования еврейской нации, ни благородные интеллигенты из самопровозглашенного министерства праведности за приятие языка советской пропаганды, — но дело было сделано: тысячи и тысячи судеб были спасены. Только об этом и беспокоился «циник», лихорадочно подбирая идеологические штампы, чтобы обращаться к державцу полумира на его собственном языке.

«Мне кажется, что единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция, слияние людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут, я боюсь, что выступление коллективное ряда деятелей советской русской культуры, объединенных только происхождением, может укрепить националистические тенденции. В тексте имеется определение “еврейский народ”, которое может ободрить тех советских граждан, которые еще не поняли, что еврейской нации нет.

Особенно я озабочен влиянием такого “Письма в редакцию” с точки зрения расширения и укрепления мирового движения за мир. Когда на различных комиссиях, пресс-конференциях ставился вопрос, почему в Советском Союзе больше нет школ на еврейском языке или газет, я неизменно отвечал, что после войны не осталось очагов бывшей “черты оседлости” и что новые поколения советских граждан еврейского происхождения не желают обособляться от народов, среди которых они живут. Опубликование письма, подписанного учеными, писателями, композиторами, которые говорят о некоторой общности советских евреев, может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую ведут теперь сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины.

С точки зрения прогрессивных французов, итальянцев, англичан и т.д., нет понятия „еврей“ как представитель национальности, там “еврей” понятие религиозной принадлежности, и клеветники могут использовать “Письмо в редакцию” для своих низких целей».

Этот исторический документ стоит перечитать тогдашними глазами.

* * *

И затем уже браться за последний эпохальный труд Эренбурга «Люди, годы, жизнь» — как за старое, но грозное оружие. Эпитет «эпохальный» — не преувеличение. Воспоминания Эренбурга действительно составили эпоху в нашем постижении Двадцатого века, — в отличие, скажем, от «Оттепели», которая дала эпохе имя, но сама, по-видимому, мало кем была прочитана. По крайней мере, пишущий эти строки при всем своем бесконечном пиетете не смог осилить такую примерно стилистику, которой все советские писатели учились неизвестно даже у кого, но уж во всяком случае не у сценаристов и репортеров: «На заводе все относились к Коротееву с уважением.

Директор Иван Васильевич Журавлев недавно признался секретарю горкома, что без Коротеева выпуск станков для скоростного резания пришлось бы отложить на следующий квартал». Сейчас эта забытая манера вызывает у меня нечто вроде даже почтительного удивления: это ж надо так суметь после знакомства с Брюсовым и Волошиным, Андреем Белым и Цветаевой, Мандельштамом и Хемингуэем, Андре Жидом и Ахматовой, Бабелем и Мориаксом...

Но я уже невольно пересказываю, за что мы все ухватились, когда с невидимыми авангардными и шумными арьергардными боями к нам, часть за частью, начали пробиваться люди и годы жизни Эренбурга.

С точки зрения властей там все было не так. Во-первых, слишком много всяких «формалистов», ради кого, собственно, мы и передавали из рук в руки сначала номера журнала, а затем и тома: Модильяни, Шагал, Матисс, Мейерхольд, — ведь о них же почти ничего невозможно было отыскать, особенно в провинции, так что Эренбург, можно сказать, первым ввел эти имена в широкий культурный оборот. Во-вторых же, что с партийной точки зрения было еще более недопустимым, Эренбург позволил себе сказать вслух, что сталинским репрессиям сопутствовал некий заговор молчания, все всё понимали, но придерживали язык за зубами. «Нет, это вы, циники, понимали, а мы, кристальные большевики, не понимали!» — восклицали партийные идеологи, предпочитавшие титул дурака клейму труса (хотя обычно им хорошо давались обе роли).

Сегодня трудно даже представить, насколько расширила хотя бы полудозволенную картину мира эта книга — она прорубила новое окно не только в Европу, но и в наше собственное непредсказуемое прошлое. Но — падение царящего над социальным мирозданием советского небосвода породило и новые претензии к ней: если прежде ее ругали за то, что в ней есть, то теперь начали ругать за то, чего в ней нет. И подлинно: Эренбург не покушался на невозможное, а потому очень многое действительно обошел. А что еще хуже — кое о чем высказался прямо-таки в лакировочном духе: последовательное профилактическое истребление людей и структур, способных хотя бы теоретически когда-нибудь сделаться очагами сопротивления, Эренбург уподобил фронтовой ошибке, когда артиллерия бьет по своим. Это у Сталина-то были свои!

Тем не менее, автор этих строк до сих пор испытывает неловкость оттого что, глотнув пьянящего воздуха свободы, и он однажды тоже не удержался от соблазна покрасоваться на фоне покачнувшегося кумира, печатно назвав «Люди, годы, жизнь» энциклопедией советского либерального западничества, — как будто тогда было возможно какое-то иное западничество!.. А ведь пишущий эти строки никогда не претендовал на праведность, тогда как различение возможного и невозможного считается низким лишь в министерстве праведности...

С точки зрения этого министерства еще менее красиво выглядит многолетняя служба Эренбурга в качестве представителя Страны Советов (СС) в интеллектуальных западных кругах: одного взгляда на этого лауреата и депутата, являющегося равноправным собеседником всех европейских знаменитостей, было достаточно, чтобы понять, что СС совершенно европейская страна и что слухи о тамошних притеснениях евреев не имеют под собой никакой почвы. И это правда: Эренбург сделал очень много для улучшения образа Советского Союза в глазах Запада. Но он сделал еще больше для улучшения образа Запада в глазах Советского Союза. Он и впрямь был символом какой-то иной цивилизации, обратив тем самым тысячи и тысячи умов сначала к культурному, а потом и социальному обновлению. Эренбург создал новую мечту, а именно творцы новых грез и есть тайные владыки мира.

* * *

Но может быть, его итоговая книга при всей ее огромной исторической роли уже отслужила свое, подобно отработанной ступени баллистической ракеты? Ведь едва ли не о каждом ее персонаже к сегодняшнему дню выпущено столько литературы, что проблемой становится скорее ее необозримость, чем нехватка: пустырь, на котором главный космополит когда-то высаживал первые робкие деревца, превратился в непроходимый лес (в котором, кстати сказать, едва ли не половина липы), — что, собственно, «Люди, годы, жизнь» могут дать сегодняшнему читателю?

Сегодняшнему читателю я бы посоветовал видеть в этой книге не только источник знаний, но и конспект колоссального романа. Попробуйте каждое дерево в этом лесу дорисовать и раскрасить собственным воображением, постаравшись взглянуть на него глазами юного социал-демократа, религиозного романтика, монпарнасского обормота (М.Волошин), глумливого скептика,

верного солдата, библейского пророка, искушенного царедворца, несломленного утописта, а может быть, и мудрого конфуцианца, полагающего, что лучше зажечь маленькую свечку, чем всю жизнь проклинать темноту. Попробуйте взглянуть десятком разных глаз на этих людей, эти годы, эту жизнь, и вы выйдете из книги с наброском гениальной эпопеи.

Тем более бесценной, что ей наверняка суждено остаться ненаписанной.

«НАРОДНОЕ ГОСУДАРСТВО» ГИТЛЕРА

Götz Aly, Hitlers Volkstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt am Main, 2005, 444 с.

Среди немецких историков, изучающих самый мрачный и позорный период истории своей страны — 12 лет нацистской диктатуры, — Гётц Али занимает особое место. Его работы привлекают внимание не только специалистов, но и широкой публики. Так произошло и с нынешней — на нее откликнулись едва ли не все сколько-нибудь заметные органы немецкой печати. По общему мнению, книга Али «Народное государство Гитлера. Грабеж, расовая война и национальный социализм» — это, бесспорно, новая попытка истолкования исторического феномена, известного как «Третий рейх».

Али задался простым и вполне естественным вопросом: в чем причина многолетних успехов Гитлера, поддержки его огромным числом немцев? Как могло столь очевидно мошенническое и преступное предприятие, как национал-социализм, добиться столь высокой, сегодня едва ли обаятельной степени интеграции общества?

Конечно, насаждаемая и разжигаемая сверху ненависть против «неполноценных», «инородцев», «евреев», «большевиков» и пр. была существенной предпосылкой. Однако в предшествующие десятилетия немцы были не более отягощены ею, чем другие европейцы, их национализм был не более расистским. Утверждение о раннем развитии в Германии особого, специфичного для нее «истребительного антисемитизма» и ненависти к «чужакам», по мнению Али, лишено оснований.

Ответ автора состоит в понимании нацистского режима как «услужливой (по отношению к подавляющему большинству немцев — С.М.) диктатуры». Гитлер, гауляйтеры, значительная часть министров, статс-секретарей и пр. действовали как классические политики-популисты, постоянно озабоченные настроением управляемых. Они ежедневно задавались вопросом, как добиться их удовлетворенности, улучшить их самочувствие. Каждый день они заново покупали их одобрение или по меньшей мере нейтралитет.

Программа «национального социализма» была не только пропагандистским лозунгом, во многом ее реализовывали на практике. Вот говорящий сам за себя перечень мер социальной политики, осуществленных до войны: введение оплаченных отпусков для рабочих и служащих; удвоение числа нерабочих дней; развитие массового туризма, в том числе для рабочих; создание первой модели дешевого «народного» авто; поощрение семей с детьми (выплата пособий) за счет холостяков и бездетных пар; начатки развитой затем в ФРГ системы пенсионного обеспечения; введение прогрессивного налогообложения. К ним следует добавить защиту крестьян от неблагоприятных последствий капризов погоды и колебаний цен на мировом рынке; защиту должников от принудительного взыскания долга путем описи и продажи имущества (должников по квартплате — от выселения). Понятно, что все это способствовало популярности режима.

Во время войны нацистское руководство, учитывая уроки войны 1914-1918 гг., прежде всего озаботилось продовольственным снабжением населения, организовав его так, чтобы простыми людьми оно ощущалось как справедливое. Повышенные нормы выдачи были связаны с более тяжелой работой или особыми, вызванными состоянием здоровья потребностями. Это имело следствием рост симпатий к режиму, что отмечалось даже его противниками. Во-вторых, и тоже учитывая уроки прошлого, власть постаралась не допустить безудержной инфляции и краха немецкой валюты. В-третьих, обеспечила семьи солдат деньгами (они получали 85% чистого заработка кормильца до призыва, в то время как семьи британских и американских

солдат – менее половины). Военнослужащие слали родным посылки из оккупированных стран, отпускники тащили домой мешки, чемоданы, сумки весом в десятки килограммов. С учетом жалования и довольствия военнослужащих подавляющее большинство немцев жило во время войны лучше, чем до нее. Это «военно-социалистически подслащенное благосостояние» позволяло поддерживать дух масс, побуждая их вытеснить из сознания преступную подоплеку такой политики.

Средства осуществления ее вскрывают ключевые цифры, резюмирующие сложные и трудоемкие подсчеты, произведенные автором: по меньшей мере две трети реальных немецких доходов во время войны происходили из иностранных (оккупированные и вассальные страны) и «расово-чуждых» (евреи, иностранные принудрабочие) источников; оставшаяся треть делилась между социальными слоями немецкого общества крайне неравномерно – 1/3 его (наиболее зажиточные) вносили 2/3 налогового бремени, в то время как 2/3 (широкие массы) – лишь 1/3.

В годы войны большинство (на 1943 г. – 70%) немцев – рабочие, мелкие служащие, мелкие чиновники – не платили прямых военных налогов; крестьяне имели существенные налоговые льготы; пенсии в 1941 г. были повышены (это ощутили особенно мелкие пенсионеры). Все предложения финансовых специалистов об усилении налогообложения отвергались руководством рейха «по политическим соображениям». Обратной стороной этой политики было повышенное налогообложение буржуазии: 75% внутринемецких военных налогов вносили предприятия и получатели высоких доходов.

Та же забота о «благах народа» характеризовала и «генеральный поселенческий план Ост», разрабатывавшийся с 1939 по 1942 гг. В своей окончательной форме он предусматривал вытеснение из европейской части СССР «в сторону Сибири» до 50 млн. славян, место которых должны были занять немецкие колонисты.

Расовая теория нацистов справедливо расценивается как идейная подготовка и обоснование ненависти и массовых убийств. Но для миллионов немцев она была привлекательна другой своей стороной – обещанием равенства внутри нации. Нацизм, показывая Али, действительно обеспечил немцам большее социальное равенство и большие возможности социальной мобильности, нежели имевшиеся в кайзеровском рейхе и Веймарской республике.

Нацистская идеология, подчеркивая различия вне нации, смягчала классовые различия внутри. Это ощущалось в организациях «гитлерюгенда», Союза немецких девушек, при прохождении имперской трудовой службы, в организациях партии и, хотя более медленно, даже в вермахте.

Война ускорила демонтаж социальных перегородок. Большие потери командного состава заставили с октября 1942 г. открыть путь к офицерским должностям людям без законченного школьного образования. И это было встречено в широких слоях населения «восторженно». Согласно нюрнбергским законам 1935 г. новые браки между «арийцами» и евреями были запрещены, зато впервые в истории Германии офицер мог жениться на дочери рабочего, если не существовало, конечно, биологических противопоказаний.

Итак, резюмирует Али, посредством грабительской расовой войны неслыханных масштабов нацизм обеспечил немцам невиданную ранее степень благосостояния, социального равенства и вертикальной социальной мобильности. Вот почему режим чудовищных массовых преступлений был в то же время режимом огромной популярности. Отсутствие сколько-нибудь эффективного внутреннего сопротивления, равно как и последующего чувства вины, Али объясняет этой исторической констелляцией.

Новизна такой трактовки состоит именно в раскрытии органической связи «народного» («социального») государства с преступлениями – в противоположность господствующему подходу, отрывающему чудовищные жестокости нацизма от тех акций режима, которые сделали его столь привлекательными для огромного большинства (до 95%) немцев.

Центральной темой книги, как уже говорилось, является финансирование войны. Бюджетная политика Гитлера, как показывает Али, с самого начала была авантюрной, ориентированной на ожидаемые будущие доходы (поэтому с 1935 г. он запретил обнародование госбюджета). Перевооружение Германии, позволившее ликвидировать безработицу и повысить покупательную способность масс, осуществлялось за счет гигантских кредитов, приведших к быстрому росту внутреннего государственного долга. Бюджеты сводились с огромным дефицитом, и к концу 1937 г. Германия стояла на пороге банкротства. Выход был найден во внешней экспансии (аншлюс Австрии, захват Судетской области, а затем и остальной Чехословакии) и экспроприации евреев

(путем наложенного на них после «Хрустальной ночи» «штрафа» в размере 1 млрд. рейхсмарок, а затем «ариизации» еврейской собственности).

Финансирование начатой войны было организовано нацистским руководством при деятельной помощи менеджеров государственных и частных финансов как огромное мошенничество. Чтобы не лопнуть, оно должно было каждый раз покрываться выгодным победоносным миром. Этот мир должен был обеспечить удовлетворение «подвешенного» потребительского спроса внутри страны и погашение военных долгов. Чем дольше шла война и чем больше средств она сжирала, тем больше должна была быть добыча и, следовательно, тем бесчеловечнее обращение с покоренными.

Нацисты выжимали из оккупированных стран колоссальные контрибуции, разрушая этим их национальные валюты, высасывали миллионами тонн продовольствие для прокорма оккупационных войск и отправки в Германию. Их лозунгом было: если во время войны кто-то должен голодать, пусть голодают другие; если военная инфляция неизбежна, пусть от нее страдает в первую очередь население покоренных стран.

Материальное стимулирование повышенного настроения немцев за счет других составляло существенную цель правления на каждом этапе. Государство в целом превратилось в колоссальную машину для грабежа, а отдельные граждане – в извлекателей выгод и пассивно подкупленных. В распоряжении простых людей оказались вещи, о самом существовании которых они за пару лет до того не подозревали. И это было лишь предвкушением того, какой станет жизнь после войны, какие блага она сулит. Обратной стороной была нечистая совесть и ощущение, что после всего происшедшего есть лишь одна альтернатива – победить или погибнуть.

С редкой для обычных историков компетентностью Али прослеживает финансово-экономический механизм нацистского грабежа. Если в оккупированных странах Западной, Северной и Южной Европы вермахт (за исключением хаотических недель отступления в самой последней фазе войны) расплачивался за реквизиции и закупки «билетами имперской кредитной кассы» или местной валютой, вследствие чего масштабы их ограбления можно хотя бы приблизительно вычислить по величине израсходованных денежных сумм, то на оккупированных территориях Советского Союза порядок был иным: дензнаки задействовались лишь частично, а значительная часть присвоенного оформлялась т.н. «квитанциями» или просто не оформлялась.

Большое место в книге занимает анализ финансово-экономических последствий ограбления евреев в оккупированных и зависимых от немцев странах. Продажа отнятой у них собственности позволяла выбрасывать на рынки капитала, недвижимости, вещевые рынки и в розничную торговлю дополнительное количество благ и таким путем частично удовлетворять повсеместно резко увеличившийся спрос на товары повседневного обихода и ценные вещи. Конечно, причиненные войной и немецким ограблением Европы дыры в снабжении населения не могли быть закрыты полностью, но на какое-то время, в каких-то местах – существенно уменьшены.

На вопрос: куда девалось имущество ограбленных, депортированных и умерщвленных? – Али дает четкий ответ: их золото, драгоценности, часы, украшения, их одежда, предметы обихода, оборудование их мастерских и лавок, их валюта и ценные бумаги, их дома и хозяйственные постройки – все это продано местному населению (основные ценности оказались в руках биржевиков и коммерсантов). Ну, а денежный эквивалент различными, большей частью обходными путями поступил в немецкие военные кассы. Полученными таким путем национальными дензнаками других стран оккупанты оплачивали местные товары и услуги, приобретаемые для нужд их войск и гражданского населения рейха, выплачивали жалованье своим солдатам.

Еще одним способом эксплуатации и ограбления других народов в пользу немцев был рабский труд миллионов иностранных рабочих в Германии (часть вербовалась туда добровольно, однако большинство составляли пригнанные). Не говоря уже о том, что труд этих людей оплачивался хуже равноценного труда немцев (рабочим из Польши и Советского Союза – самым дискриминируемым – за равный труд предприятия платили на 15-40% меньше), их облагали более высоким подоходным налогом плюс особым налогом в размере 15% заработка. Евреи, цыгане и «остарбайтеры» платили в итоге в три раза больше, нежели работающие рядом немцы. Именно поэтому, а также за счет вольнонаемных польских рабочих, поступления от подоходного налога в казну рейха во второй половине военного времени увеличились вдвое.

То, что оставалось иностранным рабочим после вычета налогов, социальных взносов и стоимости содержания в «трудовом лагере», принудительно отправлялось на их «сберегательные счета». Деньги оттуда можно было снять лишь по возвращении на родину, т.е. после окончания

войны, победоносного для Германии. «Берлинское бюро Центрального хозяйственного банка Украины», куда предприятия переводили эти «сбережения», было, как отмечает Али, одним из псевдонимов кассы германского рейха.

Таково вкратце основное содержание книги Али. В тесной связи с ним находится сюжет, также трактуемый по-новому — об отношениях нацистского руководства и традиционных элит (юристов, дипломатов, генштабистов, особенно экономистов и финансистов) при проведении в жизнь описанной политики.

Али детально прослеживает роль, которую руководство и ведущие специалисты финансово-хозяйственных ведомств — минфина, рейхсбанка, имперской кредитной кассы, интендантского управления вермахта — играли в добывании денег для ведения войны и подкармливания немцев. Именно чиновники минфина и рейхсбанка изобрели практику множества счетов, позволявшую, переводя награбленные деньги с одного на другой и смешивая их с деньгами иного происхождения, запутать и скрыть их источник. Система «имперских кредитных билетов» — тоже их ноу-хау. Никаких указаний сверху не потребовалось, чтобы ввести в действие порядок, в соответствии с которым переводы иностранных рабочих их семьям за границей выплачивались не в рейхсмарках, а в валютах соответствующих стран. Это же относится к экспертам минпрода, устанавливавшим, какие группы населения должны снабжаться по резко пониженным нормам (прежде всего евреи, затем советские военнопленные, затем душевнобольные и т.д.). Достаточно было принципа, провозглашенного Гитлером: хорошо то, что полезно для немцев, о методах он не требует отчета.

Между политическим руководством и чиновниками-специалистами возникали иногда различия взглядов по вопросу о том, как быстро и какими методами Европа должна быть ограблена. Первое, как правило, ориентировалось на краткосрочный, второе — на среднесрочный эффект: они хотели еще какое-то время подоить корову и дать ей принести теленка, прежде чем отправить на бойню. Нацистские же главари мыслили в категориях политического выживания. Их лейтмотив — любой ценой добиться в кратчайший срок (пара недель или пара месяцев) соответствующей цели, чтобы удержаться на плаву.

Эти противоречия, порожденные ими трения и стычки (картина насквозь авторитарного вождистского государства, по мнению Али, неверна) в конечном счете шли на пользу системе. Сохраняющаяся возможность выявлять различия, ставить вопрос об оптимальном пути — все это помогало добиваться высокой эффективности. Без тонкой корректирующей доводки, компетентной выверки подчас безрассудно рискованных импровизированных акций нацистского руководства, без этого «убийственного сплава политического волюнтаризма и функциональной рациональности» чудовищные преступления не могли бы осуществиться. Взаимодействие политиков, экспертов и большинства населения — вот что лежало, по Али, в основе свершившегося.

И здесь мы возвращаемся к основному, наиболее болезненному выводу Али: «Система была создана для общей выгоды немцев. Каждый принадлежавший к «расе господ» — а это были не только какие-то нацистские функционеры, но 95% немцев — в конечном счете имел какую-то долю в награбленном — в виде денег в кошельке или импортированных, закупленных в оккупированных, союзных или нейтральных странах и оплаченных награбленными деньгами продуктах на тарелке. Жертвы бомбежек носили одежду убитых евреев и приходили в себя в их кроватях, благодаря Бога за то, что выжили, а партию и государство — за оперативную помощь. «Холокост», — заключает Али — остается непонятым, если не анализируется как самое последовательное массовое убийство с целью грабежа в современной истории».

Такой ответ на вопрос о причинах происшедшего решительно расходится с принятыми из «национально-педагогических» соображений объяснениями, возлагающими ответственность на отдельные лица или группы — безумного, якобы харизматичного диктатора и его окружение или на банкиров, руководителей концернов, генералов и т.д. В ГДР, ФРГ, Австрии, констатирует Али, применялись различные стратегии самозащиты, но с одной и той же целью — обеспечить большинству населения спокойную жизнь и чистую совесть.

Али понимает, конечно, сколь ответственен сделанный им вывод: «Когда я говорю о «немцах», это понятие тоже относится к числу коллективистских обобщений... И все же, при всем его несовершенстве оно кажется мне несравненно более точным, чем сильно суженное «нацисты». Ибо Гитлеру снова и снова удавалось расширить базу общественного согласия с его режимом далеко за пределы круга членов и избирателей его партии. Конечно, были немцы и немки,

которые оказывали сопротивление, страдали и гибли в борьбе; немецкие евреи тоже были немцами, понимали себя как таковых, зачастую не без гордости. И все же выгоды из ариизации извлекали именно немцы (включая австрийцев), понимая под этим словом 95% населения. Тот, кто заявляет, что это были лишь отъявленные наци, уходит от реальной исторической проблемы».

Перефразируя слова известного философа Макса Хоркхаймера: «Молчащий о капитализме не должен рассуждать о фашизме», — Али завершает книгу собственной максимой: «Тот, кто не желает говорить о выгодах миллионов простых немцев, пусть молчит о национал-социализме и Холокосте».

ВОЗВРАЩЁННЫЙ БЛАЖЕЕВСКИЙ

Евгений Блажеевский. Монолог. Стихотворения. – М. Союз российских писателей. Руководитель проекта Людмила Абаева, сост. Владимир Коробов. 2005 – 248 с.

Отошла презентация, отшумела атмосфера праздника, суеты и признания, пришла пауза – и самый момент остановиться и подумать, какую же книгу мы получили в итоге. Какие вопросы она ставит перед нами, а, возможно, и мы – перед ней. И что оставляет нам. Надолго, быть может, навсегда.

Так вот, мы получили первую настоящую книгу настоящего поэта, ушедшего от нас 6 лет тому назад, на 52-ом году жизни. Язык не поворачивается назвать ее «посмертной»: наверное, потому, что рукопись была подготовлена еще самим автором и она мыслилась как четвертая по счету, конечно же, прижизненная книга. Но, увы... Вопрос весь в том, смогли бы ее оценить тогда, как сейчас, – в той современности, и с тем же чувством, о котором сказал его старший современник: «боясь находки, как потери, что с каждым разом все больней».

По «Монологу» мы нашли Евгения Блажеевского. Как художника – поэта и живописца (каким он всегда являлся, но впервые предстал в этом качестве на вклейках книги). Но кто решил, что опасность потери миновала? Тогда, при жизни, в 70-90-ые годы прошлого века, она шла от непонимания этики и эстетики поэта и как следствие – заниженности оценок, непопадания в «толстые журналы» и литературный процесс, – теперь же – от узкого прокрустова ложа схем и ярлыков донельзя политизированного нашего мышления, в которое пытаются втиснуть эту яркую индивидуальность.

На такие размышления наводит предисловие к книге Ю. Кублановского «Брутальный романс Евгения Блажеевского». Поэт говорит о поэте вроде с похвалой и сочувствием, но не покидает ощущение: сказанное приложимо к любому другому автору, не вошедшему в «функционирующую обойму “официальных” стихотворцев» – так обща и размыта эта формулировка. Почему «точкой отсчета» для Блажеевского, родившегося в 1947 году, должны быть непременно «шестидесятники» – ближе он к этому поколению или дальше? И хотя нам говорят, нет, он «отнодье не поэт стадионов и Политехнического, его литературное созревание пришлось на глухую пору застоя», это погоды не меняет.

Вошел в глухую пору застоя – не вошел... Неужели этот, набивший оскомину, клишированный язык остается у нас единственно возможным для определения координат своеобразия художественной индивидуальности, непохожести и оригинальности таланта? Почему мы так редко вспоминаем пушкинскую мысль о «самостоянии человека», которое есть залог если уж не величия его, то хотя бы самосохранения достоинства в любое время безвременья – а для поэта не бывает других времен?

В случае Евгения Блажеевского сохранить душу живую здесь, в своем отечестве, было не менее трудно, чем спасти ее на чужбине. И насколько же человечны, правдивы и точны слова самого поэта о своем творческом поведении «в глухую пору застоя»: «... я не диссидентствовал, не сидел, не выступал на «Свободе» и никогда не был параноиком, что для профессионального литератора сегодня большой минус». («ЛГ», 5 июня 1996)

Да, Блажеевский не страдал маниакальностью призвания, и с самооценкой у него было все в порядке. Он отдавал себе ясный отчет в том, что «пройти пустыню литературного одиночества» он, «как и многие другие, не смог без потерь». Только потери эти были иного, более сложного этического и эстетического свойства и достоинства, чем «стихам не хватало отделки: написал – как “отстрелялся”, и пошел дальше» (Кублановский).

Нет, его мучили проблемы построения своей личной биографии, которая – как ни крути – оказывалась в 70-80-ые годы общей биографией всех – с «армейской тетрадь», «Высоцким»,

с «туркменскими зарисовками», и образа лирического героя, который, взяв лирическую ноту, нередко сбивался на выпретенный монолог и столь ценимую временем публицистичность. А душа со всем своим экзистенциальным, субъективным, личным пыталась прятать самое потайное в «Дневник», «Блокнот», «Записную книжку», «Письмо», «Отрывок», «Набросок», даже в «Японские подстрочники (и такой жанр находим у поэта: «На нашу сенью// Четвертый десяток лет// Как из окошка// Смотрит, одетый в раму,// Из небытия отец...»

Трагичен мир, трагично вещество существования человека.

Лирический герой Блажеевского вносит в это мироощущение свою особую, экзистенциально-русскую ноту: «В этом мире страшно быть объектом:// Женщиною, полем и Байкалом...» Художником=поэтом тоже: «... я чужой в миру, где умер почитатель// Стихов, и в суете мирской// Ненужным сделался ваятель,// И шииш исчез из мастерской» (симптоматично, что под этим высказыванием стоят две даты: 1966 и 1999 годы: проставлен знак равенства между «оттепельным» «тогда» и перестроечным «сейчас»).

Трудно согласиться с мнением автора предисловия, что поэтика Блажеевского «впитала в себя» и «облагородила» поэтику «романтиков» 20-х годов – Эдуарда Багрицкого и даже Николая Тихонова. Отчетливее и сильнее чувствуется тяга не к «непосредственным предшественникам», а тоска по Учителю, Художнику (Заболоцкий умер в 1958 году, Пастернак – в 60-ом, кто еще?). Понимание того, что поэт, не знающий «силы притяжения гнезда» – то есть большой дороги русской классической традиции Пушкина-Лермонтова-Тютчева-Бунина, где, как верстовой столб, «Темный дуб склонялся и шумел» – останется птенцом, соловьёнком «с неопытным горлом»: «Как важно ему, затевая искусство в кустах, // Знать чистую силу большого и звонкого пения, // Чтоб стать голубым языком в соловьиных кострах, // Стать звуком чудесным, укутанным в серые перья...» Но трагический нарушена связь восприятия и словаря – потому диагноз поэта столь неутешителен: «... Поёт соловьёнок мучительно.// Как важно ему превзойти самого соловья, // Но как превзойти, если нет на деревьях учителя...»

Это – о себе, о своем поколении, о котором говорится не раз в прямой речи – публицистично и резко: «Лагереи и питомников дети, // В обворованной сбродом стране // Мы должны на голодной диете // Пребывать и ходить по струне». «Голодная диета» начавшейся перестройки обрекала художника на разрыв с традицией. Незадолго до смерти Блажеевский в статье в «ЛГ» (5 июня 1996 г.) выскажет глубоко выношенную и выстраданную им мысль: «Мыслить себя вне традиции все равно, что считать себя не рождённым, а найденным в капусте. Если поэт вне традиции, на нем можно ставить крест».

... Лирическая нота Блажеевского – нота жестокого городского романа, осложненного оригинальной поэтикой, считает Кублановский. Сдобренной слезою Аполлона Григорьева (надо полагать, старомодной, с московско-гитарным привкусом сентиментальности).

И опять все не так просто и очевидно, как кажется. Хотя поэт – «человек безвременья» и брал ноты своего времени, «в котором мы все и жили», отдавшего предпочтение именно музыке, музыкальному восприятию жизни и словарно, он, на мой взгляд, все же был и остался в лучших своих стихах живописцем по преимуществу. Принадлежа к тому редкостному ряду художников поэтов «со зрением», в котором были Б. Пастернак, Н. Заболоцкий, Вл. Державин...

Сколько в запасниках русской поэзии XX века слов и красок припасено для Осени, но так, по-блажеевски, ее не писал никто: «Солнце прибывает за спиной // В медленном своём великолепье... И ложится в тишине ступня // Гулко, как в полузабытом детстве...».

Если чем и «сдобрены» эти образы, то печатью высокого художественного зрения и мастерства. Совершенства, быть может...

К концу жизни поэта его прибиток ощутимо нарастает. Ю. Кублановский справедливо замечает, что поэзия Блажеевского стояла на пороге какого-то нового и многообещающего качества и приводит в пример действительно прекрасный «набросок» серого московского денька в серый час сумерек: «Сколько в округе сырого // Сурика, сколько олова // Оплавило фонари!... // Как на портрете Серова, // Сумерки, словно Ермолова, // Возникли в проёме двери».

Но автор предисловия не досказывает, что это было за обещание и чего. Попытаемся досказать.

Животворящая природа приоткрывает двери в трагизм человеческой жизни. Ермолова – символ трагедии, но маски театра – отброшены, остаются в прежних набросках. Блажеевский как бы выходит из собственной тени – и проявляется как поэт философского, экзистенциального толка. На первый план выходит напряженное размышление о главном и сущем – о жизни и смерти, о том, как встретить «крайний срок для жизни, для судьбы, для лихолетья». Трагизм

восприятия бытия человека усиливается за счет особой, удивительной, врожденной зоркости, которая сродни зоркости зверолова: «И боль, как пес, присела у ноги.// И вместе мы выслеживаем Слово».

Слово, выслеженное болью души, приобретает отчётливость нравственных смыслов, а начало лирического стиха – эпическую мощь зачина, заставляющую вспомнить тютчевское: «Когда», «Есть час...», «Блажен, кто посетил сей мир...».

Поэт прозревает себя глубоко живущим именно в этой традиции – он в той «очередí», в которой рано или поздно оказывается «мыслящий тростник», и находит свой, мужественный словарь века XX-ого для выражения трагизма мира «в его минуты роковые» (он стал еще страшнее в сравнении с тютчевским): «... и у Бога// Бессмысленно просить за мир, увы,// Людей, исчезнувших из обихода// Без суеты и горестной молвы// В той очереди серой, как пехота,// Где ты стоишь, придвинувшись уже// К самой решётке, за которой бездна// Ревет, как зверь – в подземном гараже,// И просьба о пощаде бесполезна...»

Во времена советской литературы эти стихи были бы признаны пессимистическими, возможно, их даже не напечатали бы. Сегодня – напечатали, но, возможно, они останутся без сочувствия понимания, с нашей стороны.

Дмитрий Быков в интервью НГЭxlibris (№ 37, 2005) приводит слова Кушнера: «Трагическое миросозерцание тем плохо, что оно высокомерно».

Трагическое миросозерцание тем хорошо, что это правдивое – при свете истины – миросозерцание, не оставляющее человеку надежды на ложные иллюзии («И входит несчастный народ в кровавую реку вторично» – это о русском народе, о том, что случилось с ним в XX веке); на самообман и красивые «уюты», когда зарождается смерч// И гасит в приходах лампады,// И плещет безногая смерть// Под ритмы беспечной ламбады,// Когда этой пляски волчок// Взаправду, а не на картине,// Когда вместо глаза – значок// Со звездочкой посередине...»

Такой взгляд требует от поэта предельного мужества и личностной свободы, чтобы осуществить свой выбор в современном мире.

Блажеевский такой выбор сделал в жизни и в поэзии. Не случайно он вспоминает миф об Орфее и «переписывает» от собственного лица («Орфей»).

Оглядка Орфея, обернувшегося на голос Эвридики, «и нежный и тихий», и разом потерявшего всё, произошла не потому, что его подвели «слабость» или «случай в слепом произволе».

Блажеевский увидит здесь «тайную связь... ремесла с избытком и жаждою боли».

Оглядка на большую классическую традицию стоила ему самому жизни – «волчьей сущности судьбы»: одинокой загнанности непризнания.

Об этом свидетельствует Ефим Бершин в вышедшем почти одновременно с «Монологом» автобиографическом мемуарном «роман-се из жизни осколков» – Маски Духа («Дружба народов» № 6, 2005).

Блажеевский выступает здесь как друг-современник с добрым и нежным сердцем; не избывший до конца душевной боли человек; верный спутник в ночных прогулках по Москве конца XX века.

Одним словом – как реально существовавшее лицо. И в то же время – как герой, легенда. На уровне мифа.

Что ж, все правильно: именно так возвращаются поэты!..

О ПЛОДОТВОРНОМ «ДВОЕМЫСЛИИ» И ЭКСПАНСИИ «ПРОДАВЛИВАНИЯ»

Казалось бы, статья Ильи Мильштейна «Дитя XX съезда» («Зарубежные записки» № 6) не даёт оснований для спора. Политический портрет Хрущёва, красочно и остроумно нарисованный автором, опирается на тезисы вполне убедительные, да к тому же неоднократно и успешно апробированные современной публицистикой.

Всё верно — и то, что Хрущёв до 1953-го года был «классическим сталинистом», и то, что политические перемены начал осуществлять, всего лишь следуя групповому партноменклатурному инстинкту самосохранения, и то, что в процессе десталинизации постепенно начала пробуждаться человечность, не чуждая душе нового генсека, и то, что, проведя исторический XX съезд и выступив с легендарным закрытым докладом, Хрущёв «вряд ли до конца понимал, что совершил, но громадность совершённого ощущал кожей», и то, что курс «оттепели» проводился непоследовательно, а точнее — у власти было «два Хрущёвых»: один — «освобождал страну», другой — «травил Пастернака», «давил танками Будапешт и Новочеркасск и строил Берлинскую стену».

Здесь-то мы и остановимся, поскольку последний из упомянутых выше тезисов сопряжён с выводом, имеющим, по всей вероятности, существенное значение для автора статьи: непоследовательность позиции и деятельности Хрущёва породила дух *двоемыслия*, оказавший пагубное воздействие как на судьбу «обаятельного», но «полусвободного» поколения «шести-десятников», так и на дальнейшую (советскую, постсоветскую) политическую и общественную жизнь в целом.

Данной теме посвящены в статье всего девять абзацев из тридцати пяти, но именно они проливают свет на причины обращения Мильштейна к судьбе отца «оттепели». Удручает автора тот факт, что ныне Россия переживает очередной период «застоя». Хочется Мильштейну поспособствовать выходу страны из путинского тупика, а потому — в старой притче про царя Никиту он тшится узреть намёк, добрым молодцам урок. Иначе говоря — спасительную соломинку, дабы было за что (в числе прочего) ухватиться утопающей России.

Вот как Мильштейн, покорно следуя расхоже-ригористическим идейным нормативам, характеризует наиболее неприемлемую черту советской жизни 60-80-х годов: «все всё знают, но официально клянутся в верности партии и вождям».

Весьма различными социальными явлениями характеризовалась рассматриваемая автором статьи послехрущёвская «застойная» эпоха. Да, были и политические репрессии, и диктат цензуры. И разнузданный карьеризм, и серое приспособленчество. Не менее существенны, однако, и другие черты, которые были присущи духу упомянутых десятилетий.

Именно в этот период начали возрождаться некоторые традиции интеллигентской жизни, напроць — казалось бы — уничтоженные в сталинские времена. Знаменитые тогдашние кухонные посиделки (над которыми сейчас не смеётся только ленивый) создавали микроклимат, благоприятствующий насыщенному в интеллектуальном и духовном отношении существованию. Бесконечные вольные разговоры о Пастернаке и Мандельштаме, о Прусте и Музиле, о Тарковском и Феллини, о Малере и Шнитке, наконец — попросту говоря — о жизни и смерти, формировали пространство *рефлексии*. Последняя провоцировала индивидуализированный, лишённый стадности взгляд на мир и таким образом помогала среде преобразиться из аморфной массы в сообщество развитых личностей, а что могло быть лучшей альтернативой убожеству «совкового» социума? Акции гражданского неповиновения, являвшиеся в отдельных ситуациях правомерным,

а подчас – необходимым итогом рефлексии, в свете складывающихся обстоятельств никоим образом не противоречили возможности эволюционной трансформации коммунистического режима, его постепенного оздоровления изнутри.

Что же представлял собой социальный механизм, помогавший интеллигенции до поры до времени сохранять стабильность своей «кухонной» ниши? Именно то, что так не нравится Мильштейну. Прикрытием для частного вольнодумства служило минимальное соблюдение (а точнее – имитация соблюдения) внешних *правил игры*, свидетельствовавших о политической благонадёжности (на самом деле – фиктивной).

Попробуем мысленно приглядеться к контингенту упомянутых выше посиделок. Наряду с откровенными диссидентами и людьми из творческого «андеграунда», ушедшими в дворники и сторожа, весомую (если не львиную) долю «кухонных» завсегдатаев составляли совсем иные типаж: почтенный профессор, вступивший в коммунистическую партию на фронте и, опасаясь потерять достойную в профессиональном и нравственном отношении научную (или преподавательскую) работу, не решившийся положить партбилет на стол, продолжающий вяло и безынициативно следовать формальным партийным ритуалам – исправно платить членские взносы, клевать носом на собрания; скептический эмэнэс (или ИТР из проектного института), гнушающийся претензий на высокие начальственные посты, но готовый равнодушно и лениво зачитывать на обязательных политинформациях елейные передовицы из «Правды» о грандиозных сельскохозяйственных урожаях или ударных темпах строительства БАМа; пытливый студент, поступивший в вуз с целью избежать призыва в армию (осмотрительно опасаясь казарменной «дедовщины», то бишь ...той самой «порчи души», от которой предостерегает молодёжь Солженицын в конце своей «Образованщины») и, ради того, чтобы не быть из института отчисленным, спокойно, послушно и ...бездумно повторяющий на экзамене диаматовско-истматовские дацзыбао. Многие несообразности внешнего социального статуса этим людям удавалось компенсировать плодотворностью неформально-«кухонного» времяпрепровождения.

Увы, идеологический перпендикуляр к сформировавшемуся укладу не заставил долго себя ожидать. Судя по другим известным нам текстам Ильи Мильштейна, можно предположить, что он не слишком жалуется «исподглыбную» публицистику Солженицына. Показательно, однако, что именно последний в своей упомянутой выше программной статье «Образованщина» положил начало восприятию «кухонной» интеллигентской рефлексии как «двоемыслия».

В чём же видит наш пророк и мессия альтернативу рефлексии? Эмоциональный вектор солженицынских дум и назиданий обнаружить не так уж сложно. Достаточно взглянуть в лингвистический объектив, наводящийся в «Образованщине» на резкость путем троекратного повторения наречия «через».

Итак: «Обществу < ... > нельзя оздоровиться, нельзя очиститься иначе, как пройдя *через душевный фильтр*» – пока что расплывчато и неопределенно; «*через продавливание*» – последнее угрюмое словцо на редкость точно отражает процесс втискивания стереоскопического интеллигентского сознания в прокрустово ложе прямолинейного антикоммунизма; «*через сознательную добровольную жертву*» (во всех трёх цитатах из Солженицына курсив мой – Е.Г.) – а вот здесь уже горячо! Одно дело, когда человек совершает подвиг *сам*, не ставя себе этого в заслугу, не претендуя, чтобы к его бесстрашному самопожертвованию обязательно кто-либо присоединялся, но дело совсем иное, когда человек *требует* самопожертвования от других. Во втором случае речь идет о явном искусственном взвинчивании радикальной конфронтации с режимом. Как бы искренне ни полагал Солженицын, что всего лишь призывает «жить не по лжи», уклоняться от участия в советском очковитрательстве, объективно его умонастроения вдохновляли и подталкивали нарождавшуюся диссидентскую когорту на баррикады (пусть и бескровные).

Да и сами диссиденты в большинстве своем были к подобному раскладу психологически готовы и лишь ожидали дополнительных подбадривающих импульсов. Предостерегающие от оголтелости голоса таких людей, как Синявский, Померанц, Копелев, Эткинд, Амальрик, ими услышаны не были. Органическая тяга Сахарова к мировоззренческой объективности и толерантности даже на ближайшее его окружение не возымела никакого воздействия. Стремнина радикализма всё больше и больше вовлекала в свои бурные потоки. Боевые воззвания «Интернационала сопротивления», агрессивные редакторские колонки «Континента» – тому выразительное свидетельство.

Что же происходило в данной ситуации с интеллигентской «кухней»?

Её завсегда, продолжая рефлексировать, отягощали себя угрызениями совести, связанными с неготовностью к героическому действию, и, возможно, поэтому охотно поддавались натиску *идеологического «продавливания»*.

В результате, когда к власти пришел Горбачев, взявший курс на внедрение долгожданных политических свобод (и в первую очередь — столь существенной для интеллигенции свободы слова), явно ориентировавшийся на путь эволюции, готовый даже своей осторожностью и нерешительностью *гладить по шерсти* интеллигентское сознание (пусть и с некоторой, простительной для политика, неумелостью), политическая линия, проводимая последним генсеком, не получила весомой общественной поддержки. Все увереннее на «кухнях» раздавались голоса тех, кто, потешаясь над нелюбезной Мильштейну идеализированной ленинской «типа мягкостью, картавостью», одобрял всамделишную столыпинскую *типа жёсткость*, пиночетовское *типа р-р-равняйся, смир-р-рно*. Тех, кто ехидно шипел в адрес коротичевского «Огонька»: отвлекает, дескать, своим беспокойством по поводу поднимающих голову охотнорядских настроений и черносотенных организаций вроде «Памяти» от *нужного* дела борьбы с идеями коммунизма. Тех, для кого любой экстремистски настроенный *человеко-гвоздь* с героической арестантской биографией за плечами являлся безоговорочным и приоритетным экспертом по части будущего страны.

Девяностые годы и вовсе ликвидировали целостную инфраструктуру интеллигенции. Осталось лишь множество её атомизированных островков, затерянных в дебрях «дикого капитализма» и лишённых возможности влиять на формирование общественного мнения. Рычаги воздействия были перехвачены новой элитой, состоящей из тех же бывших диссидентов, видных деятелей культуры, лояльных к ельцинской власти, и ангажированных журналистов.

Упомянутый период охарактеризовался уже ничем не прикрытой экспансией «продавливания», проявлявшего себя в многообразных формах. Это и назойливые призывы к антикоммунистическому «московскому процессу» (сопровожаемые рецидивами «охоты на ведьм», временами подозрительно совпадающей с советской властью по части выбора мишени: ею, в частности, и на сей раз явился ...Андрей Донатович Синявский). Это и поддержка элитой полицейской акции разгона парламента и стрельбы по Белому дому в октябре 1993 года (сопровождавшейся коллективными письмами, стилистически и интонационно подозрительно напоминавшими верноподданнические петиции эпохи сталинского «большого террора»). Это и беззастенчиво декларируемое ледяное равнодушие к судьбе рядового населения (в том числе рядовых собратьев-интеллигентов), неуютно чувствующего себя в рыночных условиях, сочетающееся с демонстративным велеречивым пиететом по отношению к «спасительному слою» «мелких собственников, добропорядочных мещан, буржуа» (цитирую в данном случае высказывание не какого-нибудь шоумена или клипмейкера, но ... исследователя творчества Рильке Константина Азадовского).

Ни к чему иному, кроме пробуксовки общественного сознания, подобное положение вещей привести не могло. Вот и сейчас, когда ельцинский период «бури и натиска» сменился путинским застоём, со стороны представителей упомянутой элиты не наблюдается никаких поползновений к пересмотру позиции. Упорно отказываются они задаться рядом неудобных вопросов: не является ли нынешняя российская ситуация закономерным следствием политической линии, проводившейся ельцинской властью? не является ли ряд уязвимых в нравственном отношении действий нынешнего руководства развитием некоторых тенденций 90-х годов — начиная с зомбирования электората при помощи пиар-технологий, впервые проявившегося в президентской кампании 1996 года — «Голосуй, а то проиграешь!», и заканчивая... войной в Чечне, начатой не Путиным, а Ельциным в 1994 году?

Вместо этого по-прежнему идет «продавливание». К примеру, в ноябре-декабре 2004 г. для автора этих строк, живущего в Киеве, была явственно ощутима тенденциозность неумеренных славословий в адрес «оранжевой» революции, исходящих от представителей либеральной российской журналистики. Борзописцы «Новой газеты», златоусты «Эха Москвы» в порыве безудержной эйфории не замечали ни того, что главные «оранжевые» лидеры, претендующие на статус демократов и неформалов, — плоть от плоти прежней «кучмистской» власти, за бортом которой они оказались достаточно случайно и не по своей воле; ни того, что под прикрытием красивых словес о стремлении «идти в Европу» в «оранжевой» среде процветают ксенофобские настроения — антирусские, антисемитские.

Остаётся лишь сожалеть, что интересный в целом текст Ильи Мильштейна не лишён элементов подобной тенденциозности в тех местах, где речь идёт о современной ситуации. И лакировочные

мифологемы (вроде Ельцина, мучающегося, «обреченно наблюдая за тем, как медленно, но неуклонно уничтожаются его политические завоевания», — где и когда встречал Мильштейн концептуальные выступления Ельцина, которые могли бы представлять собой критический «разбор полётов» его ставленника и телохранителя?), и морализаторские клише (вроде резюмирующей сентенции: «Быть может, главная беда в том, что перестроечные вольности, как и хрущёвские, были именно дарованы властью, а не завоёваны в борьбе с ней») — всё те же родимые пятна «продавливания».

ВРАЩАЯ РАЗНОЦВЕТНЫЙ ГЛОБУС

Продолжение

Мы уже добрались до берегов Средиземного моря – и дальше начинается Европа. Римская империя – становой хребет европейской цивилизации – определяла эту удивительную, почти запечатанную Гибралтарским проливом часть Атлантики довольно просто – *mare nostrum*, «наше море». Конечно же, оно не было изначально «нашим». Были и финикийцы, о которых мы уже говорили, они основали торговые колонии по всему периметру моря и даже за его пределами – на атлантическом побережье нынешней Испании; был и мощный карфагенский флот, и киликийские пираты, с которыми сражался Помпей Великий (впоследствии покоривший Иудею), и флот египетской царицы Клеопатры, разгромленный Августом в знаменитой битве при Акциуме. И еще за 10 – 12 столетий до этого на восточное и южное побережья совершали регулярные набеги так называемые «морские народы», скорее всего – наследники таинственно ушедшей с лица Земли крито-микенской цивилизации. Египетские фараоны трепетали от страха, но жестокие набеги на прибрежные области ограничивались, как правило, грабежом и не угрожали центральной власти. На востоке же «морские народы» высадились и осели надолго – в районе нынешних Ашкелона, Ашдода, Газы. Это были – филистимляне, индоевропейский народ, который принес на Ближний Восток передовую технологию обработки железа (более высокую, чем у хеттов – тоже, кстати, индоевропейцев, – хотя, возможно, изначально воспринятую именно от них). Вероятно, они были рослыми и весьма боеспособными (вспомним Голиафа), но едва ли многочисленными. Городов они не строили, довольствуясь тем, что досталось от покоренных племен. В конце концов филистимляне, побежденные армиями Давида и Соломона, растворились в общей массе населения и исчезли без следа, не оставив ни надписей, ни каких-либо иных материальных свидетельств; и о языке их, как и вообще о языках народов эгейской цивилизации, до сих пор ничего не известно, – во всяком случае, имеющиеся в распоряжении ученых скудные записи до сих пор не расшифрованы. Один из моих оппонентов утверждал, что нынешние палестинцы – это прямые потомки филистимлян, отсюда, дескать, у них такая ненависть к евреям. Соглашусь лишь с одним – ненависть действительно является определяющим чувством в значительной части палестинского общества – наряду с завистью (евреи превратили пустыню в цветущий сад на землях, откупленных у палестинских арабов) и национальным унижением (они хозяйничают на земле, завоеванной воинами ислама!). Впрочем, есть и другие версии. Главный идеолог исламизма на российской почве Гейдар Джемаль утверждает, что палестинцы – это одичавшие евреи, обращенные в «истинную веру» победоносными войсками халифа Омара в середине VII века н. э. Наиболее экзотический взгляд, как ни удивительно, на Украине, где академик Кандыба уверяет, что Палестина – это искаженное «Паленый стан», бывший одним из центров Древней (Киевской) Руси. Соответственно, Иерусалим – это «Русская Олонь», гора Сион – это «Сиян», и даже Яхве – это местное произношение русского (или украинского?) божества Явь.

Впрочем, и в некоторых учебниках написано, что украинский язык в глубокой древности был языком межнационального общения и позже получил название «санскрит»...

Тем не менее, именно библейская история расселения евреев находит постоянное подтверждение в археологических свидетельствах, равно как консолидация государства и вытеснение или поглощение других семитских племен. В эпоху Царств это было мощное государство, способное угрожать соседям. Правда, нашлись и посильнее – та же Библия описывает и вавилонское пленение, и возвращение из плена. За пределами Священной книги – победоносное шествие Александра Македонского, державы диадохов, приход римлян. Именно от них идет название «Палестина» – то есть «филистимская». Изначально греческое,

обозначавшее узкую полосу от Яффы до Газы, оно было специально применено римлянами, чтобы унижить гордых евреев, настаивавших на сохранении единобожия и отрицавших греко-римский языческий пантеон. Еще при греческом владычестве этот принцип стал движущей силой восстания Маккавеев, потомки которых (Хасмонеяская династия) носили уже и греческие имена, и не слишком настаивали на единобожии. Название «Израиль» было забыто, существовала лишь вассальная Иудея, потом лишь римская, а затем византийская провинция...

Это уже эпоха Нового Завета, эпоха Иисуса Христа и его последователей. Заметьте – апостолы не шли ни на Восток, ни на Юг, ни на Север – лишь на Запад. На Кипр, в Малую Азию, в Грецию, в Рим, ставший Престолом Святого Петра... Апостол Андрей, по преданию, прошел всю Европу, Мария Магдалина высадились с корабля в районе нынешнего Марселя. На этом предположении, якобы зафиксированном в книге влиятельной еврейской общины Нарбонны, основаны десятки современных романов, в том числе и нашумевший «Код да Винчи» Дэна Брауна. Задолго до Брауна вышел в свет роман Петера Берлинга «Дети Грааля», гораздо более информативный, более содержательный, по сравнению с которым роман Дэна Брауна представляется творением не очень успешного ученика. Странно – роман Берлинга не менее, если не более, интересен и кинематографичен. Но и более серьезен – может быть, поэтому он не привлек внимание голливудских сценаристов. Хотя ведь была очень успешная экранизация шедевра Умберто Эко – «Имя розы», о тех же раннехристианских рукописях!

Одна из более или менее современных легенд – это предположение о том, что Христос, в жизнеописании которого имеются, как говорится, «лакуны» – с момента взросления и до начала проповеди, – путешествовал вовсе не в Египет, а в Индию, где общался с «махатмами» – существами, которые... впрочем, лучше у Блаватской или что-то даже у Рериха.

Христианство, пришедшее с Востока, полностью преобразило и Европу, и обширные регионы Азии и Африки. Америка и Австралия еще не были открыты. А евреи, лишенные своего национального очага, рассеялись по всему миру, добрались и до Индии, и до Китая, уж не говоря о Европе. Диаспора – *галут* по-древнееврейски – существует и до сих пор, и лишь совсем недавно численность евреев в диаспоре уступила их численности в Израиле.

Но и во времена рассеяния малая толика евреев оставалась в Иерусалиме и в других городах страны. Они были там всегда; даже во времена жестоких войн, когда евреи были одной из целей уничтожения, кто-то сохранял свой дом и хранил свет древней веры. Они с неприязнью приняли еврейских переселенцев из Европы, хлынувших в Палестину в начале XX века. Те несли с собой чуждые пониманию глубоко верующих людей понятия – капитализм, социализм... Капитал, помощь барона Ротшильда, других предпринимателей помогли выкупить почти бесплодную землю, на которой бедуины пасли своих тощих коз. Очень скоро на этой земле возникли киббуцы и мошавы – общинные предприятия социалистического типа. Энтузиазм поселенцев был велик – и почти в одночасье бесплодная земля превратилась в цветущие сады и высокоурожайные плантации. Выкупались новые участки, создавались новые киббуцы... Выкуплен у нищих арабских «хозяев» был практически весь современный Израиль. Мало кому это нравилось, и меньше всего националистическим арабским лидерам, даже после краха Третьего рейха разделявшим идеи Гитлера. Муфтий Иерусалима аль-Хусейни (к семье которого, по некоторым сведениям, принадлежал Ясир Арафат) объявил джихад после того, как 14 мая 1948 года была провозглашена независимость Израиля. До этого была резолюция ООН, предусматривающая раздел Британской подмандатной территории Палестины на два государства – еврейское и арабское. Но все арабские страны – члены ООН – дружно проголосовали против. Резолюция, тем не менее, вступила в силу, и вскоре Израиль стал полноправным членом международного сообщества, отстояв свою независимость в жестокой войне против всего арабского мира, Первой войне, за которой последовали другие, – арабы так и не смирились с существованием на территории, которую они считали своей, «сионистского образования». Но в открытых военных действиях Израиль неизменно выигрывал, арабов же, совокупная военная мощь которых многократно превышала израильскую, столь же неизменно ожидало быстрое и унижающее поражение. Именно поэтому после краха в «шестидневной войне» 1967 года вспомнили они старую резолюцию ООН о двух государствах в Палестине, которую они же сами когда-то отвергали. На мировой сцене «внезапно» появился «арабский народ Палестины», впоследствии просто «палестинцы». С этнографической точки зрения этот термин имеет весьма ограниченный смысл – «палестинцы» по языку, обычаям и другим признакам мало чем отличаются от населения окружающих арабских стран. Зато он имеет смысл политический, и убийственно серьезный –

ведь речь идет о тех и потомках тех арабов, что жили в Палестине до образования государства Израиль. Стало быть, это их земля, их родина, в возвращении на которую им отказано.

Но вспомните: ведь эта земля в значительной мере была куплена, и за немалые деньги, еврейскими поселенцами зачастую еще до образования государства Израиль! Когда же в 1948 году арабские армии обрушились на него всей своей военной мощью, уже упомянутый муфтий аль-Хусейни призвал живущих в Израиле арабов бросить свои дома и бежать, обещая им скорое возвращение — после того, как все евреи будут сброшены в море. «Скорое возвращение» не состоялось. Так возникла проблема «палестинских беженцев», лагеря которых были образованы практически по всему периметру тогдашнего Израиля. Управление ООН по делам беженцев охотно взяло их под свою опеку; однако ни одной серьезной попытки к тому, чтобы эти беженцы получили новую родину в одной из соседних арабских стран, предпринято не было. Прежде всего потому, что их, «страдающих арабских братьев», никто не хотел принимать. Арабские лидеры не хотели и не хотят упускать из рук столь мощный инструмент давления на такой гуманный, такой мягкий, податливый западный мир. После многочисленных локальных конфликтов второй половины XX века в Африке, Азии, Юго-Восточной Европе появлялись многие миллионы беженцев, однако их судьба в подавляющем большинстве случаев решалась более или менее благополучно. Но это никогда не касалось палестинских арабов. Нищие и униженные, на скудном содержании ООН и радикальных местных организаций, эти беженцы легко становились и становятся до сих пор «пушечным мясом» исламистского терроризма. Этих «беженцев», численность которых (то есть тех, кто претендует на землю своих предков в нынешнем Израиле) уже давно превышает миллион, Израиль вовсе не хотел бы приветствовать на своей земле, хотя, возможно, смог бы им предоставить и какой-то кров, и работу. Но ведь вместе с этим новым поселенцам нужно было бы предоставить и гражданские права, необходимые по закону демократического государства. Это же касается и так называемых «оккупированных» в 1967 году территорий, на которых и должно было быть создано «Арабское государство Палестина». Израильские правые круги (во всяком случае, их часть) настаивают на аннексии этих территорий, поскольку они относятся к понятию «Эрец Исраэль» — «Земля израильская», там находятся десятки святынь, упомянутых в Ветхом Завете и составляющих неотъемлемую часть истории еврейского народа. Но сейчас большинство населения на этих территориях составляют арабы — частью христиане, частью мусульмане, но равно отнесенные к «палестинцам». Что произошло бы в случае аннексии? Вероятно, палестинский террор удалось бы подавить. Но ведь Израиль — демократическая страна, стало быть, население аннексированных земель получило бы те же права, что и израильтяне-евреи. И тогда само будущее Израиля (как еврейского государства) было бы поставлено под угрозу. Через несколько поколений, даже при самом мирном развитии событий, евреи стали бы меньшинством в собственной стране, а Израиль (возможно, под каким-нибудь другим, не столь ненавистным названием) влился бы в нестройные ряды Лиги арабских стран, бесплодно и безнадежно противостоящих Западу.

Впрочем, такое виртуальное будущее едва ли имеет шансы сбыться — ему противостоит жестокое настоящее, нынешние нелегкие будни Израиля. Внутренняя безопасность, над укреплением которой с первых дней существования Израиля, не покладая рук, работали и все правительства, и армия, и поразительно эффективные секретные службы, внезапно оказалась под угрозой в середине июля 2006 года в результате провокационной вылазки базирующейся в Ливане террористической структуры «Хезболла» («Хизбалла» по-арабски, но я придерживаюсь персидского написания этого слова, означающего «Партия Бога», поскольку организация эта была создана в 1982 году боевиками иранской «Гвардии защитников исламской революции», своего рода «силами СС» ныне уже откровенно фашиствующего режима Тегерана).

Нападение «Хезболлы» прервало долгий период неспокойного мира между Израилем и его арабскими соседями, и в первую очередь — с Ливаном. Вы помните — в 2000 году Израиль, вытеснивший арафатовскую ПЛО из Южного Ливана, уступил место сирийской армии. Она тоже ушла, уступив место «Хезболле», занявшей подготовленные сирийской армией (и вполне профессионально) позиции. Дополнительно к этому были прорыты туннели, устроены ловушки и прочие военные хитрости, характерные для современного уровня партизанской войны. Наконец, были накоплены боеприпасы, в том числе не менее 13 тысяч ракетных снарядов различной дальности. Ни Ливан, ни тем более сама «Хезболла», вооружений не производят, во всяком случае, ракетных. Впрочем, источники особенно и не скрываются. Это и российские «Грады», «Иглы», и иранские «Зильзаль» с ракетами повышенной дальности, пришедшие к «Хезболле» после их модернизации в Иране, а до этого — в Северной Корее или в Китае.

Похитив двух израильских солдат (и убив еще восьмерых), «Хезболла» объявила, что обменяет их на «ливанских заключенных» в Израиле. При этом – выпустила новую порцию ракет по израильским городам. Как можно расценивать эти залпы с точки зрения международного права, ведь их целью явно и только являются мирные жители? Радетели «международного права», включая генсека ООН Кофи Аннана, решили промолчать на этот счет и обратить внимание на «бедственное положение ливанцев».

Дело вовсе не в итогах этой войны, сколь благоприятными или, наоборот, не слишком благоприятными они ни казались бы мировому сообществу. Все дело – в начале. Раньше трюки с похищением и обменом проходили (последний был в 2004 году) – сейчас не проходят. Раньше любое вступление израильских войск на территорию сопредельного государства немедленно осуждалось – теперь помалкивает даже Лига арабских стран, вяло реагирует Исламская конференция. Мир изменился с началом этой войны, и истерический выпад лидера фракции зеленых в бундестаге фрау Кюнаст, требовавшей от Ангелы Меркель прекратить поддержку Израиля, прозвучал как устаревший и пошловатый анекдот.

Дело не в том, кто начал эту войну, кто и в чем виноват. Кажется, мир начинает понимать более простой вопрос: кто есть кто. Дополнительным толчком явилась попытка массового убийства на трансконтинентальных авиалиниях между Англией и США. Президент Буш обозначил организаторов: «исламские фашисты». Возможно, он прав – надоело каждый раз определять различие между «неплохими» светскими исламистами и «гадкими» радикальными исламистами.

В борьбе с этими «гадкими» исламистами Израиль играет роль передового бастиона, оттягивает на себя большую часть ненависти исламо-фашистских орд. Его неудачи – это неудачи всего цивилизованного мира. Его успехи – это и наши успехи. Некая Юдит Бернштайн, член, как она уверяет, влиятельной и представленной во многих немецких городах организации «Еврейский голос за справедливый мир на Ближнем Востоке», германской секции организации «Европейские евреи за справедливый мир», в «Зюддойче цайтунг» требует введения санкций против Израиля, чтобы он прекратил любое использование оружия против арабских соседей, прекратил бы «ковровые бомбардировки» Ливана. Это обвинение – в «ковровых бомбардировках» – появилось в арабской пропаганде вскоре после начала войны, но быстро исчезло, кто-то исправил явную нелепость. Последний раз «ковровые бомбардировки» проводились во время вьетнамской войны, для этого специально вызывались тяжелые бомбардировщики «Б-52», способные нести на борту тысячи бомб. У Израиля таких самолетов просто нет, как нет и нужды в «ковровых бомбардировках» – другой характер местности, да и военная техника шагнула далеко вперед. Бомбы и ракеты с лазерным наведением поражают четко зафиксированные и отмеченные на дисплее цели, и если при этом погибают гражданские лица – значит, они были «живым щитом» для военных объектов.

Не Израиль надо защищать, увещевает Юдит Бернштайн канцлера Меркель, а палестинское население. Ведь не было бы «шестидневной войны» – не было бы и ХАМАС! Продолжим мысль: не было бы Израиля – не было бы и проблемы... Видимо, таким видится этому конкретному «еврейскому голосу» справедливый мир на Ближнем Востоке.

Думаю, что многие разделят мое возмущение позицией этой якобы «многочисленной», но никому не известной еврейской организации. Но вот ведь что удивительно – подобные взгляды вовсе не такая уж редкость в самом Израиле, и они прекрасно соседствуют с проповедью тотальной аннексии арабских земель или с призывами к массированным бомбардировкам Дамаска, Тегерана, Бейрута и других столиц недружественных государств. Таков Израиль – безудержная демократия, до драк в кнессете, шумные споры о политике или по любому другому поводу соседствуют с мужеством и собранностью людей на улицах в минуты опасности. Такова страна, уникальное положение которой в мире только сейчас начинают понимать и в Германии, и в других европейских странах.

Не случайно премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт назвал нынешнюю ситуацию на Ближнем Востоке «моментом истины». И даже вездесущая CNN, навязчиво показывавшая одни и те же кадры развалин в Южном Бейруте или плачущих ливанских детей, за что один из зрителей «поздравил» ее с успехами на ниве исламистской пропаганды, «сменила картинку», дав тем самым хоть какое-то представление о реальной картине событий. Дело ведь не в том, кто прав или кто виноват в каждом конкретном инциденте. Дело все-таки – в изначальных позициях, которые в ходе конфликта стали предельно очевидными и понятными всему миру. Одна из этих позиций: суверенитет Израиля неоспорим, как и его суверенное право противодействовать любым на него посягательствам. В зыбком и утопающем в противоречиях

своде международного права это, вроде бы, предусмотрено. Или нет, не предусмотрено, как считают арабские правоведы, ссылающиеся при этом на десятки, если не сотни, антиизраильских резолюций, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в годы «холодной войны». Мало кто знает, что резолюции Генассамблеи носят лишь рекомендательный характер; обязывает только Совет Безопасности. Впрочем, этот орган в старые времена «холодной войны» тоже принимал решения, которые сейчас поражают явной нелепостью. Разделенный на противоборствующие лагеря мир и не мог принимать действительно разумных решений, что-то обязательно приносилось в жертву во имя «высших интересов». Ведь иначе, не дай бог, ядерный конфликт...

Так или иначе, нынешняя резолюция 1701 Совета Безопасности подтверждает суверенные права Израиля. Да и сам он за те пять недель июля – августа 2006 года, пока шла дипломатическая схватка «бульдогов» под ковром, существенно улучшил свои позиции в противостоянии с экстремистами «Хезболлы».

Все время скатываюсь на анализ ситуации в привычных, годами испытанных параметрах. А ведь мир уже стал другим, и ситуация, хоть и похожа на прежние, но имеет уже другой смысл; и параметры не имеют отношения к телевизионным «страданиям арабских детей». Еврейских детей на севере Израиля убивали не по ошибке – они были целью иранских ракет «Хезболлы». Израильское телевидение не распространяло эти кадры по всему миру. Но, так или иначе, они оказались перед глазами зрителей во всем мире – скромные, лаконичные кадры, убеждающие в том, что жертвами террористических атак действительно становятся близкие нам люди, свободные граждане цивилизованного мира!

Удивительно – на этот раз трюки арабского телевидения заметили очень многие, не говоря уж о профессионалах. Английское агентство Рейтер отказалось от услуг ливанского фотографа, после того как обнаружил грубый монтаж в его снимках. Мы, правда, продолжаем смотреть столь же грубые, иногда совершенно неприличные подделки в репортажах с Ближнего Востока ведущих немецких программ. Прежние стереотипы не уходят легко, они, возможно, еще какое-то время будут искажать нам и зрение, и видение реального мира, проблемы которого сейчас выглядят совсем по-другому, нежели в старом, плоском, двухцветном варианте.

И все-таки – никто не смог отрицать правомерность израильского ответа на явно агрессивный акт «Хезболлы». И все чаще в европейском обществе можно встретить понимание проблем Израиля, которые все чаще становятся и европейскими проблемами. Понимание того, что Израиль – это аванпост Европы и всего цивилизованного мира, и если он потерпит поражение – это будет означать начало конца нашей цивилизации.

Не будем пессимистами – ведь мы уже обнаружили, что мир изменился. В извечном противостоянии добра и зла наш мир качнулся в сторону добра. Он по-прежнему остался двухполюсным, как бы ни настаивали Ширак или Путин на идее «мультиполярности», как бы они ни выпячивали свои наивно-националистические сентименты в качестве дополнительного «полюса». Реальный полюс зла, противостоящий всей мировой цивилизации, носит странную и неудачную кличку: «международный терроризм». Под эту формулировку можно подвести все, что угодно властям, – чеченский или тамильский сепаратизм, Ирландскую республиканскую армию, филиппинскую «Абу Сайяф» и десятки других организаций и движений, так и не добравшись до сути.

Как мы помним, президент США Буш со свойственной ему непосредственностью назвал это явление «исламский фашизм». Это верно лишь в том смысле, что идеология нашего нынешнего противника, да и способы его действий, столь же бесчеловечны, что и во времена Гитлера. Но вот всемогущей организации или партии, неизбежно связанной с понятием «фашизм», сейчас нет. Какие бы длинные руки не были у «Аль-Каиды», она на подобную роль не потянет. Часто можно встретить, особенно в русском Интернете, целые исследования о некоем «всемирном заговоре» против всего человечества, во главе которого, конечно же, стоят Соединенные Штаты, жаждущие всех поработить. Или – о глобальной террористической сети, управляемой из... страну можете назвать сами.

Не таков наш мир, чтобы «глобальная террористическая сеть» или гипотетическое «всемирное правительство» могло влиять на его развитие. И то, что происходит, – это вовсе не «конфликт цивилизаций», это конфликт цивилизации с варварами, не принимающими и даже отрицающими ценности мировой культуры.

«Фашизм», вероятно, не совсем точное определение того, с чем мы имеем дело и с чем можем столкнуться в любой день на наших хорошо обжитых улицах. Исламский экстремизм – тоже неточно, это имеет отношение лишь к каким-то его проявлениям. Есть другое слово, более

старое и полнее отражающее смысл многих событий, происходивших и до сих пор происходящих в Европе. Это слово — ненависть. Она действительно подпитывается исламскими проповедниками, которые непременно обращаются к средневековой истории «всемирной арабской империи», оставившей заметный след в мировой истории и культуре. И даже европейцы редко вспоминают, что понятия рыцарской доблести и чести, единоборства и турниры были восприняты европейским дворянством именно от арабов. Великий рыцарь периода Реконксты, то есть отвоевания Испании от мавров, Родриго Нуньес де Бивар носил прозвище «Эль Сид», по-арабски «господин, властитель». Или «Сид Кампеадор» — Сид Воитель. Читать трагедию Расина — знать только часть истории. Ведь герой был привержен равно и христианской (бедной к тому времени), и арабской (не мусульманской, а именно арабской) культуре, которая принесла в Европу переводы древнегреческой классики и послужила одним из толчков, приведших к расцвету Возрождения.

Карл Мартелл, разгромивший арабские армии в битве при Пуатье в 732 году, остановил наступление ислама на Европу. Удивительно — те же сарацины, то есть арабы, занявшие Сицилию и Южную Италию, довольно быстро были христианизированы, ассимилированы и даже занимали определенные позиции в войсках Священной Римской империи. Потомков сейчас не найти, в церковных книгах лишь христианские имена без указания национальности. Не придавалось тогда этому никакого значения.

Впоследствии и Сицилия, и Южная Италия были завоеваны свирепыми норманнами, вожди которых, Боэмунд и Танкред, прославились во время Первого крестового похода. Следы мусульманских завоеваний утонули в бурной, богатой событиями истории средневековой Европы. Тем не менее, современные авторитеты исламизма постоянно напоминают о кораническом принципе, согласно которому то, что было завоевано воинами ислама, не может быть возвращено прежним владельцам. Стало быть, и Испания, и Юг Италии, и часть Франции, равно как и Греция, и страны Балканского полуострова, да и значительная часть Украины и России, и сейчас должны принадлежать мусульманам.

Понятно, что бред. Тем не менее, апелляции к былому величию занимают солидное место в формировании мировоззрения выходцев из мусульманских стран, живущих в Европе. Споры о том, как проводить интеграционную политику, ведутся во многих европейских странах уже давно, они то утихают, то вспыхивают вновь после какого-нибудь значительного события — вроде затяжной вспышки вандализма во Франции, взрывов в лондонском метро или сорванной попытки массовых терактов на трансатлантических авиалиниях, связывающих Великобританию и США. Дискуссии постоянно идут и в Германии, но нигде это не меняет картины, которая с каждым месяцем становится все неприглядней.

Ах, Елисейские Поля в Париже! Для массового и непритязательного туриста — *nes plus ultra*, конечная и, можно сказать, самая привлекательная цель в Столице мира. Посидеть в одном из многочисленных кафе под Эйфелевой башней, не забираясь даже на ее вершину — и все, «был в Париже»! Не тут-то было — все места в близлежащих кафе заняты, и надолго, крикливыми мужчинами в мятых пиджаках и дамами, закутанными в арабские одеяния, с непререкаемым головным платком — «хиджабом», а то и вообще в чадре. Или еще хуже — смуглыми юнцами, задирающими проходящих мимо молодых туристок. Еще хуже — в окраинных районах Парижа, куда французы просто боятся заходить.

Мои друзья-немцы, осевшие на пенсии в крошечном живописном Рёндорфе, на левом берегу Рейна, когда-то жили в Бад-Годесберге, прежде шикарном дипломатическом районе Бонна. И вот — они у подножия невысокой горки Годесберг, увенчанной цилиндрической рыцарской башней. Вокруг — в лучшем случае цыганский табор, только одеяния черные и лица женщин закрыты. Даже в немногочисленных обычно бутиках полно людей, они не покупают, только присматриваются. В Париже в прошлом году тоже присматривались — и потом разграбили начисто, когда по всей Франции начались массовые поджоги. Мусульманские юнцы (многие из которых, кстати, имеют французский паспорт), разъезжавшие на мотоциклах, делали свое черное дело и смывались до приезда неспешной полиции. С большим трудом властям Парижа, да и всей Франции, удалось вновь овладеть ситуацией. Надолго ли? Известно, ведь новая вылазка может иметь совсем другой характер. Враг изобретателен, а в том, что это именно враг, сомневаются разве что левые «интеллектуалы», объясняющие события «мстостью за колониальное прошлое Франции». Да уверяю вас, ни один из этих юных вандалов об этом прошлом и не слышал — если кто-то из них учится в школе, то занимает самые последние места по успеваемости. Очень близкая картина и в Германии — некоторые дети турецких и ближневосточных эмигрантов вообще не учатся, а те, кто все же посещает школу, знаниями не блещут и не стремятся выбиться

в люди, за редкими исключениями. Поэтому, кстати, столь огромное количество мусульманских детей на улицах европейских стран явно во время школьных занятий. Все-таки есть, конечно, и во Франции, и в Германии, и в других странах выходцы из мусульманской среды, достигшие немалых высот в общественном положении. Но это все же исключения, не правило.

«Ошибки в политике интеграции» — неизменно заявляют критики в Германии и те же «левые интеллектуалы» во Франции. Впрочем, ни в той, ни в другой стране никакой развернутой и единой политики интеграции и не существует. А как — эти из Косово, а эти — из Экваториальной Гвинеи, — поселить их в одном общежитии, а потом считать трупы? Считают ведь, таких случаев множество везде, где беженцев или эмигрантов принимают с распростертыми объятьями и не объясняют, что есть законы, и нельзя вести себя так, как в джунглях (или в горах, или в степи, или в Нигерии, или в Казахстане).

Фундаментальная ошибка всей интеграционной политики европейских стран состоит в том, что интегрировать (или даже ассимилировать) человека можно в том лишь случае, если он сам этого хочет. Для этого, кстати, ему нужно преодолевать немалое сопротивление общины, в которой он живет или из которой он происходит. Рассказы об этом сотнями появлялись и во французской, и немецкой прессе. Результат — нулевой. Правительства же исходят из того, что надо иметь дело не с отдельными личностями, а с целыми общинами. Мусульманской, православной, еврейской — все равно. По религиозному признаку. Или — по этническому, но это уже сложнее.

Но ни в том, ни в другом случае не принимаются во внимание серьезные отличительные характеристики, которые помогли бы интеграции. То, что определяется как «особый подход». Хотя — ведь для этого нужны специалисты, а кто же уступит им свое место в разбухших до предела и предельно неэффективных социальных ведомствах?

Самой легкой страной в смысле интеграции до сих пор считалась Великобритания. Действительно — индийцы, пакистанцы, бангладешцы, выходцы из Карибского бассейна изначально владеют английским языком (или хотя бы его диалектами), знакомы в той или иной мере с основными ценностями английской культуры. Но где остаются эти ценности, когда люди попадают в Англию, страну своей мечты? В Лондоне никогда не встретишь пренебрежительного отношения ни со стороны англичан, ни со стороны иностранцев — разве что в ресторане «New Orleans», где я целый час разбирался в тонкостях кухни «кажун» и выяснял особенности приготовления блюда под названием «джамбалай».

На самом же деле — препятствие интеграции состоит вовсе не в политике того или иного правительства. Оно состоит прежде всего в политике самих общин, некоторые из которых активно противодействуют интеграции. В первую очередь — мусульманских общин. Известна уже давно академия короля Фаха в Бонне, ее не раз ловили за руки, обвиняя в пропаганде насилия. Учебники быстро изменили, насилие против христиан и евреев — теперь предмет устного курса. Станут ли от этого ученики гуманнее или хотя бы разумнее? Едва ли. «Шахиды» растут на наших глазах, и мы так же спокойно принимаем.

Точно так же выросли они и в благополучной Англии. Шок 7 июля 2005 года — все виновные являются гражданами Англии, хоть и происхождение их по большей части пакистанское. Нынешний шок 10 августа 2006 года (хоть бомбы в самолетах и не взорвались) демонстрирует лишь одно — получение гражданства не является показателем степени интеграции.

Мы много раз встречались, и в исторической литературе, и в рассказах людей, становившихся близкими друзьями, со страшным понятием «гетто». Не знаю. Евреев сгоняли в гетто во время войны, путь наружу был один — в лагеря смерти. Но были же еврейские гетто и в испанских городах и, наконец, в Амстердаме, существовавшие с одной целью — сохранить еврейскую идентичность. Точно так же, как в Старом Иерусалиме или в Цфате все время, еще со времен вавилонского пленения, жили религиозные евреи и молились, и века пронесли над ними, не тронув их, лишь дав им право и дальше творить святое дело.

Гетто — это не обязательно то место, куда сгоняют или которое люди сознательно выбирают как свою обитель. Гетто может находиться и внутри нас — это я не раз видел в Германии, где вполне дееспособные евреи заявляли, что они, дескать, не могут слышать немецкий язык, у них от него аллергия, что они могут находиться только в своей среде.

Самый первый и самый глупый вопрос: а какого черта ты сюда приперся? Мы его пропустим и обнаружим понятие: своя среда. Иными словами, гетто, определенная общность (в условиях регулярного общественного транспорта даже не ограниченная географически) людей, связанных происхождением, культурой, языком, и главное — неприятием окружающего мира как своего даже в неопределенном будущем.

Любой эмигрант, не слишком уверенный в себе, неизбежно становится обитателем гетто. Пусть даже ему удалось поселиться в другом районе — щупальца гетто достанут его где угодно. Когда-то я поработал немного в Бангладеш, выучил язык и через несколько лет подружился с компанией бенгальцев, работавших в Лондоне. Они были... бухгалтерами, и успешными — в то время людей этой скучной профессии в Англии не доставало. Они были прекрасно интегрированы в английское общество (среднего класса, разумеется) и не испытывали никакого дискомфорта ни в работе, ни на улице — их, низкорослых, щупленьких и темнотицких, никто не отличал от «своих».

Главное — что они поселились в скромном районе, где селились и их соотечественники. И началось — приходит «брат»: моя, дескать, двоюродная бабушка была родней — через третьего мужа — твоей троюродной бабушке! Стало быть — родные братья, и ты должен мне помочь! Хорошо еще, если индивидуальному проходимцу, хуже — если какой-то организации, настоящие намерения которой маскируются под гуманитарными лозунгами, вроде «помощи арабским беженцам». Подобных организаций и в Англии, и во всей Европе тысячи, и финансовые органы арестуют их счета только в том случае, если доказано, что средства перечислялись какой-то из организаций, признанной (в законном порядке) террористической.

Мои знакомые спаслись — встав на ноги, они переселились в район, куда щупальца гетто не дотягиваются, — пока, во всяком случае. Имен их я приводить не собираюсь. Я подписываю свои материалы своим именем, этого достаточно. Как-то редактор Борис Вайнблат по секрету признался: мы не переправляем тебе письма читателей, там какие-то «фетвы» арабских шейхов с угрозами в твой адрес. Зря, конечно, — было бы интересно им ответить.

Опасность мусульманского терроризма в Европе очевидна — уже никто не может утверждать, что взрывы в мадридских электричках, в лондонском метро, попытка (к счастью, неудачная) взорвать десятки гражданских самолетов на маршрутах из лондонских аэропортов в США — это стихийные взрывы недовольства. Это хорошо спланированные атаки, и едва ли вызвало удивление то, что разветвленная сеть «Аль-Каиды» брала за них ответственность. Арестованные в Лондоне и в Пакистане продолжают давать показания; и уже не вызывает удивления то, что все они — британские граждане. Это говорит лишь о тотальном провале интеграционной политики во всем Европейском союзе, идеологи которого по-прежнему настаивают на политике мультикультуры, «мульти-культи». Гетто, о которых мы говорили ранее, процветают и в Англии, и во Франции, и в Германии. Не территориальные анклав, как когда-то, — нынешние гетто основаны на духовной (или бездуховной) общности и могут объединять обитателей не только разных городских районов, но и разных городов. С другой стороны, их нельзя обвинить в принадлежности к какой-то единой организации. Главное — что они не хотят (или не могут) интегрироваться в окружающее общество и поэтому испытывают к нему глубокую ненависть. Их гетто действительно внутри, и к нему-то легче всего добиваются проповедники и агитаторы радикальных исламистских организаций. Достаточно простая схема, до которой не могут докопаться многочисленные органы, занимающиеся интеграцией. Когда что-то не срабатывает в предлагаемой ими системе — или вообще ничто не срабатывает, у них один аргумент — денег мало было. Интеграция, дескать, — дело дорогое. На самом деле интеграция — дело бесплатное. Тот, кто хочет быть достойным членом данного общества, прилагает собственные силы и даже платит собственные средства, чтобы им стать. Тот, кого «интегрируют» с помощью принудительных языковых курсов, принудительного устройства на работу (специалистов высочайшего класса отправляют на уборку кладбищ), едва ли проникнется мыслью о «ведущей немецкой культуре», ему и чудесный немецкий язык может стать ненавистным из-за идиотской «политики интеграции». И никаких положительных сдвигов в этом направлении не следует ожидать ни в одной из стран «Старой Европы» — слишком сильна бюрократия, которая получает огромные деньги за нулевые результаты — и требует еще больше, не обещая ничего взамен. К эмигрантам — и, соответственно, к потенциальным террористам — это никакого отношения не имеет.

Опасность исламского терроризма в Европе велика. Удивительно, что собственно мусульманские страны Европы такие, как Босния или Албания, не имеют к этому терроризму практически никакого отношения. А ведь в войсках Блистательной Порты албанцы часто служили ударной силой, многие из них занимали солидные посты. Паша греческого города Янины Али Тебелин, известный нам по роману Дюма «Граф Монте-Кристо», на самом деле не был благородным правителем — он безжалостно вырезал все население Янины, включая маленьких детей. Он был албанцем...

Впрочем, собственных амбиций, претензий на мировое господство у албанцев никогда не было. Да и мусульманство их не изначально — в 14-м веке полководец Александр Кастриоти, объединивший страну, получил от Папы Римского почетный титул «защитник престола». Впрочем, как и Сид Кампеадор, он мог вступать в отношения с иноверцами и получил имя Скандербег (Искандер-бек), под которым и вошел в историю. Жестокий истребитель турок валахский господарь Влад Дракула, прозванный «Цепеш», то есть «сажающий на кол», тоже в конце концов отрекся от православной веры и ушел к туркам.

Самыми стойкими и в вере, и в стремлении противостоять иноземному нашествию, оказались венгры. Народ, вовсе не родственник ни одному из соседей (ближайшие родственники — Ханты-Мансийский округ нынешней России). Подвиги Яноша Хуняди и Матьяша Корвина стали легендой европейского Средневековья, на целое столетие задержав наступательный порыв Османской империи. И, наверное, если бы не венгры и столь же отважные поляки и чехи, турецко-мусульманские полчища смогли бы захватить Вену. В 1683 году генерал Штаремберг очень умело оборонялся от осаждавших Вену янычар, но силы уже были на исходе... Отважный офицер Юрий (Ежи Юзеф) Кульчицкий, уроженец Львова, пробился к армии союзников, которую собрал польский король Ян Собеский, и убедил его срочно выступить в поход. Вскоре турки были разгромлены, Вена спасена. В награду Кульчицкий выпросил себе триста мешков кофе, захваченных в турецком обозе. Он знал, с чем имел дело: когда-то побывал и в турецком плену. С этого момента пошла история знаменитого кофе по-венски, а памятник Кульчицкому и улица его имени — до сих пор в центре Вены...

С этого момента начался закат Османской империи и своеобразная «восточноевропейская Реконкиста, увенчавшаяся завоеванием независимости Греции, почти четыре века страдавшей под османским игом. Сейчас Греция — нормальная европейская страна, достойный член европейского сообщества, не испытывающая никаких комплексов по поводу совсем недавнего, в историческом плане, турецкого владычества. В отличие от России, идеологи которой до сих пор списывают отсталость страны на трехсотлетнее татаро-монгольское иго. Оно, впрочем, зачастую сводилось к выплате дани и к союзническим отношениям с Золотой Ордой. И даже православный святой Александр Невский, в 1242 году разбивший войска христианского же Немецкого ордена на Чудском озере, пользовался помощью татарской конницы...

Разумеется, длительное господство Османской империи в Восточной Европе оставило свои следы — и в виде экономической отсталости, закрепленной коммунистическим правлением, которая только теперь начинает постепенно исчезать. И в виде извращенной структуры общества, в котором до сих пор огромное место занимают самоуправство и коррупция. До реальной власти закона еще очень далеко. Есть польская мафия, румынская мафия, сербская или албанская, какая угодно, с которыми приходится иметь дело органам правопорядка «старой Европы». Все это может влиять на уровень уголовной преступности — но никак не на уровень угрозы терроризма. Мусульманские меньшинства в Болгарии или Македонии никоим образом не затронуты этим моровым поветрием — либо в силу малой досягаемости со стороны реальных игроков на исламистской арене, либо в силу обостренного инстинкта самосохранения.

Исламистская, а стало быть, террористическая опасность для Европы исходит вовсе не от коренных жителей, когда-то принявших ислам; вероятно даже и не от албанцев, вырезавших когда-то греческие города и селения. Это все — прежняя ненависть, которая сперва уступила место взаимной неприязни, а потом уж — взаимопониманию. На это понадобилось несколько веков...

Наш 20-й век (жителем 21-го я до сих пор не могу себя ощутить, не понимаю, что это такое) был настолько богат яркими событиями, что они заслоняли медленные процессы, вычленив из них какие-то всплески, какие-то символы, которые и становились вехами века. «Битлз» — вот это событие. «Фултонская речь» Черчилля — никто не помнит. Долгий и болезненный период деколонизации вообще выпадает из истории: всего лишь Франция, Англия, Голландия и Бельгия отказались от своих заморских владений. Лишь Бельгия счастливо избежала массовой эмиграции конголезцев; в Голландии сотни тысяч выходцев из Индонезии, Суринама и Нидерландских Антиль; во Франции — алжирцев и марокканцев; в Англии — пакистанцев, индийцев, африканцев.

Голландские индонезийцы не представляют для властей никакой проблемы. В отличие от самой Индонезии, в голландской общине не наблюдается никаких признаков радикализации. Более того, солидные позиции занимает RMS (Republik Maluku Selatan) — самопровозглашенная республика Южно-Молукских островов, населенных преимущественно христианами, в последние годы подвергающихся насильственной мусульманизации.

Тем не менее, именно в Голландии был убит режиссер Тео ван Гог, известный своими правыми взглядами. Ясно, что индонезийцы не виноваты, и полиция быстро перестала искать в этом направлении. Кто же тогда? Глупый вопрос. Со времени массовой эмиграции из Индонезии в Голландию приехали десятки тысяч людей, не имеющих ни малейшего отношения к колониальному прошлому страны. Какое уж колониальное прошлое у Германии? В числе эмигрантов – никого из Юго-Западной Африки или из крошечной Гамбии. Из Эфиопии, бывшей когда-то под властью фашистской Италии, а потом вполне процветавшей при императоре Хайле Селассие первом, – огромное количество беженцев по всему миру, в том числе и в Германии. После организованной советскими агентами революции к власти пришел никому дотоле не известный Менгисту Хайле Мариам, уничтоживший императорскую власть. Она велась непрерывно со времен Соломона и царицы Савской... Но эфиопы – христиане, и даже марксистский режим не смог бы их подвигнуть на преступления, направленные против братьев по вере. Нет, нигде в Африке не найти следов террора. Разве что в Судане, стране, говорящей по-арабски, но населенной настолько невероятной смесью различных рас и племен, что единственной объединяющей основой для них становится ислам. Чернокорые визирь, которых мы видели в сериале «Ангелики», были на самом деле – и были из Судана.

Сейчас, как убеждены разведорганы многих европейских стран, Судан стал полигоном для террористических групп радикальных исламских организаций. Что ж, это еще один повод для пристального наблюдения.

И все-таки пример Британии убеждает: враг среди нас. Пакистанское сообщество имеет самые тесные связи с прежней родиной, а родина изменилась кардинально за последние десятилетия. Генеральский режим, прочно удерживающий страну в рамках союзников Запада, не способен по-настоящему контролировать ситуацию внутри страны. Государство, родившееся в результате активности «Мусульманской Лиги» и ее лидера Мохаммеда Али Джинны, не отказалось ни от светских идей, ни от идеи «чистоты ислама». Ведь и само название государства несет в себе эту мысль: «Пакистан», «чистая страна». Может быть, отсюда такая сила, такое влияние исламистско-джихадистских течений именно в Пакистане? Ведь, в конце концов, режим талибов в Афганистане вырос именно из пакистанских медресе – средних религиозных школ? Они и сейчас все на месте, никто и не удосужился их закрыть или хотя бы перепроверить их контакты с постоянно приезжающими из Англии бывшими учениками. Результаты еще могут появиться, но сейчас они ничтожны. Хорошо сработала пакистанская разведка, английская тоже неплохо – но лишь в предотвращении теракта, а не в ликвидации его корней.

Не может быть, чтобы никто не знал о готовящихся терактах на трансатлантических авиалиниях. Не может быть, чтобы никто не знал о планируемых убийствах в лондонском метро или на трансатлантических авиалиниях. Люди молчат. Не потому, что боятся мести соседей, – молчат потому, что соседи тоже молчат. Организаторы «11 сентября» жили спокойно в Германии. Уровень безопасности с тех пор повысился, и вот опять – невзорвавшиеся бомбы в поездах. Что теперь? Военное положение в Европе?

Я думаю, переживем. Нас пугают. В этом случае самое главное – не испугаться или хотя бы не показать свой страх. Не может Европа, со всеми ее недостатками, но и со всеми великими достижениями, стать заложником откровенных подонков, лишь декларирующих свою принадлежность к исламу, на деле же исповедующих лишь одно чувство – ненависть. Ненависть, порожденную собственным бессилием.

Продолжение следует

ИНЫЕ ЖАНРЫ...

Владимир БЕРЯЗЕВ

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

* * *

Из подъезда – морозный пар.
Хабанеру
Исполняет сосед Захар
Под фанеру.

Он сегодня дразнил гусей
И ментовку –
Объявлял по России всей
Голодовку.

Но народ голодать устал,
Хочет мяса,
В Думу – беса, на пьедестал –
Карабаса.

Ох, казацкая голытьба –
Любо, любо!
Эх, свобода, гульба, пальба –
Куба, Куба!

Тега-тега, пролётный гусь!
Коба, Коба!
Я вернусь на святую Русь
В лодке гроба.

Я пройду по тропе войны
До маразма,
Я узнаю, что вместе мы –
Протоплазма.

Полечи меня, отлучи
От заботы...
С неба падают кирпичи,
Самолёты,

Шатлы, станции, города
Райских бредней.

Я любил тебя не всегда!
В миг последний,

На морозе, на срезе дня,
Возле бара,
Умоляю — прости меня
И Захара...

* * *

Версия для печати: «лепо ли нам начати»...
Липовая нога
Вместе с культёю ноет. Время, как паранойя,
Даже из утюга —
Включишь — одно долдонит: то, что в воде не тонет,
То, что и прах, и смрад,
Стало, в цветной обёртке, в рюшечках и в оборке,
Славой на новый лад.

Экая простокваша! Скисла Россия наша.
Будем варить творог,
Кремль ругать заглазно и избирать согласно
Тролля на новый срок.

Чур меня, Че Гевара! Щирого кочегара
Видел бы я в гробу.
Мир, Черномор горбатый, снова под аты-баты
Лихо летит в трубу.

* * *

По дебаркадеру окурок катится,
И зной полуденный, и ветерок,
Ты, канарейкою в лимонном платице,
Сидишь, любишь на катерок.

На белом катере от дебаркадера —
Оно, пожалуй бы, куда с добром.
Да, да, сударыня! Но надо к матери —
В усадьбу летнюю, через паром.

У дебаркадера на дутой камере
Шпана купается — наперекрик.
Ты погостишь денёк, тепло пока ещё,
И в город каменный — на материк.

Из джипа старого поёт Макарова,
Там Пивоварова — а la шансон,
А баба шалая с причала ржавого
Торгует рыбою второй сезон.

Постой, порадуйся и с дебаркадера
Окликни солнышко, пока-пока,

Пускай в луче его перекликаются
Ладони, локоны и облака.

* * *

Мягкие, вялые, тёплые губы,
Как у Неёловой в юном кино...
Что, безлошадному, мне до Гекубы?
Что я Гекубе? Вот то и оно.

Дырка от бублика пахнет морозом.
Солнце калашное слепит в упор.
Небо снега залило купоросом,
И с оптимизмом уже перебор.

Ласково катит автобус, автобус.
Лапкою, лапкою машет сосна.
Ногу свело до подмышек, а то бы
Крикнул: «Айда на моя сторона!»

В варёжке смех утаился пуховый,
Не оглянулась и села в такси.
Я ли дурак? Или мир бестолковый?
В Yandexе у Интернета спроси...

МЧС-КАГАН

«Шойгу – айда в тайгу!»...
Поговорка

Нам не нужны Мальдивы и Ямайка,
Не суждены нам счастье и покой –
Как хороша в России чрезвычайка,
Во всей земле не сыщете такой!

Уж коли где чего-нито случилось,
Сображдане, не бойтесь умирать,
На небеса, где правит Божья милость,
Проводит вас спасательная рать.

Её глава на страже и на стрёме
При всех режимах доблестно служил,
Красив, богат, могуществен и кроме
Всего того – кремлёвский старожил.

Всего достиг умением и старанием,
Как завещал отец его – сойот,
Его встречают бубном и камланием,
А без него и солнце не встаёт.

Не знал коня, не ведал малахая,
Но, сын Тувы, велик среди людей,

Шойгу-каган, из рода урянхая,
Непобедим, как темник Субэдэй.

И если будет смута или свара,
Он вновь спасёт империю свою,
Исполнит всё жесточе комиссара...
Прощай, Россия,
встретимся в раю!

СКАЗКА

После лёгкой эвтаназии
С применением топора
Я очнулся в сердце Азии
Под трёхкратное «ура!»

Предо мною степь широкая,
Неба синего шатёр,
И девица волоокая,
И сердитый Черномор.

Вот войска мои победные –
Ощетинились вовсю,
И я конницей заветною
Бью по вражьему ферзю!

И пленяю хана ханского
Вместе с целою семьёй
У предела Шамаханского
Огромной фузейей.

Что ж ты, девица-красавица,
Не танцуешь, не поёшь?
На тебя полмира зарится,
А ты горьки слёзы льёшь.

Агаметноны с парисами –
Как на шахматной доске!
А, за дамскими капризами,
Мир висит на волоске.

Верьте мне или не верьте ли,
Доведёте до греха,
Ох, пожарю я на вертеле
Золотого петуха.

Предсказателя-гадателя
Вышлю прямо на Луну,
Потому — люблю Создателя
И родимую страну.

Торчит рубильник.
Молчит мобильник.
Держись, Маруся, не умирай!
Быть может викинг,
Приедет викинг,
А может даже и самурай.

У самурая судьба такая –
Ему кого бы завоевать.
А ты, на страже родного края,
Ты возле бани, ты у сарая
Его захочешь поцеловать.

И меч отнимешь, и так обнимешь,
И не обманешь его надежд,
И он утонет, как город Китеж,
Холмов величественных промеж.

Во тьме кромешной, в соломе рыжей
Он позабудет про свой позор,
«Тошибы» славу и «Мицубиши»,
Пойдя на службу в Ночной Дозор.

По всей Сибири уполномоча
Себя дежурить, япона-мать,
«Сарынь на кичку!» и «Экимоча*!»
В патриотизме начнёт орать.

И он построит, с тобой построит
Всё, что варягам не удалось,
Чтобы работал на всех андроид,
И мирно детям везде спалось...

* высшее наслаждение, кайф (яп.)

Коротко об авторах

Людмила Агеева Прозаик. Родилась в Ленинграде. По образованию физик, закончила Ленинградский университет, кандидат физико-математических наук. Много лет работала в Государственном оптическом институте. В 1997 г. переехала в Германию. Широко печатается в русской и зарубежной периодике. Лауреат международного конкурса 1992 года на лучший женский рассказ. Живёт в Мюнхене.

Владимир Берязев Поэт, прозаик, эссеист. Родился в г. Прокопьевске в Кузбассе в 1959 году. Закончил Новосибирский институт народного хозяйства и Литературный институт им. Горького в Москве. Сопредседатель Ассоциации писателей Сибири, директор журнала «Сибирские огни». Автор шести книг и множества поэтических и прозаических журнальных публикаций. Живёт в Новосибирске.

Михаил Блехман Родился в 1951 г. в Харькове. Лингвист, переводчик, кандидат филологических наук. Автор более 100 научных публикаций на английском, русском и украинском языках. Основатель и директор фирмы «Lingvistica '98 Inc». В 1998 г. вместе с семьёй переехал в Канаду. Пишет рассказы, пьесы, литературоведческие эссе. Перевёл на русский язык «Приключения Алисы в Стране Чудес». Редактор интернет-альманаха «Порт-Фолио». Живёт в Монреале.

Юдит Герман Прозаик, эссеист, журналист. Родилась и живёт в Берлине. Училась в университете, занималась театром, музыкой, журналистикой, подрабатывала официанткой. После первой же книги рассказов в очень короткий срок стала одним из самых известных прозаиков современной Германии, названная одним из критиков «немецкой Вирджинией Вульф». Лауреат престижной немецкой литературной премии имени Генриха фон Кляйста.

Ефим Гофман Родился в 1964 году в Киеве. В 1986 году окончил Горьковскую (Нижегородскую) государственную консерваторию им. М. И. Глинки по классу композиции. Занимается сочинением музыки для кино и театра, преподаёт эссеистику. Публикуется в ведущих российских периодических изданиях. Живёт в Киеве.

Игнатий Ивановский Поэт, переводчик, эссеист. Родился в г. Ленинграде. Закончил Ленинградский университет. Автор множества книг и публикаций в российской и зарубежной периодике. Лауреат премии Шведской академии. Живёт в Санкт-Петербурге.

Евгений Кочанов Публицист-международник. Родился в 1943 году. Выпускник Института восточных языков при МГУ им. Ломоносова. С 1968 года — сотрудник международного отдела Всесоюзного радио, с 1976 по 1993 гг. — корреспондент Советского (впоследствии Российского) телевидения и радио в странах Южной и Юго-Восточной Азии, печатался в московской и зарубежной периодике. С 2000 года живет в Германии (г. Бонн), регулярно печатается в русскоязычной периодике. Член Международного союза журналистов.

Ефим Курганов Родился в 1957 году, окончил филологический факультет Тбилисского университета, доктор философии (1995, Хельсинки), доцент русской литературы Хельсинкского университета (2000). Преподаёт русскую литературу в Сорбонне. Автор 11 книг («Розанов и евреи», «Достоевский и Талмуд», «Роман Достоевского *Идиот*», «Анекдот как жанр», «Литературный анекдот пушкинской эпохи», «Лолита и Ада» и др.). Первый роман из серии «Шпион Его Величества» был опубликован в 12-м номере «Невы» за 2005 год. Живёт в Париже.

Андрей Кучаев Прозаик, драматург, киносценарист. Родился в 1939 г. в Москве. Окончил Московский электротехнический институт в 1963 г. и Высшие сценарные курсы в 1973. Работал инженером, был зам. главного редактора журналов «Новая Россия» и «Русская виза», преподавал в Новом гуманитарном университете. Автор многих прозаических книг, пьес и киносценариев. Лауреат двух литературных премий и конкурса на лучшую пьесу. Широко публикуется в ведущих российских литературных журналах. В 1995 г. переехал в Германию. Живёт в Кёльне

Самсон Мадиевский Родился в 1931 г., закончил историческое отделение Кишиневского университета в 1953 г. Кандидатскую диссертацию защитил в 1969 г., докторскую в 1982 г. С 1959 по 1996 гг. — научный сотрудник Института истории АН Молдовы. Автор и соавтор 8 монографий и более чем 60 статей по истории Молдовы, Румынии, истории исторической науки, методологии исторического познания. С 1996 г. живет в Германии (Ахен). Занимается главным образом различными проблемами истории России, Советского Союза, Германии. Публикуется в Германии, Англии, Франции, Бельгии, Нидерландах, Дании, Швейцарии, США, Израиле, России, других странах СНГ и Балтии, Польше, Венгрии, Румынии.

Ольга Матюшкина-Герке Прозаик, журналист. Родилась в Ленинграде в 1970 году, закончила юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Постоянный автор газеты «Лондонский Курьер», принимала участие в передачах Русской Службы BBC. Живет в Манчестере, Англия.

Александр Медведев Поэт, публицист, журналист. Родился в 1945 г. в сибирском городке Колпашеве. Работал на шахте, на заводах Урала, стройках Ленинграда и Москвы; в настоящее время, кроме литературной работы, занят в предпринимательстве. Окончил Высшие литературные курсы, член Союза писателей с 1976 г. Автор семи книг стихов и множества публикаций в ведущих российских литературных журналах и газетах. Живёт в Москве.

Александр Мелихов Прозаик, критик, публицист. Родился в 1947 г. в г. Россошь Воронежской обл. Окончил математико-механический факультет ЛГУ, кандидат физико-математических наук. Автор множества прозаических книг, журнальных и газетных публикаций. Широко печатается в России и за рубежом, ведёт большую общественную деятельность. Лауреат нескольких литературных премий. Живёт в Санкт-Петербурге.

Вера Павлова Поэт, эссеист, музыковед, художник. Родилась в 1963 году в Москве. Окончила музыкальный колледж им. Шнитке и музыковедческий факультет Института им. Гнесиных. До 18 лет, по благословению Арама Хачатуряна, готовила себя к поприщу композитора. Работала экскурсоводом в доме-музее Шалаяпина, печатала музыковедческие эссе, около десяти лет пела в церковном хоре. Автор шести поэтических книг и множества публикаций в ведущих российских и зарубежных литературных изданиях. Лауреат Главной премии им. Аполлона Григорьева за 2000-й год. Живёт в Москве.

Анна Павловская Поэт. Родилась в 1977 году в Минске. В 2002 году переехала в Москву. Студентка Московского института журналистики и литературного творчества. Лауреат нескольких молодежных литературных премий.

Марина Палей Прозаик, переводчик, сценарист. Родилась в Ленинграде, закончила медицинский институт, работала врачом. В 1991 году с отличием закончила Литературный институт. Печатается с 1987 года. Автор восьми книг. Переведена на двенадцать языков. Финалист премий Букера (2000, роман «Ланч»), И. П. Белкина (2005, повесть «Хутор»), «Большая книга» (2006, роман «Клеменс»). Выступает в жанре one-person-show, соединяя свою лирику, фотографию и дизайн с классической и современной музыкой. С 1995 года живёт в Нидерландах.

Инна Ростовцева Критик, литературовед, поэт-переводчик. Родилась в 1938 году в г. Ефремове Тульской обл. Окончила филологический факультет Воронежского госуниверситета и аспирантуру МГУ. Автор нескольких литературоведческих и поэтических книг, книг переводов немецкой поэзии и многочисленных статей по проблемам русской классической и современной литературы. Сейчас является литобозревателем журнала «VIP-Premier», ведёт творческий семинар в Литературном институте им. Горького. Живёт в Москве.

Хаим Соколин Прозаик. По образованию геолог, доктор геолого-минералогических наук, международный консультант по разведке нефти. Автор многочисленных рассказов и очерков, а также документальной повести «Есть ли нефть в Израиле? Записки идеалиста» (издана на иврите в 1990 году, на русском — в 1998 году). Публикуется в израильских русскоязычных газетах, в журналах «Время и Мы» (США) и «Гамбургская мозаика» (Германия). Живет в Иерусалиме.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЗАПИСКИ
Журнал русской литературы
Выходит ежеквартально

“Partner“ Verlag
Руководитель издательства: Михаил Вайсбанд
Художник: Р. Дубинский
Компьютерная верстка: В. Аввакумов
Корректор: Р. Вайнблат
Подписано к печати 13.11.2006

Адрес: “Partner“ Verlag
Postfach 104219
44042 Dortmund, Germany
Тел.: +49 / 231 / 950 94 10 (общий)
+49 / 231 / 952 973 16 (подписка)
E-mail: info@zapiski.de

Банковские реквизиты:
Konto 190 57 36
BLZ 440 700 24
Deutsche Bank Dortmund

Электронная версия в Интернете:

<http://magazines.russ.ru/> (Журнальный зал)
<http://www.zapiski.de>

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Для подписки на журнал вышлите, пожалуйста, в адрес издательства (“Partner“ Verlag, Postfach 104219, 44042 Dortmund, Germany) Ваши данные (адрес и телефон) и квитанцию об оплате подписки: 16 евро для жителей Германии и 27 евро (или чек на 27 евро) – для проживающих вне Германии. Вы получите четыре очередных выпуска журнала.

По вопросам подписки и приобретения ранее вышедших выпусков журнала звоните по тел.: +49 / 231 / 952 973 16

АНОНС

Читайте в девятом номере «Зарубежных записок»

Прозу

Нины Горлановой (Пермь)
Леонида Гиршовича (Ганновер)
Михаила Гиголашвили (Саарбрюкен)
Владимира Жукова (Москва)
Виктора Серебряного (Нюрнберг)
Мирослава Шимека и Йиржи Гроссмана (Прага)
продолжение романа Хаима Соколина «Серая зона» (Иерусалим)

Стихи

Александра Руденко (Видин, Болгария)
Юрия Беликова (Пермь)
Петра Межурицкого (Ор-Акива, Израиль)

Публицистику и эссеистику

Юрия Малецкого (Аугсбург)
Евгения Кочанова (Бонн)

и другие интересные материалы

